

З Н А К И С У Д Ь Б Ы

Наталья Калинина

*Зеркальный
лабиринт*

Annotation

В зеркальном лабиринте старинного дома блуждает потерянная душа. Ей скучно в мертвенном черно-белом мире, и она мечтает любыми способами вернуться в мир живых.

Анна и ее возлюбленный Рауль, вместе с друзьями приехавшие в этот дом, чтобы провести там отпуск, не знают, что опасность грозит не только их любви, но и жизни.

-
- [Наталья Калинина](#)
    - [Пролог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

Наталья Калинина

Зеркальный лабиринт

В произведении использованы тексты песен Diego Martín «Sobra», «De que me vale quererte». Перевод Нины Арутюновой.

Памяти Алексея Сабко

Пролог

1970 год, Испания

Ее терзали противоречивые чувства: с одной стороны, любопытство толкало в спину, словно озорной товарищ, но только Ванесса приближалась к двери ванной, чтобы приоткрыть ее и хоть одним глазком посмотреть, что происходит внутри, как страх хватал за руку, принуждая отступить. Но просыпающееся беспокойство подхватывало под локотки и водило по комнате нервными кругами, сужавшимися постепенно до маленького пятка возле двери ванной. Что же там происходит? Страх и любопытство на разных чашах весов, и тяжелеющая с каждой проходящей минутой «гирька» беспокойства, поставленная к любопытству...

Ванесса приложила ухо к отполированному временем темному дереву, прислушалась. Ни звука. Ни шороха. Ни вдоха. Будто в помещении и нет никого. Открыть? Но Мария строго-настрого запретила ей мешать, напротив, дала важное задание – следить за тем, чтобы в комнату не заглянул кто-нибудь из взрослых, а если это произойдет, каким-нибудь разговором отвлечь вошедшего.

Но время бежало, а из ванной, в которой закрылась Мария, не доносилось ни звука... Ванесса не знала, что должно произойти, но полагала, что двоюродная сестра вступит с Печальной Сеньоритой в разговор. Не мысленно же будет просить ту о своем желании?

А может, и правда, мысленно...

А может, и не выходит ничего, и Мария просто затаилась в ожидании, моля Сеньориту появиться.

А может, и прошло-то всего ничего времени, и это только Ванессе, снедаемой беспокойством и страхом, кажется, что миновал час?

Ой, как жутко... А начиналось все как игра, с разговора на дне рождения Ванессы неделю назад. Помнится, после сладкого они, пять девочек, уединились секретничать в спальне. Ванессе не терпелось похвастать перед подругами и двоюродной сестрой подарком родителей на четырнадцатилетие. Но внимание именинницы отвлекла двоюродная сестра, самая старшая в компании. Мария весь день была загадочно грустна, смотрела рассеянно, а если ее о чем-то спрашивали, не сразу реагировала. Иногда, будто вспомнив что-то приятное, улыбалась. Но на вопрос, что с ней, отвечала, мол, ничего. При этом и ее интонации, и взгляды, и эти улыбки невпопад просто кричали о том, что в жизни Марии

происходит что-то очень важное, нечто, чего еще никогда не случалось.

Тайну открыла сама Мария, рассказав по секрету, что больна неизлечимым сердечным недугом, отравившим ее существование бессонницей, смелыми мечтами, нескромными желаниями. Но «отравителя» так и не пожелала называть, хоть хитрая подруга Исабель перебрала имена всех знакомых юношей – от двоюродных братьев Марии до сына булочника, известного в поселке умственной отсталостью. «Ах, девочки...» – вздыхала Мария с загадочной печалью в глазах виноградного цвета и чуть снисходительно улыбалась. Потомив жадных до подробностей слушательниц, насладившись их нетерпеливостью, усладив себя читаемой в их взглядах завистью, Мария призналась, что объект любви не знает о ее чувствах. Пока. «А если он тебя не полюбит?» – с детской непосредственностью прямо в лоб спросила самая младшая в компании, тринадцатилетняя Марта. «А если не полюбит – умру», – Мария вздохнула так сокрушенно, что и сомнения не оставалось в том, что без ответного чувства она погибнет. «Ах, что ты!» – заахали все наперебой, не столько сочувственно, сколько желая получить больше подробностей об этом волшебном чувстве, еще не тронувшем их девичьи сердца. И только пятнадцатилетняя Исабель, вторая по старшинству в компании, скептически хмыкнула. «Не умрешь», – сказала она веско, и ахавшие подруги замолчали. При этом глаза девочки зажглись таким блеском, что стало сразу ясно, она обладает не менее интересной тайной, чем Мария. «Моя троюродная сестра рассказывала, что ее подруга...» – начала Исабель в наступившей жадной тишине. И замолчала. «Ну же, ну же...». «Это страшная история!» – предупредила она. И девочки, загалдев, в предвкушении сдвинулись в более тесный круг. Это тоже у них водилось – рассказывать под покровом темноты страшные истории. Слушать их, попискивая от ужаса, хвататься за руки и выходить потом в коридор всей компанией, а не поодиночке.

Историю Ванесса слушала вполуха – как делала всегда, когда ей становилось страшно. Она не любила, когда вечера с подругами заканчивались такими рассказами, но не признавалась в том, что умирает от ужаса. Девочка нашла свой способ не бояться – делать вид, что внимательно слушаешь, ахать и охать, но при этом постараться думать о чем-то другом так, чтобы слова не касались слуха, не тревожили сознания, не оставались в памяти.

И все же часть рассказа Исабель она услышала. Легенду о Печальной Сеньорите, в поисках своей любви заблудившейся в ледяном лабиринте. Но как Сеньорита оказалась в лабиринте, почему ее называют Печальной, где

потерялась ее любовь, Ванесса пропустила. А может быть, Исабель и не поведала, потому что сама не знала, ведь главное в этой истории было не это. «...И той, кто увидит Печальную Сеньориту, она обязательно поможет. Подруге моей троюродной сестры посчастливилось ее вызвать. И когда Сеньорита вышла из своего ледяного мира, подруга моей сестры попросила ее о любви...» – закончила свой рассказ Исабель в полной тишине, под устремленными на нее взглядами, в которых читалось одно желание – увидеть эту загадочную Печальную Сеньориту.

...Откуда-то потянуло холодом, и Ванесса зябко повела плечами. Ну что же там происходит, в ванной? И почему так долго не выходит Мария? Беспокойство пересилило страх, и Ванесса вновь приложила ухо к двери. Ох, не дело они задумали... А все Мария, уговорила ее, хоть Ванесса и противилась поначалу. «Я попрошу у *нее* любви и для тебя, хочешь?» – спросила Мария. Ванесса хотела. А какая бы девушка отказалась от любви? «Тогда через неделю... Когда наши семьи соберутся вместе на Рождество в нашем доме. Уйдем после десерта в мою спальню, якобы для того, чтобы поболтать. Как обычно! Никто и не заподозрит ничего дурного. Я зайду в ванную, где есть зеркало, а ты стой и сторожи, как бы кто не вошел...».

Если Мария и нервничала сегодня за рождественским ужином, то вида не показала. Исабель сказала, что одно из условий – спокойствие. Иначе ничего не выйдет, а если Сеньорита почувствует страх, разговаривать откажется, если не хуже... Утащит к себе в ледяной мир! Зато за Марию нервничала Ванесса. Отговорить? Страшное это дело... «Встать около полуночи перед зеркалом, зажечь двенадцать черных свечей, зажмуриться ровно за двенадцать минут до наступления полуночи, отсчитать одиннадцать минут и на последней минуте открыть глаза. И в зеркале покажется Печальная Сеньорита – в последние 12 секунд. Успеть попросить желаемое, пока она не ушла... или не протянула к тебе руку, чтобы утащить», – Мария столько раз повторяла полупшепотом услышанный от Исабель «ритуал», что Ванесса запомнила его, как молитву. Страшно... Страшно про протянутую руку, которая грозит утащить тебя куда-то. Страшно про свечи, которые непременно должны быть черными. Страшно про полночь...

А может, Исабель все выдумала? Слишком уж странным выглядел ее рассказ, да и сложностей напущено в избытке – и свечи непременно черные, и в полночь, перед зеркалом, и отсчитывать одиннадцать минут (это сколько же получается?). Похоже, пошутила жестоко Исабель. Эта мысль придала Ванессе храбрости, и она рывком отворила дверь ванной.

Никого. Только горят, потрескивая, двенадцать черных свечей. И пляшут на стенах косые тени. И отражаются в зеркале двенадцать подрагивающих огоньков – будто следят за Ванессой шесть пар чьих-то огненных глаз. Но где же Мария? Ванесса бы поклялась, что из ванной никто не выходил.

И холодно как тут... Вон, даже странный налет на зеркале. Не пар, а будто... изморозь. Желая проверить свою догадку, Ванесса шагнула к зеркалу и чуть не упала, споткнувшись о что-то мягкое. Нагнувшись, она увидела лежащую на полу Марию. Без чувств, и, кажется, не дышащую. С открытыми глазами, в которых застыл ужас, с искаженным немым криком ртом.

– Ма... – прошептала Ванесса. То ли половину имени сестры, то ли половину восклицания «мама». И, опомнившись, ринулась из ванной за помощью. Но, убегая так стремительно, захлопнула за собой случайно дверь. И не увидела, как две зажженные свечи упали прямо на Марию.

* * *

@Bukv = «Никогда не доверяй отражению», – эта странная фраза из моего сна вспомнилась опять, когда я разглядывала себя в зеркале. «Не доверяй!» – услышала я так четко, словно голос раздался в голове. И в воспоминаниях постепенно стали проступать, будто изображения на погруженной в проявляющий раствор фотобумаге, расплывчатые очертания приснившегося. Этой ночью я вновь увидела хорошо знакомый мне с детства сон, где я гуляла по узким извилистым улочкам, приводившим меня к католической церкви. Мое видение каждый раз заканчивалось встречей с пожилым сеньором, который спускался по ступеням и с ласковой улыбкой протягивал мне ладонь, приглашая следовать за ним. Это был вещий сон, секрет которого я разгадала прошлым летом, когда волей судеб оказалась в одном испанском поселке и обнаружила, что улицы его уже мне знакомы^[1]. А тот сеньор с глазами цвета переспелой сливы был моим дедушкой, высланным в СССР еще ребенком в годы гражданской войны в Испании...

Но в сегодняшнем сне дедушка не протянул мне ладонь, а произнес эту странную фразу. «Никогда не доверяй отражению». Я проснулась, размышляя, что бы это значило.

Дверь тихонько скрипнула, и в спальню, мягко ступая лапками по паркету, вошел Булка. Булка – это котенок Рауля.

Дома, в Москве, у меня была кошка Дуся, оставшаяся сейчас у

подруги Арины. «Ох, уедет твоя хозяйка в следующий раз в Испанию к своему Раулю не на три недели, а насовсем, что мы с тобой делать будем?» – причитала то ли в шутку, то ли всерьез подруга, прижимая к груди мою пушистую любимицу. «Заберу Дусю с собой!» – отрезала я. И добавила, что в мои планы переезд пока не входит.

Тем временем Булка прошествовал к кровати, обнюхал край шерстяного пледа и громко чихнул, смешно присев на задние лапы. Чихал он всегда с такой мощностью, будто был не полугодовалым котенком, а взрослым львом. Мы с Раулем каждый раз вздрагивали от неожиданности, а затем смеялись, пугая уже Булку громким смехом.

Котенок явно собрался запрыгнуть на кровать и угнездиться в ложбинке между двумя подушками. Но, передумав, развернулся и направился к трюмо. Видимо, вспомнил, что в глубине зеркала прячется его товарищ по играм. Я, предвкушая забавную сцену, замерла со щеткой в руках. И точно, кот вспрыгнул на столик перед трюмо и ткнулся носом в зеркало, оставляя на нем влажный отпечаток. Игра Булки была всегда одной и той же: он трогал поверхность стекла лапкой, крутил головой, шевелил ушами и даже пытался «разговорить» отражение мяуканьем. В этот раз он заглянул за створку трюмо в поисках еще одного белого котенка с черным пятнышком у носа и выглянул оттуда с таким разочарованным выражением, что я рассмеялась. Игры пушистого озорника немного развеяли мои грустные воспоминания о бабушке.

– Анна, ты здесь? – в комнату заглянул Рауль.

– А где же мне быть, – ответила я. Потеряться в этой квартире было сложно. Несмотря на наличие нескольких комнат, размерами помещение лишь слегка превышало мою однокомнатную «хрущевку» на Щелковской. Больше всего мне нравилась гостиная: стена, отделяющая ее от кухни, была заменена барной стойкой, открывающееся пространство и выкрашенные в светлый цвет стены делали эту часть квартиры визуально больше. У стены стоял удобный диван, по бокам которого расположились торшер, дававший мягкий свет, и стойка с дисками. Журнальный столик заменял обеденный стол. Мне понравилась идея обедать и ужинать, сидя на подушках, брошенных прямо на светлый ковер. Рауль сказал, что мог бы купить нормальный стол, но тогда из-за размеров гостиной пришлось бы расстаться с диваном и столиком, а хозяину не хотелось превращать комнату отдыха только в столовую.

Спальня была еще меньшего размера. В нее удалось втиснуть только двуспальную кровать. Оставшееся пространство занимало старое трюмо, которое Рауль подумывал заменить навесным зеркалом и поставить шкаф,

потому что встроенный в стену был слишком мал.

В кабинет Рауля, напоминавший габаритами грузовой лифт в московской девятиэтажке, я почти не заходила.

И хоть эта квартира была маленькой, преимуществ у нее нашлось достаточно. Во-первых, в ней недавно сделали капитальный ремонт, установили батареи и кондиционер, во-вторых, соседи оказались нешумными и приятными людьми, в-третьих, здание располагалось в пяти минутах ходьбы от станции электрички. В-четвертых, поселок, в котором Рауль снимал квартиру, был гораздо больше того, в котором проживали его родители, – с магазинами, кафе-барами, широкой центральной улицей...

– Я побуду с тобой, – Рауль вошел в спальню и прикрыл за собой дверь.

Булка же проворно прыгнул на пол и шмыгнул под кровать. В квартире с утра царил суеда, кот чувствовал, что она каким-то образом скажется на нем, поэтому нервничал и прятался. Мы планировали провести несколько дней в снятом с друзьями Рауля старинном доме, и все утро занимались сборами. Такой вид отдыха в отреставрированных, с современными удобствами, но с сохраненным первоначальным обликом домах, чей возраст порой приближался к тысячелетию, был довольно популярен в Испании. Когда Рауль еще до моего приезда поинтересовался, интересна ли мне подобная поездка, я без раздумий ответила согласием.

– Э, стеклянный мальчик, я так ничего не вижу! – рассмеялась я, когда Рауль уселся на столик трюмо, заслоняя мое отражение.

– Я тебе лучше зеркала скажу, что ты очень красивая! – ответил он, и обхватив руками мои бедра, притянул меня к себе и посадил на колени. – Красивая и сладкая.

Я с готовностью обняла его за шею и потянулась с поцелуем, но в последний момент отпрянула и показала возлюбленному язык. Рауль недолго позволил дразнить его, уже в следующее мгновение запустил пальцы в мои волосы, ласково взъерошил их, и когда я прикрыла глаза, меня поцеловал.

С Раулем мы встретились во время моей летней поездки в Испанию. Но я даже представить себе не могла, что это знакомство получит продолжение.

...Я часто вспоминаю тот день, когда впервые услышала песню, присланную мне по почте неизвестным заказчиком (за годы работы переводчицей впервые получила такой странный заказ – перевести с испанского на русский текст песни). Голос исполнителя заморозил меня, едва я его услышала. Одержимая желанием найти певца, я забивала в

поисковик слова из песни (заказчик так и не открыл мне ни имя исполнителя, ни название группы), но, увы, мои усилия не увенчались успехом. Нашелся певец уже позже. И мне не понадобилось много времени, чтобы влюбиться в него, хоть я и считала, что моя душа, опустошенная изменой мужа и сложным разводом, еще не скоро сможет наполниться новыми чувствами. Но как можно было не очароваться высоким загорелым красавцем с медальным профилем, вытатуированной на плече пантерой, взъерошенными черными волосами и с плещущимися в зеленых глазах-озерах солнечными зайчиками? Носил тогда Рауль еще бородку, но сейчас его подбородок был гладко выбрит. Привлекательная внешность в сочетании с отзывчивостью, с которой молодой человек согласился помочь мне раскрыть семейную тайну, с заботой, которую я никогда не получала от бывшего мужа – и я увлеклась этим парнем не на шутку. Роман между нами вспыхнул быстро и не предполагал развития, как многие курортные приключения (у Рауля, к тому же, в то время вяло дотлевали отношения с его постоянной девушкой), но казался подарком, врученным мне судьбой в качестве утешительного приза за разбитую семейную жизнь. Таким приключениям отводятся слишком узкие временные рамки, и, помня об этом, отпускаешь чувства на волю, не задумываясь о приличиях, накладывающих ограничения на обычные отношения. Поэтому переживаемые эмоции оказываются острее. Уезжала я из Испании, не оставив случайному знакомому никаких контактов. Но покидала солнечную страну в дождливом настроении и, чего уж греха таить, с расцарапанным сердцем...

...Рауль появился на пороге моей московской квартиры почти три месяца спустя. Все то время, что я старалась забыть его, занимая себя ремонтом, переводами, подготовкой к свадьбе Арины, он не оставлял надежды меня разыскать. Я не знала об этом, как и о том, что в день моего отъезда Рауль попал в серьезную аварию. В то время, когда я собирала по частям разбитое сердце, он залечивал физические травмы и пытался найти меня.

Мы провели вместе фантастическую неделю – на такой срок он мог задержаться в Москве. Но, уезжая, Рауль пригласил меня к себе. И теперь я гостила у него эти последние три недели года.

– Звонила сестра, сказала, что минут через пять будет у нас, – произнес Рауль, нехотя отстраняясь от меня. – Успеешь собраться?

– Я уже готова.

Он усмехнулся, услышав в невинной фразе другой смысл.

– Как жаль, что Лаура будет тут с минуты на минуту, – выдохнул он мне в ухо, обжигая горячим дыханием. – Как жаль...

Его губы вновь нашли мои, но в этот момент, обманутый тишиной, из-под кровати вылез Булка. Увидев нас, сидящих в обнимку, котенок прыгнул и ловко втиснулся между нами.

– О, Булка здесь, а я его по всему дому ищу!

– Он уже давно тут вертится, помогает мне со сборами, – ответила я, поглаживая громко заурчавшего котенка по белоснежной спинке. «Надо было его Трактором назвать, а не Булкой», – заметила я как-то.

Столь странное для котенка имя дал ему Рауль, пожелавший в память обо мне назвать подобранного нами летом малыша русским «именем». Рауль рассказал, что слово «булка» услышал в госпитале от русской женщины, развозившей пациентам обеды. В один из дней, забирая у Рауля поднос с почти нетронутой едой, она воскликнула: «Ну что ж ты не поел! Съешь хотя бы булку!» Говорила женщина по-испански, но слово «булка» произнесла на родном языке. Оно понравилось Раулю, и он так назвал котенка. То, что слово – женского рода, а котенок был мужского пола, парня не смутило, главное, как он говорил, «имя было русским». Булка толстел и рос, как на дрожжах, словно задался целью оправдать свое имя, и в этом подростке молодом коте уже сложно было узнать того тощего малыша, которым мы его нашли.

– Пора «упаковывать» Булку, – засуетился Рауль, мягко ссаживая нас с котенком с колен. – погоди, не отпускай его, я принесу перевозку.

Мы долго решали, как поступить с полугодовалым «ребенком»: взять его с собой в поездку или отвезти к родителям Рауля. Сомнения разрешила мама Рауля, сказав, что в незнакомой обстановке Булке будет неудобно, тогда как ее дом малышу уже знаком.

– Не задерживайся, – попросила я. – Кот чувствует перемены и нервничает. Смотри, уже вырывается! Бедный...

Рауль торопливо покинул спальню. И вернулся действительно быстро, неся в руках зеленую пластмассовую «клетку», при виде которой Булка извернулся, спрыгнул с моих рук и вновь юркнул под кровать.

– Извини, не удержала, – повинулась я, разводя руками. Рауль красноречиво закатил глаза, поставил перевозку на пол, лег на паркет и сунул руку под кровать. Я, глядя на его попытки вытащить Булку, вновь вспомнила о своей кошке, «девушке с характером», признавшей Рауля сразу. Помнится, все время, что парень гостил у меня, Дуся ходила за ним следом, лапаясь и мурлыча, а по ночам вспрыгивала на кровать и засыпала, с удобством разместившись на его ногах, хотя обычно спала в кресле.

Такой влюбленности от своей кошки, не жалующей человеческий сильный пол, я не ожидала. Впрочем, я ее прекрасно понимаю...

– Булка, иди сюда! – звал Рауль, ползая по-пластунски перед кроватью. Я съехидничала, что теперь уверена в чистоте полов: если и была какая-то пыль, Рауль собрал ее на свитер. Он, не обращая внимания на мои остроты, почти полностью скрылся под кроватью и уже оттуда буркнул что-то неразборчивое, а потом вскрикнул, видимо, Булка оцарапал его. Котенок вообще-то был ласковый... до тех пор, пока не видел перевозку, которая ассоциировалась у него не столько с переездами, сколько с походами к ветеринару и прививками.

– Анна, помоги! – попросил мой любимый, выныривая наружу с сопротивляющимся котом в руках. На тыльной стороне ладони Рауля набухали и наливались кровью свежие царапины. Булка когти уже спрятал, но пугливо прижимал уши и недобро косился на клетку.

– Надо обработать и заклеить, – заметила я уже после того, как жалобно мяукающий котенок оказался заключен в «тюрьму».

– А, ерунда, – поморщился Рауль, разглядывая «боевые ранения». – Так пройдет. Да и пластыря, кажется, у меня нет.

– В доме медика – и нет пластыря! – поддела я его.

Это в свои выходные Рауль выступал с группой в клубах и на городских мероприятиях, а в рабочие дни сменял майки и протертые джинсы на форму медбрата.

– Вот так и нет, – пожал он плечами.

– Хотя бы обработай чем-нибудь!

– Не страшно... Это же Булка, а не уличный кот!

Я покачала головой, не одобряя его беспечности. К собственному здоровью Рауль относился небрежно, но стоило мне или Булке чихнуть, как он проявлял излишнее, по-нашему мнению, беспокойство, разводил суету. Конечно, с одной стороны, мне было приятно такое внимание, но с другой – Рауль в этом плане перегибал палку. Если поделить его заботу о здоровье на нас троих, стало бы в самый раз.

Возразить мне не дал звонок в дверь. Рауль, оставив нас с Булкой, пошел открывать. Я же присела перед клеткой и легонько постучала пальцами по дверце:

– Не бойся, – ласково прошептала паникующему котенку. – Ничего плохого тебя не ожидает, поверь мне.

Не знаю, может, на Булку подействовал успокаивающий тон моего голоса, а может, кот действительно меня понял, но он вдруг затих и, приблизившись к дверце, осторожно обнюхал мои пальцы, а затем

уткнулся в них носом, будто прося прощение за то, что оцарапал хозяина.

– Он на тебя совершенно не сердится, – ласково сказала я. И оглянулась на вошедших в комнату Рауля с сестрой.

– Бедняга! – воскликнула Лаура, присаживаясь рядом со мной. Она постучала легонько пальцами по дверце, и Булка тоненько мяукнул, будто жалуясь на нас с Раулем. Он вообще был котенком «разговорчивым»: не просто бессмысленно на наш человеческий взгляд мяукал, а поддерживал диалоги. И иногда смотрел таким понимающим, совершенно не кошачьим взглядом, что мне казалось, будто Булка – это заколдованный и заключенный в звериную шкуру человек.

– У этого бедняги когти, как у Фредди Крюгера! – проворчал Рауль, промакивая царапины салфеткой. – Спасибо хоть не в физиономию мне вцепился.

– Он просто защищался, – сказала Лаура, поглаживая клетку, словно спинку котенка.

Брат и сестра внешне были и похожи, и не похожи. Общее сочеталось с кардинально противоположным. Лаура не отличалась ростом, даже меня, невысокой, была ниже на полголовы, а рослому брату не доставала и до плеча. Черты Рауля мне казались выточенными уверенными движениями мастера, набившего руку на создании совершенных мужских профилей с ровными носами и четкой линией подбородка. Лицо же его сестры будто прорисовали мягкими кисточками: нежный овал, округлый подбородок, яркие и пухлые, как после поцелуев, губы, чуть вздернутый нос с тонкой переносицей. Длинные и загнутые вверх, как у куклы, ресницы густо обрамляли темные глаза-пропасти с радужкой, сливающейся по цвету со зрачками, тогда как глаза Рауля были светлыми и меняли свой цвет в зависимости от освещения от бутылочного до прозрачно-зеленого.

Улыбки у них тоже оказались разными: когда улыбался Рауль, словно выходило из-за туч солнце. У Лауры же была загадочная улыбка Джоконды и мягкие ямочки на щеках. Но вот ее лицо принимало сосредоточенное выражение, и она хмурила брови-дуги совсем как брат. Или, кого-то внимательно выслушивая, склоняла голову набок, как Рауль. Или, удивляясь чему-то, поднимала одну бровь, как он.

Темные волнистые волосы падали тяжелой завесой до поясницы, длинную челку Лаура частенько закалывала, открывая высокий лоб. Из-за нежных черт, маленького роста, худощавого сложения и молодежной манеры одеваться «многослойно» – в джинсы и несколько маек, выглядывающих друг из-под друга (в холода Лаура наматывала на шею длинный шарф и надевала кардиган) выглядела она подростком, хоть было

ей уже двадцать пять лет. Но порой ее поступки действительно напоминали поведение бунтующего подростка. Под ангельской внешностью Лауры скрывался своенравный бесенок.

– Ну что, если все готовы, идем! – скомандовал Рауль, оглядывая нас с Лаурой, одетых сегодня, словно сестры-близнецы, в одинаково синие джинсы похожего фасона и темно-серые свитера с воротами под горло. – Путь не близкий, а нам еще отвозить Булку к родителям. К тому же, зная маму, боюсь, что засадит она нас если не обедать, то пить кофе.

– Она уже напекла пышек, – ухмыльнулась Лаура, поднимаясь на ноги и оправляя джинсы.

– Во! И я о чем! Никаких кофе и пышек! Иначе до завтрашнего утра не приедем.

Мы спустились на улицу. Рауль нес обе сумки с вещами, я тащила клетку с Булкой, Лауре же достался пакет с приданным котенка – мисками, мешком с кормом, лотком. Прямо перед подъездом нас ожидал припаркованный синий «Пежо» Лауры – маленький аккуратный автомобиль, недавно сошедший с конвейера.

Мы доехали до дома, в котором проживала с родителями Лаура. И хоть торопились и категорически отказывались от обеда, так и не смогли втроем выдержать натиск мамы, засадившей нас за стол с видом победительницы. Обед, по своему обыкновению, затянулся надолго и плавно перерос в ранний полдник с кофе и свежими пышками.

– Так и знал, – ворчал Рауль, когда мы наконец-то спускались к машине, отяжелевшие, сонные и ленивые от обильной еды, которой нас потчевала сеньора Пилар. – Последними приедем. Вот увидите – последними...

– И что из этого? – резонно заметила Лаура. – Все места разберут? Или дверь запрут и нас на порог не пустят?

Подойдя к машине, Рауль остановился возле двери водителя. Лаура села за руль меньше года назад и на дальние расстояния ездить еще опасалась. И так как путь нам предстоял неблизкий, накануне было решено, что вести машину будет Рауль.

– Эй, это мое место! – воскликнула вдруг девушка, словно забыла о договоренности. Рауль вскинул бровь, но, вспомнив, что внезапная смена решений в духе его сестры, покачал головой. «Лаура переменчива, как ветер», – как-то отозвался он о ней.

– Ехать далеко, а я более-менее знаю дорогу, – предпринял он попытку уговорить сестру и протянул ладонь за ключами.

– Не беспокойся, брат, я справлюсь. Мне нужно практиковаться.

Садись рядом, будешь подсказывать дорогу.

– Ну как хочешь, – сдался Рауль. – Если устанешь, я тебя сменю. Анна, придется тебе сидеть одной.

Я без возражений забралась на заднее сиденье.

– Сам-то машину покупать собираешься? – поинтересовалась у брата Лаура.

– Еще не решил, – ответил он, занимая пассажирское место рядом с ней. – Утром из пригорода в Барселону без задержек реально проехать лишь на мотоцикле. Хотелось бы восстановить свой. Жаль терять время в пробках.

– Твой мотоцикл проще выбросить и купить новый, – скептически хмыкнула Лаура. – Дешевле выйдет.

Я была согласна с ней в том, что настолько поврежденный байк не стоит и пытаться реставрировать, но возражала против покупки Раулем нового.

– Уж лучше машину! – вмешалась я в их разговор. – Безопасней!

– Но не быстрее! – затеял спор Рауль, разворачиваясь ко мне с лукавой улыбкой. Знал, что разговор о сравнении достоинств машины и мотоцикла распаллял меня, и специально «подбрасывал в топку дрова». «Когда ты злишься, такая забавная!» – смеялся он. В такие моменты хотелось треснуть его как следует! На меня неизгладимое впечатление произвел вид мотоцикла, на котором мы катались еще летом и который сейчас, разбитый, стоял в гараже отца, и оставшиеся Раулю на память об аварии рубцы на руке и ноге.

– Еще будет решена проблема с парковкой в городе, – продолжал он сыпать аргументами с блеском в глазах.

Преширяться я не была настроена, поэтому оборвала спор веским доводом:

– А как же ты собираешься возить на мотоцикле Булку? К ветеринару, например? В багажнике мотоцикла или у себя за спиной, как пассажира?

– Ладно, ради Булки куплю машину, – засмеялся Рауль. – А мотоцикл все равно отремонтирую.

– Чтобы уже шею свернуть. Поломать руку и ногу показалось недостаточно, – буркнула я и уткнулась в окно.

Лаура вела машину осторожно, прислушиваясь к советам брата. Я, не занятая разговорами, поначалу с интересом смотрела в окно. Но хватило меня ненадолго: ранний подъем, утренние хлопоты, сытная еда и спокойная музыка, которую поставила Лаура, сделали свое дело. Меня стало клонить

в сон, и я, помня о том, что дорога предстоит неблизкая, прикрыла глаза.

Я плавала в стоячем пруду дремы, то выныривая на поверхность, потревоженная голосами Рауля и Лауры, то вновь погружаясь в ее пучину, мысли перетекали вяло, как будто перешли в режим энергосбережения. Мне вспоминались дни, проведенные с Раулем.

Я прогостила у него уже десять дней, и этого было ничтожно мало, чтобы насладиться друг другом. Мне казалось, что и двух жизней окажется недостаточно. Слабым утешением служило, что вскоре предстояла новая поездка в Испанию, связанная с делами наследства. Но до того дня была пропасть в целых два месяца!

Наверное, я застонала от огорчения, потому что Рауль обернулся.

– Анна? – неуверенно позвал он, боясь разбудить меня и в то же время обеспокоенный моим стоном.

– Спит, – тихо выдохнул он. – Приснилось что-то...

– Ты ей по ночам, видимо, совсем не даешь спать, – поддела его Лаура.

Что ответил сестре Рауль, я не расслышала.

В памяти возникла счастливая картина моего приезда. Рауль встретил меня в аэропорту, привез домой и накормил обедом. Вкус тех блюд я запомню на всю жизнь, как и сладость дыни, которой он угощал меня летом на пляже. Рауль приготовил мясные стейки, запек на гриле свежие овощи и сделал картофельный омлет. А на десерт предложил кофе с печеньем, испеченным специально для меня его мамой.

Я так ждала нашей встречи, что накануне вылета не смогла уснуть, а когда мы с Раулем наконец встретились, вместо того, чтобы болтать с ним, обнимать и целовать его, клевала носом, поэтому, когда я закончила обедать, Рауль, не слушая возражений, подхватил меня на руки и отнес в спальню. Я заснула прямо в одежде, поверх одеяла, согретая объятиями любимого человека, счастливая. А когда проснулась, увидела, что Рауль по-прежнему обнимает меня и ласкает взглядом мое лицо. «Guapísima...»^[2] – прошептал он с таким восхищением, будто моя заспанная физиономия с черными кругами под глазами от размазанной туши, с отпечатавшимся на щеке следом от браслета часов с его запястья, на котором я благополучно уснула, и впрямь была прекрасной.

Вечером того же дня Рауль отвез меня в поселок, в котором мы познакомились летом, – на ужин к родителям...

Я проснулась резко, будто от толчка. Оказывается, все же уснула – без сновидений, глубоко, так, что, открыв глаза, не сразу поняла, где нахожусь. Я поморгала от растушеванного подступающими сумерками и серостью

пасмурного дня света, глянула в окно и увидела, что мы все так же мчимся по полупустой автостраде. Незнакомые пейзажи интереса не представляли: деревья, поля, промышленные зоны, опять деревья и мелькающие вдалеке поселки. Я отвернулась от окна и перевела взгляд на кресло перед собой. Забросив руки за голову и сцепив пальцы в замок, Рауль легонько отстукивал по спинке кресла ритм льющей из магнитолы песни. Рукава его темно-синего свитера задрались, обнажая предплечья до середины, и в поле моего зрения попал шрам, змеившийся от правого запястья до, как я знала, локтя. Прикрыв глаза, я мысленно «повторила» путь, который проделывала поцелуями: ладонь Рауля, косточка на запястье... Я останавливалась на ней, как на горном выступе, словно передыхая перед подъемом, а затем следовала далее по тропе-шраму маленькими шажками-поцелуями, едва касаясь губами кожи. Сгиб локтя – другой «привал», не выступ, а сокровенная ямка, в которой прятались мои неприлично смелые фантазии. И далее – крутое восхождение к свернувшейся клубком на плече пантере. Это было мое божество, обитавшее на самой вершине. Дикая пантера, усыпляющая бдительность безмятежной позой. Только я знала, что в тот момент, когда Рауль замирал надо мной, упираясь ладонями в матрас, она просыпалась и сбрасывала обманчивую личину домашней кошки. «Preciosa...»^[3] – шептал мне Рауль, рассматривая мое лицо и обнаженную грудь, а пантера на его напрягшемся бицепсе выгибала спину, демонстрируя грацию неприрученного хищника. Это был наш с нею секрет, о котором знали лишь мы двое.

– Анна? – окликнули меня вдруг. От неожиданности я вздрогнула и, открыв глаза, испуганно заморгала. Мне показалось, будто Рауль прочитал мои фантазии.

– Просыпайся, спящая принцесса! Скоро приедем, – тихо засмеялся он.

Я выглянула в окно и увидела, что мы съезжаем с трассы на едва заметную в зарослях высоченного тростника сельскую дорогу, огибающую поле с корявыми низкими стволами виноградников, в сумерках ставших похожими на армию фантастических чудищ.

– Козья тропа, – пробормотал Рауль, подаваясь корпусом вперед, чтобы разглядеть столб с указателем.

– Как вы ее вообще заметили? – удивилась я.

– Брат был настороже, – пояснила Лаура.

– Будешь тут настороже... Даже навигатор не показывает этот путь. Хорошо, что я заранее распечатал карту из Интернета.

Машина, переваливаясь с боку на бок, словно утка, поползла на

минимальной скорости по разбитой узкой дороге, которую и дорогой-то назвать было сложно, скорее, как Рауль и выразился, «козьей тропой». Заросли тростника безбожно лупили «Пежо» по холеным бокам, и я каждый раз, когда раздавался хлещущий звук, невольно втягивала голову в шею, будто удары доставались мне.

– Вот поэтому я и хотел выехать пораньше, – проворчал Рауль, разглядывая в потемневшем окне окрестности.

– Успеем до сумерек, – отозвалась Лаура. – Смотри, не пропусти указатель.

– Направо сворачивай! – встрепенулся Рауль, увидев на стволе дерева, одиноко торчавшего на краю поля, еле заметную табличку со стрелкой.

– Куда?! В лес?!

– Похоже, что да.

Я невольно поежилась от легкого беспокойства, увидев впереди темный и густой лес, в который нам предстояло въехать.

– С ума сойти. Надеюсь, мы оттуда вернемся... – вздохнула Лаура, но послушно повернула направо. «Пежо» теперь поскакал по торчавшим из земли корням, а по бокам его уже хлестали более жесткие, чем тростник, ветви.

– Машину поцарапаю, – буркнула Лаура. – И зачем я согласилась ехать с вами?

До этого она не ездила с братом, предпочитая отдыхать со своей компанией. Рауль рассказывал, что каждый раз, когда он предлагал сестре присоединиться к его друзьям, Лаура, которая была младше его на шесть лет, морщила нос и скучающе тянула: «И что я с вами, старыми, буду делать? Сардану^[4] танцевать?» Привыкнув к отказам сестры, Рауль не собирался больше звать ее с собой, но потом решил, что Лаура может составить мне компанию. Удивительно, но на этот раз девушка ответила согласием. Возможно, из-за меня. Возможно, из-за того, что недавно рассталась со своим парнем и не придумала, как провести рождественскую неделю. Правда, особой грусти по поводу разрыва с молодым человеком она не испытывала, и, кажется, сама его и бросила.

– Скоро приедем, – сказал Рауль не столько потому, что наш путь действительно подходил к концу, сколько ради того, чтобы приободрить сестру.

– Скорей бы уж! – сердито отозвалась Лаура. – Мне кажется, что я срослась с рулем и педалью.

– Ты же сама не захотела, чтобы я вел машину.

Лаура вместо ответа вдруг пронзительно завизжала.

– Ты чего?! – вздрогнул от неожиданности Рауль. – Чего испугалась? Это обыкновенный заяц!

Я, выглянув в окно, увидела, как в кустах скрылся зверек, перебежавший нам дорогу.

– Тут и кабаны водятся?!

– Возможно.

– Рауль, это ты выбрал дом в такой дыре? Я тебя убью, брат!

– Не я. Давид, кажется.

– О-о-о, от него ничего другого ожидать и не стоило! Почему ты мне раньше не сказал? Я бы не поехала.

Машину сильно тряхнуло на какой-то кочке, так, что мы втроем подскочили. Дорога шла вверх, петляя среди деревьев.

– А дальше куда? – остановилась Лаура на развилке. – Прямо фильм ужасов какой-то... Типичное начало!

Рауль сверился с картой, поскреб озабоченно затылок, видимо, не найдя нужной информации. Потом, решительно распахнув дверь, вышел из машины. Прошел немного вправо, осматривая стволы деревьев, потом вернулся и обогнул машину слева.

– Сюда! Вон указатель.

Лаура тихо выругалась.

Еще минут через пять такой тряски по кочкам мы наконец-то выехали на открытую галечную дорогу.

– Вон он, дом! – обрадованно воскликнул Рауль, показывая рукой вперед. Я вытянула шею, силясь рассмотреть в сумерках что-то похожее на здание, но увидела лишь поле неровно-овальной формы, которое ободком огибала дорога. Правда, вскоре заметила темнеющую стену приземистого дома. Лаура припарковала машину там, где уже стояли три машины, и заглушила двигатель.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнула она.

Я вышла и, с удовольствием потянувшись, вдохнула сырой воздух, наполненный запахами земли и навоза.

– Фу, – скривилась Лаура, выбравшись из машины. – Ну и вонь! Надеюсь, что нам не придется дышать этим все каникулы.

Рауль ничего не ответил: то ли неприятный запах ему не мешал, то ли просто устал от недовольств сестры. Выгрузив сумки из багажника, он навесил их все на себя и, весело нам свистнув, пошел к дому.

Мы с Лаурой, не мешкая, последовали за ним, так как холодный влажный воздух мгновенно принял нас в липкие объятия, заставив поежиться. Захотелось как можно скорей попасть в сухое и теплое

помещение и выпить чашку горячего чая или кофе.

Сумерки, еще прозрачно-сизые, как сигаретный дым, уже, однако, штриховали очертания окрестностей, сглаживая острые углы и размывая линии. Из-за тишины, такой абсолютной, словно мы оказались под звукоизолирующим колпаком, создавалось впечатление, что дом, к которому мы направляемся, находится где-то на задворках цивилизации, и странно было видеть светящиеся электрическим светом узкие оконца.

– Как тихо, – шепотом произнесла Лаура, словно прочитав мои мысли. – Бррр... Не смогла бы я жить в такой тишине и таком уединении постоянно.

– А я бы смог! – отозвался Рауль, мельком оглядываясь на нас.

– Ну да, конечно... – с сарказмом произнесла Лаура. – Привез бы колонки, инструменты, и от тишины остались бы лишь воспоминания. Тебе не столько она нужна, сколько отсутствие соседей.

– И это тоже, – засмеялся Рауль.

– Ой, этот уже здесь... – встрепенулась Лаура, только сейчас заметив молодого мужчину, лениво раскачивающегося на установленных во дворе, освещенном тусклым светом фонаря, качелях. Незнакомец неторопливо подносил ко рту зажженную сигарету, с глубокомысленным видом затягивался и сжегивал, почти не разжимая зубов, дым.

Я заметила, что до этого расслабленная спина Лауры натянулась как струна. Плечи девушки сами собой расправились, а пальцы невольно сжались в кулаки, словно Лаура приготовилась к драке. Перехватив мой недоуменный взгляд, она сунула руки в карманы куртки и вздернула подбородок.

– Спокойно, Лаура, – засмеялся Рауль.

– Я спокойна! – ответила она звенящим голосом.

Но не успела я спросить, в чем дело, как незнакомец, заметив нас, крикнул:

– Эй, я уж думал, вы не приедете! Все на месте, только вас не хватает.

Переведя взгляд на Лауру, парень расплылся в доброжелательной улыбке крокодила:

– А-а, вон в чем дело... За рулем была малышка Лаура! Небось, опять поставила навигатор вверх ногами и долго везла вас в противоположном направлении?

– Идиот, – обронила девушка сквозь зубы и ускорила шаг, направляясь к двери.

– Я шучу, шучу, сеньорита Лаура! – развел руками парень. – Куда же ты? А поздороваться? А дать мне поцеловать тебя два раза?

– Отравишься! – буркнула девушка, рывком открывая тяжелую дверь.

– Да знаю, знаю, что ты у нас ядовита, как рыба фугу. Но мой каменный желудок и не такое переваривал!

Лаура, прежде чем скрыться в доме, остановилась и, картинно морща нос, шумно втянула воздух с разлитым в нем густым «ароматом» удобренной навозом земли.

– Давид, это ты так воздух испортил? – с нарочито встревоженным выражением лица обратилась она к парню. – Божечки, Давид, проверь свой каменный желудок у доктора! Не знаю, какие помои ты переварил вместо обеда, но пахнет ужасно!

Рауль, бросив сумки на землю, захохотал и захолопал, выказывая одобрение. Лаура же поспешно, пока ее не настигла следующая реплика «врага», скрылась за дверью.

– Вот так всегда. И что я ей такого сказал?.. – с деланным недоумением на лице развернулся к нам парень. – Оскорбила! И даже не поцеловала!

– Хочешь, я тебя за нее поцелую? – с усмешкой предложил Рауль, шагая навстречу громиле. Они обнялись с радостью встретившихся после долгой разлуки братьев.

– Давид – мой самый близкий друг, – весело, все еще обнимая рукой за широченные плечи грубияна, представил мне его Рауль. – А на перепалку с Лаурой не обращай внимания! Это их многолетняя манера общаться.

– Не представляю, как мы с твоей сестрицей выживем под одной крышей, – буркнул Давид. – Боюсь, что она меня в один из дней ужалит, и я скончаюсь в страшных муках.

– Если ты только первым ее не сожрешь.

– Там жрать нечего – одни кости, – вздохнул Давид с лживым сожалением.

Я, не зная, как реагировать, стояла с вежливой улыбкой и мечтала о том, чтобы укрыться в доме от холодного ветра, от которого мало спасали куртка и свитер.

– А это, так понимаю, и есть та русская матрешка, которая причинила нам столько головной боли? – снизошел Давид до меня.

Я сдержала чуть было не сорвавшееся с языка замечание, что причинить головную боль этому товарищу никак не могла хотя бы потому, что впервые его видела.

Бесцеремонный взгляд Давида ощупывал мое лицо с таким вниманием, будто собирался приобрести его в личное пользование и выискивал скрытые дефекты. Мне стоило великого труда не отвести взгляда, а продолжать смотреть этому нахалу прямо в глаза.

– Ничего, симпатичная. Пожалуй, усилия, затраченные на ее поиски, соответствуют внешности, – обронил Давид таким тоном, будто сообщал другу технические характеристики какого-нибудь аппарата или машины. И уже мельком окинул взглядом мою фигуру. – Даже хорошенькая.

«Чего о тебе не скажешь», – чуть не вырвалось у меня. Привлекательным назвать Давида можно было с большой натяжкой, и то лишь в случае, если бы в радиусе ста километров вымерли все мужчины и остались одни самцы орангутангов. Был он ниже Рауля на полторы головы, но из-за широких плеч и крупного сложения казался громилой. Глядя на него, думалось, что он – собрание приставленных друг к другу геометрических фигур, такой мультяшный человек с абсолютно круглой головой, соединенной с телом-квадратом цилиндрической шеей и той же формы руками, размерами в объёме с мое бедро. Общую картину собрания идеальных геометрических фигур нарушал вид ног, чью кривизну не скрывали даже широкие джинсы. Возможно, Давид был ровесником Рауля, но казался старше из-за залысин. Черты его лица были крупными и расплывчатыми: нос с широкой нечеткой переносицей, полные губы с размытыми границами, невнятной формы подбородок. Пожалуй, только глаза были по-настоящему красивыми – по-испански крупными, темными, наполненные пугающим магнетизмом и с густыми, как щетка, ресницами. Мне подумалось, что природа-художница, изобразив лицо Давида, оставила рисунок под дождем и спохватилась, когда капли размыли линии, но еще не успели коснуться прорисованных глаз.

Этот тип мне не понравился сразу, и только из-за того, что он близкий друг Рауля (и что их связывает?!) я решила, что постараюсь найти в нем еще что-то, помимо глаз, привлекательное.

– Анна – красавица! – сказал Рауль, обнимая меня за плечи. И, обращаясь уже ко мне, пояснил:

– В устах Давида «даже хорошенькая» звучит как высший критерий красоты. Обычно Давид отзывается о женской привлекательности скудно и бывает красноречив в комментариях, лишь когда видит по-настоящему некрасивую женщину.

– Ну что ж, спасибо, – выдавила я улыбку.

– Мы пойдем в дом: Анна замерзла. Вон как дрожит, – сказал другу Рауль, надевая на плечо ремни обеих сумок.

– Русская – и замерзла, – вполне искренне удивился Давид, закуривая вторую сигарету.

– То, что я русская, еще не значит, что привыкла спать на снегу, – парировала я с приятной улыбкой, хотя с большим бы удовольствием

скорчила бы Давиду рожу.

Рауль открыл тяжеленную дверь из растрескавшегося дерева, за которой оказалась еще одна – стеклянная, «расчерченная» на квадраты металлическими рамами-прутьями. И мы вошли в жарко натопленное помещение с голыми стенами из грубо вытесанного камня. Судя по огромному, занимающему почти все пространство, деревянному столу и расставленным по его периметру стульям, – столовую. В помещении стоял веселый шум, так не вяжущийся с некоторой мрачностью, которую придавали приглушенный свет настенных рожков-светильников и косые асимметричные тени, падающие на земляной пол. Приехавшие раньше нас выгружали из коробок, выставленных на стол, продукты и носили их в другое помещение в конце столовой, дверь в которое я не сразу заметила. Лаура стояла рядом со столом и жадными глотками пила прямо из бутылки воду.

– Наконец-то! – к нам, широко раскинув руки для объятий, направилась худощавая девушка с «шапкой» коротких, мелко вьющихся темных волос, со скуластым лицом и пронзительно-голубыми глазами. Расцеловавшись с Раулем, поцеловала по испанской привычке в обе щеки и меня.

– Моника! – представилась она, протягивая узкую длинную ладонь и улыбаясь с такой радостью, будто только моего приезда и ожидала. – Рада с тобой познакомиться. Рауль много о тебе рассказывал.

– Ну не знаю, не знаю... – засмеялся он. – То ли я много говорил об Анне, то ли кое-кто меня о ней постоянно расспрашивал. Анна, Моника – моя подруга. Даже страшно вспомнить, сколько лет мы знакомы, пожалуй, только Давида я знаю дольше, и то ненамного. Как дела, красавица? – спросил Рауль, обращаясь уже к Монике, и ущипнул ее за щеку.

– А как еще могут быть у меня дела? Отлично! Ждали вас. Лаура сказала, что вы попали в плен к вашей маме.

– На самом деле мы ждали Лауру, до обеда она работала. Ну а потом уж застряли в доме родителей. Сама знаешь, если моя мама решит кого накормить обедом... А Марк где? Хочу представить ему Анну. Не вижу его...

В этот момент раздался такой грохот, будто с большой высоты упало что-то тяжелое.

– Зато слышишь, – встрепенулась Моника, оглядываясь. – Марк, небо, ты что там уронил?

Из помещения, дверь в которое находилась в конце столовой, показался невысокий парень с написанным на лице виноватым

выражением.

– Коробку с молочными пакетами. Тяжелая! Но ничего не разбилось и не разлилось! – поспешно добавил он.

– Дорогой, я же просила тебя быть аккуратным! – мягко упрекнула молодого человека Моника, но тут же и сменила тему: – Иди сюда, я тебе представлю Анну. И здороваешься с Лаурой.

Выглядел Марк как типичный программист: круглые очки, рассеянный взгляд карих глаз с припухшими веками, длинные курчавые волосы, стянутые в небрежный хвост, свободный свитер с вылезшими петлями и вытертыми на локтях рукавами. Впрочем, джинсы его были новыми, и обувь казалась дорогой.

Он по очереди поцеловал нас с Лаурой, пожал руку Раулю и после обмена короткими вежливыми вопросами и ответами подхватил очередную упаковку с пластиковыми бутылками и удалился.

– Помощь нужна? – спросил Рауль, кивая на оставшуюся коробку.

– Да Марк отнесет... – махнула рукой девушка. Рауль же, видимо, решив, что в руках Марка ноша рискует не добраться до пункта назначения, поставил сумки на пол, подхватил коробку и кивнул нам с Лаурой:

– Пойдемте, познакомлю вас с остальными.

Вторая комната оказалась не кухней, как я подумала, а хозяйственным помещением с огромным нагревательным баком, прикрученным к стене, от которого вниз, скрываясь в полу, шли трубы с вентилями. Вдоль другой стены стояли современная стиральная машина и холодильник. Больше ничего в этом помещении не было, и пустующее пространство заставляли коробками с провизией.

– Оренсе! – воскликнул, обращаясь к Раулю, парень весьма приметной внешности. Во-первых, сам по себе он был довольно ярок – высокий, смуглый, с черными крупными глазами и густыми бровями. Во-вторых, выделялся из всей компании длинными дредами, убранными назад и перехваченными кожаным шнурком. В-третьих, руки его, от кистей до локтей, были покрыты цветными татуировками. В-четвертых, нижнюю губу и бровь молодого человека украшал пирсинг, а в оба уха были вдеты металлические кольца. Одет парень был соответственно своему стилю – в стоптанные кеды, джинсы, обтрепанные понизу, с прорехами на штанинах (подобных джинсов был любитель и Рауль), и свободного кроя рубаху с закатанными рукавами.

– Здорово! – обрадованно хлопнул друга по плечу Рауль.

– Привет, Чави! – поздоровалась, выныривая из-за спины брата, Лаура.

И парень, увидев ее, расплылся в обрадованно-удивленной улыбке:

– О, красотка, рад, что ты почтила нас своим присутствием!

– Это Чави, мой друг и гитарист в группе, – представил мне парня Рауль. А затем и подошедшую познакомиться с нами девушку Чави. В отличие от своего бойфренда, Сара выглядела не так кричаще. Одета просто и соответственно обстановке – в темный джемпер и джинсы-дудочки. И хоть фигура ее казалась непропорционально сложенной – с длинной спиной и, наоборот, коротковатыми ногами, – девушку я нашла привлекательной: узкое личико с изумительной оливковой кожей казалось похожим на лица персонажей из японских аниме из-за огромных, орехового цвета, глаз, маленького рта и заостренного подбородка. Длинные волнистые волосы Сара собрала высоко, в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей.

– Эрнандес придет? – спросил, обращаясь к Раулю, Чави после церемонии представления и приветствия. Похоже, обращаться ко всем по фамилии, входило в его привычку. Интересно, как он выговорит мою – Скороходова?

– Завтра, с женой, – кивнул Рауль и пояснил нам с Лаурой, что Серхио Эрнандес – это новый басист в группе, который пришел на смену ушедшему летом. Новый человек не только в группе, но и в компании.

– Жаль, остальные не смогли, – вздохнул сокрушенно Чави. – Если бы мы собрались на отдых, как всегда, в ноябре... А то досиделись до рождественской недели, на которую у всех есть свои планы.

– В ноябре, Чави, у нас самая работа была, – засмеялся Рауль. – Диск записывали.

– Записали бы раньше, если бы ты нам планы не сбил – то аварией, то изменениями в коллективе, – проворчал Чави.

– Но согласись, вышло лучше! С новыми песнями.

– О, начинается, – вроде бы обращаясь ко мне, но так, чтобы услышали и молодые люди, прошептала Лаура. – Сейчас заговорят о диске, концертах – и все, мы их потеряли. Анна, подумай хорошенько, нужен ли тебе мой брат-зануда, который часами может говорить о музыке.

– Лучше пусть уж говорит о музыке, чем делится подробностями своей работы, – парировал Чави.

К нам, болтающим и смеющимся, незаметно подошла еще одна девушка, которую мы не сразу заметили. Внешности она была совершенно неброской, с простым лицом, почти лишенным природных красок. По отдельности его части – нос, губы, маленький рот – казались привлекательными, но вместе никак не складывались в органичную

картину. Небольшие глаза светлого оттенка и русые жидкие волосы, подстриженные ровным коротким каре с прямой челкой... Такая внешность могла бы принадлежать жительнице любой европейской страны, но менее всего, на мой взгляд, ярким испанкам. В первый момент мне подумалось, что девушка, как и я, иностранка, но заговорила она без акцента.

– Нурия, – представилась она первой. И равнодушно, ради приличия, скользнув по моей щеке прохладными губами, повернулась к мужской половине компании:

– Давида не видели?

– Во дворе курит, – ответил Рауль.

Простое лицо Нурии просияло так, словно его, сонного, коснулся луч утреннего солнца. И, преобразившись, будто по волшебству, стало удивительно привлекательным. Так яркую бабочку в сумерках ошибочно принимаешь за невзрачного мотылька. И пока я откровенно рассматривала девушку, она уже пробормотала извинения и покинула помещение. Лаура проводила ее долгим взглядом, а затем, разворачиваясь к присутствующим, веселым голосом спросила:

– И где наши комнаты?

– Пойдемте, я вам покажу, – спохватилась Моника. – Спальни практически одинаковые, лучших или худших нет, поэтому мы взяли на себя смелость распределить их между парами.

Она направилась к другой двери в конце столовой, за которой, оказалось, скрывалась ведущая вверх крутая лестница с высокими каменными ступенями – выщербленными, стертymi множеством ног, со сколотыми у некоторых краями.

– Сколько лет этому дому? – спросила я, поднимаясь следом за Раулем.

– Не знаю, – не оглядываясь, ответила Моника. – Предполагаю, что лет триста-четыре. Не самый старый, попадаются и тысячелетние. На сайте не содержится информации о возрасте – большое упущение, считаю. А с хозяином я не общалась. Кажется, обо всем договаривался Давид. Только не уверена в том, что он поинтересовался такой «мелочью», как возраст дома.

– Думаю, ты права, – хмыкнул Рауль. – Давида меньше всего интересуется историческая ценность таких домов. Ему хоть многовековый подавай, хоть шалаш, хоть грот, хоть современную квартиру – все одно, лишь бы там была более-менее приличная кухня.

– Кухня? – удивилась я.

– Давид – повар. Приготовление еды для него – не процесс, а священный ритуал, поэтому к подбору кухонной утвари и продуктов он

подходит шепетильно. Да что это я, лучший способ убедиться в том, что Давид кулинарный гений – попробовать его блюда.

– Пожалуй, я буду питаться отдельно, – буркнула Лаура. – Сомневаюсь в том, что он не сыпанет в мою тарелку яду.

– Если будешь держать язык за зубами, то не отравит, – оглянулся на сестру с усмешкой Рауль.

Миновав две узкие площадки, мы вошли в еще одну дверь и оказались в гостиной. Размерами она значительно уступала столовой и была не такой вытянутой и узкой. Одну ее стену занимал камин, не прикрытый решеткой, и выполнявший лишь декоративные функции. Вдоль противоположной стены в каменных нишах, образующих своеобразные полки, стояли книги с потрепанными корешками. Я засмотрелась на эту библиотеку: книги у меня всегда ассоциировались с деревом, но в каменных полках тоже что-то было...

– Ну как вам?

– Мне нравится! – воскликнула я, опережая Рауля с Лаурой. И с интересом окинула взглядом тяжелые кресла, которые, казалось, перенесли сюда из музея. Сколько поколений людей они пережили? Мне подумалось, что, если опуститься в такое кресло и прикрыть глаза, оно шепотом будет передавать тебе разговоры прежних хозяев. Я незаметно, с уважением и восхищением тронула пальцами массивный каркас. Дерево оказалось гладким, но отполировали его не инструменты, а касающиеся на протяжении многих веков руки. Погладила ладонью пыльную обивку из потертого красного бархата, на ощупь теплую, и еще больше убедилась, что старинные вещи обладают не только памятью, но и душой.

У не занятой камином и полками-нишами стены стоял предмет, который я поначалу приняла за комод. Но оказался он старым громоздким проигрывателем с «тумбой» для пластинок. Вспомнилось, что, когда мне было года четыре, мы с мамой отправились в гости к ее приятельнице, и там, в одной из комнат, я увидела проигрыватель, мгновенно заморозивший меня загадочностью и количеством ручек на деревянной панели. И пока меня не засекли, я всласть накрутилась этих ручек, сбив все настройки.

И вот сейчас подобная вещь стояла в гостиной испанского дома. Правда, внимание на нее обратила только я: Лауру интересовал куда больше выбор спальни, а Раулю, нагруженному нашими сумками, хотелось поскорей избавиться от тяжестей.

– Вот свободные комнаты, – указала нам Моника на две двери, расположенные по обе стороны от проигрывателя. – Еще одна, вон та, возле лестницы, останется для пары, которая приедет завтра. Спальни, в

которых остановились мы, находятся на этом же этаже, только в другой части.

Оглянувшись, я увидела возле входной двери узкий проход, с первого взгляда незаметный. Мне подумалось, что этого «перешейка», соединяющего два крыла, раньше не было, что появился он тогда, когда дом перестраивали под нужды туристов. Моника будто прочитала мои мысли:

– На сайте выложен старый план, оригинальный. В той части, где спальни, было открытое пространство, возможно, еще одна гостиная, куда большего размера, чем эта. Но сейчас из нее сделали три спальни и оставили между ними лишь узкий проход. Плюс тех комнат в том, что они немного изолированы от гостиной, но минус состоит в их размерах – они значительно уступают вашим.

– Этот дом не такой уж большой, – прокомментировал Рауль, обращаясь к нам с Лаурой. – Раньше мы останавливались в таких громадных, что в них легко можно было потеряться, со множеством комнат, гостиными на каждом этаже. Но так как в этот раз мы «проспали» и спохватились тогда, когда уже не осталось свободных домов, обрадовались этому. Впрочем, как еще раньше заметил Чави, половина компании не смогла поехать, так что огромный дом нам просто не нужен.

– На первом этаже, помимо кухни, которую вы не видели, есть маленький зал с пианино, где тоже можно отдыхать. И территория перед домом довольно большая, с бассейном и местом для барбекю.

– Бассейн зимой нам не пригодится, – усмехнулся Рауль. – А вот барбекю обязательно сделаем. Ну что, выбираем комнаты?

– Лаура?.. – сделала я приглашающий жест, предлагая девушке первой выбрать комнату.

– Мне все равно! – воскликнула она. И открыла дверь той спальни, к которой стояла ближе – с левой стороны от проигрывателя.

– Ладно, оставлю вас. Устраивайтесь и спускайтесь к нам. Скоро будем заниматься ужином. – сказала Моника, завершая роль гостеприимной хозяйки.

Комната оказалась обставлена просто, но именно простотой и непривычностью интерьера завораживала. Стены – каменные, как и во всем доме. Большую часть пространства занимает высокая кровать с грубыми спинками из того же темного дерева, что и остальная мебель в доме. Узкие тумбочки с расшатанными дверцами на высоких изогнутых ножках, встроенный в дальнюю от входа стену шкаф, одно кресло с выпуклым протертым сиденьем – вот и вся обстановка. Но большего и не

нужно.

Если спальня сохраняла первозданный вид, то ванная комната оказалась вполне современной: с отделанными светлой плиткой стенами, новой сантехникой, стеклянной полочкой для туалетных принадлежностей и пластмассовыми крючками для полотенец. И только рама зеркала, выточенная опять же из темного дерева, казалась старой, как и мебель. Разглядывая ее, я обратила внимание на то, что зеркало – не навесное и укреплено непосредственно в стене, а рама служит лишь декоративной деталью. Интересно!

– Рауль? – позвала я, выходя из ванной. И увидела, что он, открыв ставни узкого, словно форточка, окна, и опираясь одним коленом о низкий каменный подоконник, пытается поднять заевший шпингалет.

– Жарища, как в преисподней, – ему наконец-то удалось распахнуть окно.

Я, почти привыкнув к прохладе в его квартире, думала, что в доме с голыми стенами должно быть холодно и сыро, как в погребе, поэтому взяла с собой лишь теплые брюки и пару свитеров. И сейчас, глядя, как Рауль стягивает через голову джемпер, подумала, а сунула ли в сумку хотя бы одну футболку.

Рауль, сняв свитер, остался в майке. И я по привычке приласкала взглядом вытатуированную на его плече пантеру, обманывая себя, что смогу приручить хищницу. Заблуждение... Находясь рядом с Раулем, я боюсь заглядывать в будущее – а что если он, как своенравный хищник, уйдет на волю, едва лишь почувствует попытку его «одомашнить»?

– Так, что тут у нас? – задумчиво пробормотал Рауль, распахивая створки шкафа. В одну из них оказалось встроено зеркало почти в рост. – М-м-м, места хватит. А запасные одеяла, пожалуй, уберу наверх. Если так будут топить и ночью, то вряд ли они нам понадобятся. Впрочем...

Он оглянулся на меня, и я увидела, что его зеленые глаза смеются:

– Кое-кто и в жару любит закутываться в одеяло. Так что, пожалуй, одно для тебя оставлю. Устала?

– Нет.

– Тогда давай быстро разберем вещи и спустимся вниз.

Рауль уступил мне нижнюю полку и принялся выкладывать из своей сумки одежду на верхнюю.

– Я тебя еще далеко не со всеми друзьями познакомил, – начал рассказывать он между делом. – У меня их много, связанных с работой, музыкой, учебой. Но здесь собрались самые близкие, хоть и далеко не все. Например, не смогли приехать три парня из нашей группы со своими

девушками и еще одна пара... Все из-за праздников. Ну ничего, когда-нибудь я тебя со всеми познакомлю.

Его последняя фраза внушала надежду, что будущее у нас возможно. По крайней мере Рауль об этом сейчас так думал...

– Но из всех друзей самый близкий – Давид? – с интересом, за которым маскировала свои беспокойства, спросила я.

– Да, – ответил Рауль, приседая над раскрытой сумкой. – Мы жили в соседних домах и знакомы практически с рождения. Не обращай внимания на его остроты. Не зная Давида, можно решить, что он – отвратительный тип. Но ему только нравится казаться таким. На самом деле он...

– Белый и пушистый, – со смешком перебила я. – Святой ангел!

– Почти так и есть, – глянул Рауль на меня снизу вверх, не поднимаясь с корточек. И вновь занялся сумкой. – Но, по правде говоря, роль святого ангела досталась Нурии. Вместе они уже пару лет.

– И точно ангел! Столько времени выдерживать такого субъекта, как Давид.

– Вижу, он тебе не понравился, – констатировал Рауль, но, однако, без удивления и огорчения. – У тебя еще будет возможность убедиться в том, что он – неплохой парень.

– А Монику ты давно знаешь?

– Тоже с детства. Она – дочь маминой подруги, считай мне – вторая сестра. Кстати, Моника работает в адвокатской конторе, и я попросил ее помочь тебе с делом о наследстве: найти человека, который бы занялся решением твоих проблем. Она согласилась.

– Спасибо! – обрадованно воскликнула я.

Рауль закончил разбирать сумку, последним вытащил несессер и отнес его в ванную.

– Рауль, а что происходит между Лаурой и Давидом? – поинтересовалась я, когда парень вновь появился в комнате.

– Война, – засмеялся он, аккуратно складывая опустевшую сумку и убирая ее в шкаф. – Не спрашивай меня, из-за чего она началась, но, сколько себя помню, Лаура с Давидом всегда враждовали. В детстве Давид очень задевал мою сестру, мы с ним даже дрались из-за этого. А Лаура вполне искренне его ненавидела и боялась. Может, это связано с тем, что...

Рауль вдруг оборвал себя на полуслове, его глаза расширились, словно он увидел за моей спиной что-то странное. Он даже привстал на цыпочки, чтобы разглядеть это поверх моей головы, хоть я и была ему до плеча. Затем торопливо оглянулся и повернулся ко мне уже с растерянной улыбкой.

– Что? – испуганно спросила я, тоже невольно оглянувшись. Ничего странного там не оказалось, лишь дверца шкафа, в зеркале которой отражалась я со стопкой одежды в руках.

– Ничего, – усмехнулся Рауль. – Показалось.

– Что показалось?

– Да ничего.... Ерунда. Скорей всего обещанные «спецэффекты».

– Какие спецэффекты? – не поняла я.

– Многие старинные дома обладают историей. Обычно туристам рассказывают о возрасте дома, бывших владельцев, их занятиях. Но иногда, заманивая гостей, хозяева придумывают легенду или значительно приукрашивают уже имеющуюся. Этот дом отреставрирован совсем недавно, похоже, еще и года не прошло, как его начали сдавать, и, чтобы привлечь внимание, на сайте сообщили, что здесь могут происходить странные вещи. Но какие – не объяснили, – для большей таинственности. На Рождественскую неделю резервировать нужно все сильно заранее. Отдых чуть не накрылся из-за нашей нерасторопности, тут уже не до выбора. Вот быстро и сняли дом «с привидениями».

– С привидениями? – прошептала я, от неприятного удивления даже не сумев придать голосу шутливый тон.

– Нет, конечно! – сказал Рауль, с улыбкой обнимая меня и привлекая к себе. – Ты что, испугалась?

– Нет, но... Вообще-то рассчитывала на романтический отдых...

– Так и будет!

Хоть его голос и прозвучал уверенно, неприятный осадок у меня остался. Еще до недавнего времени я бы первая посмеялась над рассказами о привидениях и других «гостях» из потустороннего мира, если бы минувшим летом лично не «познакомилась» с семейным кошмаром.

* * *

В моем мире – лед и холод. Мой мир окрашен в черно-белые тона. И мое имя тоже выцвело, как старые снимки. Здесь нет запахов, нет звуков. И свет, как свет Луны – лишь отражение настоящего света. Если по другую сторону ночь, то мой мир тоже погружается в темноту. Здесь нет времени, оно закольцовано в вечность, как спутаны в один повторяющийся путь все эти коридоры. Отсюда та реальность, которую я знала, представляется другой. Линии расплывчаты, пропорции искажены, как у рассматриваемого через толщу воды предмета.

Вылинявшие до неузнаваемости цвета, и, наоборот, насыщенные гротескные тени. Отсюда мой дом, чьи каменные стены видятся испещренными трещинами, кажется местом, куда приходили умирать неизвестные животные. Повсюду – непогребенные скелеты с полуистлевшей плотью. А из дыр балок, прогрызенных древооточцами, сыплются, извиваясь, жирные черви. Впервые увидев такую картину, я закричала от ужаса. И только позже, выйдя в реальность, поняла, что стены все в том же отличном состоянии, какими я их и помню, а скелеты животных – это мебель, расставленная в комнатах. А то, что я приняла за червей, на самом деле лишь золотистые пылинки, кружащиеся в солнечном свете.

Какое счастье, что я могу выходить из моего мира, прогуливаться по комнатам. Дом, в котором проживало не одно поколение нашей семьи, сейчас, сменив хозяев, превратился в подобие гостиницы для отдыхающих. Все в нем переделано под удобства гостей. Больно ли мне, настоящей хозяйке, видеть эти изменения? Как ни странно, нет. Отреставрированный дом ожил, будто после интенсивного лечения. Больно было бы, если бы он умер. Дом, одинокий, забытый, умирал, взирая ослепшими окнами на заросшие сорняками поля, когда-то бывшие виноградниками моего отца. И я, молодая сеньорита, единственная хозяйка, не могла ничего сделать...

Обретя других владельцев, дом зажил новой жизнью. И пусть теперь он – пристанище для отдыхающих, в его стенах звучат живые голоса. Он дышит теплом, его наполняют запахи приготовляемой еды. Как при жизни моей матушки.

Как вообще при жизни...

Когда старик отдыхает между приемами гостей, я прогуливаюсь по его комнатам, смотрю на старую мебель, вынесенную в оставшуюся единственной гостиную, захожу в спальни, ставшие одинаковыми из-за того, что оформлены они не для кого-то специально, с любовью и старанием, а обезличены для сменяющихся гостей. Задерживаюсь в своей комнате. Ничто в ней не напоминает обо мне. Ничто. В этом месте мне всегда становится грустно, и я спасаюсь от хандры в маленьком музыкальном салоне с пианино моей матушки. Рассматривая декоративные завитушки на черном дереве, вспоминаю сладкий голос поющей мамы. Ее тонкие руки – руки не крестьянки, а аристократки, на клавишах. Зазвучит ли еще когда-нибудь в этом доме музыка? Гости, которые посещают дом, частенько поднимают крышку инструмента, трогают его клавиши, еще хранящие прикосновения пальцев моей матери,

но воспроизводят лишь робкое брнчание. В тот день, когда в этих стенах раздастся музыка, дом по-настоящему оживет. Проснется не только его сердце, но и душа.

Когда открываются двери и входит первый гость, я ухожу в свой мир, к которому привязана, как дух к телу. И начинается мое главное развлечение. Мир, в котором я живу, лишил меня цветов, звуков, тепла, но подарил другую возможность. Отсюда я вижу то, что называю про себя душами. Громкое название. Может быть, это и не души вовсе. Что я могу знать о них? Я говорю «душа», потому что не могу подобрать другое слово. Сущность человека? Наверное, последнее звучит куда правильной. Но я, чтобы не усложнять все, говорю «душа».

Так вот, мой мир дает возможность увидеть души. В реальном мире они спрятаны в тела, завуалированы фальшью, скрыты приличиями, правилами, нормами, принятыми в обществе. А отсюда видны обнаженными. Иногда, разглядывая души гостей, я думаю о том, что настоящий мир – мир, в котором живу я, а тот, что привыкла именовать реальным, всего лишь искаженное отражение. Ведь именно из моего мира видна настоящая сущность человека! Как все тогда ужасно... Перед глазами встает картина с трещинами и сыплющимися на скелеты червями... И меня передергивает от отвращения.

Нет, нет!

Чтобы избавиться от неприятных мыслей, возвращаюсь к наблюдению за отдыхающими, а точнее за их душами, которые видятся мне расплывчатыми силуэтами, раскрашенными в разные цвета, меняющими оттенки в зависимости от помыслов и настроения «хозяина». Говорят, что душа бесполо, но я необъяснимым образом понимаю, в чье тело она заключена – в тело мужчины или женщины.

Я преуспела настолько, что по цветовой гамме понимаю, какую жизнь ведет человек – праздную ли, полную грехов, или праведную. Каковы его помыслы, насколько пропиталась его сущность фальшью, что управляет его поступками – тщеславие ли, жадность, ненависть. Увы, чаще всего преобладают темные цветовые гаммы. А однажды мне довелось увидеть душу, очерненную убийствами. Я отшатнулась в ужасе. И позже, узнав, что эта черная душа заключена в тело молодой красивой женщины, предположила, что испортили ее убийства нерожденных младенцев.

У меня здесь нет книг, нет радио, поэтому, рассматривая чужие души, угадывая по цветовой гамме и пятнам жизнь хозяина, я развлекаю себя так, как будто бы посещаю театр. Какое еще может быть

развлечение у молодой романтической девушки, не лишенной фантазии, оказавшейся в моем положении?

Я даже составила свою цветовую гамму грехов. Она может не совпадать с настоящей, говорю же, это всего лишь моя забава. Безразличие мне видится фиолетового цвета, ревность – ртутного, ненависть – огненной, месть меняет цвет от холодного стального до кроваво-красного, тщеславие – темно-желтое, жадность – бурая. Фантазия окрашена в розовый, страсть полыхает алым. Кому скажи...

Сложней и интересней всего с любовью. Любовь – это не просто цвет, это цветок, занимающий то место, где у человека расположено сердце. Мне больше всего нравится рассматривать цветы. Они никогда не бывают одинаковыми. Но это и не странно, ведь любовь – разная. Я испытала это волшебное и одновременно мучительное чувство лишь однажды. И, может быть, потому, что не успела им насладиться, вглядываюсь с таким вниманием в цветы, примеряя на себя чужие чувства.

Иногда лепестки цветов подпорчены ртутного цвета пятнами – ревностью. Иногда я вижу совсем молодые цветы с еще не раскрывшимися бутонами – зарождающуюся любовь. А иногда, напротив, – цветок с уже поникшими вялыми лепестками. Отцветающая любовь... Немало попадается душ без цветов, и к ним я быстро теряю интерес.

...А сегодня я увидела его.

Нет, не так. ЕГО.

И опять не так...

Я увидела чистую душу, светлую, без темных пятен тяжелых пороков. Так, как если бы доктор, привыкший наблюдать только снимки легких людей, больных раком, пневмонией, туберкулезом, вдруг увидел чистый снимок. Но не столько душа привлекла мое внимание своей чистотой, сколько диковинный цветок. Вернее, два. Один – сильный, как сорняк, нахально расправляющий лепестки, занимал все «сердечное» пространство, отнимая его у другого – маленького, хилого и бледного. Этот, сильный и дивно красивый, то полыхал алым, то пульсировал пурпурным, то светлел до нежно-розового. Но хоть он менял цвета, одно оставалось неизменным: его лепестки были тронуты ржавыми пятнами тоски.

«Ого!» – удивилась я и потеряла бдительность. Мне показалось, что обладатель цветков заметил меня. Нет, я не видела его лица, его глаз, смотрящих на меня, но заметила, как силуэт на мгновение замер, будто в изумлении. И я поспешно ушла в глубь коридора.

Я стояла перед зеркалом с феном в руках и сушила после утреннего душа волосы. От мамы мне досталась отличная кожа, поэтому я почти не пользовалась косметикой. Только в тех случаях, когда казалась слишком бледной, наносила немного румян на скулы, да иногда подводила карандашом веки. Красавицей я не была. Только глаза изумрудного оттенка, унаследованные от прабабки-испанки, хорошая кожа и копна вьющихся каштановых волос и составляли мою привлекательность. Еще совсем недавно меня сложно было назвать изящной, но переживания, которых в этом году мне выпало достаточно, сыграли роль отнюдь не здоровой «диеты».

Рауль уже спустился вниз, откуда доносились приглушенные толстыми стенами голоса. И от того, что я торопилась, расческа только путалась в волосах. В очередной раз с трудом выдрав ее из влажных прядей, я решила, что укладка не стоит таких жертв. Волосы сами высохнут и лягут натуральными волнами. Я выключила фен, выдернула из розетки шнур и повернулась к зеркалу. Да так и застыла, увидев отражение Булки. Сомнений быть не могло! У белого котенка, сидевшего на расположенной за моей спиной полочке, у носа было черное пятнышко, точь-в-точь, как у Булки. Появление нашего кота здесь оказалось такой неожиданностью, что я чуть не выронила фен.

– Булка?.. – изумленно воскликнула я, оглядываясь. И уронила-таки фен. Потому что на полке стояли флаконы с гелем для душа, шампунем и одеколоном Рауля, а котенка не было. – Что за... – пробормотала я, наклоняясь за феном. Померещилось. Других объяснений нет. Я выпрямилась и увидела, что Булка по-прежнему отражается в зеркале: сидит на пустой полке и с интересом наблюдает за мной. Но в тот момент, когда наши взгляды встретились, я с ужасом увидела, что у котенка глаза не желто-зеленые, какими они были на самом деле, а молочно-белые, будто с бельмами, без зрачков и радужек.

Меня пробил озноб. Так не бывает! Не бывает, чтобы в зеркале отражался кот, который должен в это время находиться в доме родителей твоего парня. Не бывает, чтобы зеркало отражало то, чего нет. Не бывает, чтобы за тобой внимательно следили невидящими глазами. Кто это вообще?!

За спиной раздался тихий шорох, будто котенок спрыгнул на пол. Умирая от накатившего на меня ужаса, но будто повинуюсь неслышимо

приказу, я вышла из ванной и оглянулась в поисках котенка. Скрипнувшая входная дверь указала на то, что Булка, или кто это был, выбежал в коридор.

Я отправилась следом и в удивлении остановилась, неожиданно погрузившись в мертвую тишину. Разговоры, неразборчивым гудением слышавшиеся в спальне, вдруг затихли, хотя гостиная располагалась прямо над столовой. Не может быть, чтобы громкоголосые друзья Рауля разом смолкли! По испанской привычке они разговаривали, не понижая голосов и все одновременно. Может быть, куда-то ушли?

Легкий шорох, в плотной тишине прозвучавший громче выстрела, вывел меня из оцепенения. Увидев, что котенок направился к лестнице, я поспешила за ним, но не из любопытства, а из стремления встретить кого-нибудь из людей. Торопливо сбегая по лестнице, я не могла отделаться от ощущения, что дом стоит в запустении не один десяток лет – настолько он вдруг показался мне мертвым.

В столовой никого не было. Никто не накрывал стол к завтраку, скатерти, которая покрывала его еще вчера, не оказалось, и столешница стала такой темной, будто обугленной. Мне даже почудился запах гари. Всего на мгновение – это ощущение тут же развеялось. «Розыгрыш, это какой-то розыгрыш!» – подбодрила я себя.

– Мяу! – сердито напомнил о себе Булка. Совсем как в тот летний день, когда заманил меня на заброшенную фабрику. И волна холода, вызванная нехорошими воспоминаниями, прошла вдоль позвоночника. «Не ходи, не ходи за ним!» – прокричал здравый смысл. Но я уже входила за белоглазым котом в хозяйственное помещение, а оттуда – в дверь, которую вчера не заметила, так как находилась она в самом скрытом месте – в стене, на которую отбрасывал тень огромный бак.

За дверью оказалась лестница, ведущая вниз. В подвал? Только этого не хватало! Но, умирая от страха и нехороших предчувствий, я следовала за котом дальше. Будто замороженная музыкой крыса – за дудочкой. «Это ловушка, ловушка!» – пытался достучаться до меня здравый смысл. Но колдовство оказалось такой силы, что голос разума лишь поверхностно царапал сознание, не проникая в него. Я спускалась по разбитым каменным ступеням, вдыхая сырой запах плесневелого помещения и стараясь не потерять из виду хвост Булки. Белый кот с черным пятнышком у мордочки... «Действительно ли это ваш с Раулем котенок? – ехидно осведомился здравый смысл. – Тебя его глаза не напугали?»

Когда я подошла к тяжелой двери, кот исчез, хотя деваться ему, казалось, некуда: лестница была узкой, без площадок и боковых коридоров.

Я толкнула дверь, отворившуюся, несмотря на кажущуюся мощь, удивительно легко. И очутилась в узком помещении. Пространство вытянулось длинным туннелем, сходство с которым придавал и арочный потолок. Голые лампочки, свисающие с каменного потолка прямо на проводах, освещали «туннель» тусклым светом, словно кто-то заранее, ожидая меня, зажег их. Вдоль грубых стен стояли деревянные стеллажи, похожие на соты. В каждой ячейке лежала винная бутылка. Я провела пальцем по доньшку одной из них, оставив темную борозду на сером налете многолетней пыли. Винный погреб! Как зачарованная, совершенно забыв о том, что пришла сюда за котом, я рассматривала многочисленные доньшки. Вытащила из любопытства одну бутылку и стерла ладонью пыль с этикетки. Резерв оказался 1970 года. Вино было старше меня почти на половину моей жизни. Я с уважением положила бутылку обратно в «гнездо» и пошла дальше. Стеллажи сменились двумя рядами стоявших у стен бочек из старого дерева, с массивными кольцами, плотно пригнанными крышками и с темными, похожими на впитавшуюся в дерево застарелую кровь, подтеками на выпуклых боках.

Впереди оказалась дверь из толстых металлических прутьев, за ней виднелось помещение поменьше со всяким хламом. Я разглядела кресло, похожее на те, что стояли в гостиной, старый фонарь «летучая мышь» с разбитым стеклом, чугунную кочергу, валяющуюся поперек прохода. Рассмотреть что-либо еще я не успела, потому что вдруг увидела одинокую женскую фигуру, сидевшую на одной из бочек. Лицо девушки заслоняли длинные волосы. Ссутуленные плечи подрагивали, будто от немых рыданий, и от тонкой фигурки веяло отчаянием и горем.

– Эй! – тихонько позвала я плачущую, делая к ней шаг. И отшатнулась, почувствовав на лице налипшую паутину. Я брезгливо стряхнула ее рукой, но по шее с неприятной щекоткой пробежали чьи-то лапки. Паук! Паук, который залез мне за шиворот. Я завизжала и запрыгала, пытаюсь его стряхнуть. Потревоженная моим визгом девушка подняла голову. Увидев ее лицо, я мгновенно забыла о пауке и закричала теперь уже не от омерзения, а от ужаса. И потому что узнала это лицо. И потому, что по нему расползались жирные черные пауки. И потому что глаза девушки были такими же белыми, как у Булки...

Мой крик слился с грохотом, взорвавшим тишину подобно праздничному салюту. Кто-то рядом вздрогнул и скользнул по моему плечу, убирая с него руку.

– Козлы! – пробормотал знакомый голос, который только чудом не

перекрывала эта какофония из скрежещущих и гремящих звуков.

Я открыла глаза и не сразу поняла, что на самом деле нахожусь не в винном погребе, а в постели, рядом с Раулем, который уже сидел на кровати и торопливо натягивал джинсы.

– Убью! – прорычал он, вскакивая на ноги и направляясь к двери, из-за которой доносились эти ужасные звуки – грохот, скрежет, металлическое лязганье и завывания. Я поспешно натянула на себя одеяло, представать в пижаме перед неизвестно кем не хотелось.

– У-у-у-у! – раздались радостные завывания, сопровождаемые усиленным грохотом, стоило Раулю открыть дверь. На пороге стояли три фигуры разного роста в накинутых на головы простынях. В руках, выглядывающих из-под «саванов» они держали кастрюли и отчаянно колотили по ним кто металлической крышкой, кто половником, кто большой суповой ложкой.

– Дурни, – засмеялся Рауль.

Я тоже не сдержала улыбки. Хоть нас и разбудили так жестко, но это был лучший способ забыть о приснившемся кошмаре.

– Это привиде-е-ения-я, – провыла средняя фигура, размахивая кастрюлей и половником. И, стянув с головы простыню, уже нормальным голосом сказала: – Хватит дрыхнуть! Завтрак на столе!

Этим «привидением» оказался Давид. Высоким «призраком» был Чави, а низкорослым – Марк.

– Сейчас спустимся, – сказал Рауль, захлопывая дверь. – Ваше выступление оценили. И, будьте спокойны, мы вам ответим чем-нибудь в том же духе.

За закрытой дверью вновь раздалось завывание, сопровождаемое грохотом. И затем – громкие удаляющиеся шаги.

– Как тебе? – с улыбкой спросил Рауль, плюхаясь со мной рядом на кровать. – Забыл предупредить, что тут такие шуточки в ходу.

Мы привели себя в порядок и вместе спустились в столовую. За накрытым к завтраку столом, действительно, собрались уже все. Наше появление встретили радостными возгласами и подшучиваниями на тему встречи с «привидениями».

– Кто раньше встает, тот меньше «попадает», – назидательно сказал Давид. – Ибо пока вы дрыхнете, у скучающих в ожидании вас есть время придумать что-то эдакое.

– Давид, ты обречен каждое утро вставать спозаранку, – указал на друга пальцем Рауль. – Потому что пока я не верну тебе «долг», не успокоюсь.

– А при чем тут я? – округлил парень глаза. – Может, идея была Марка. Или Чави. Или вообще Моники, Сары, Нурии...

Рауль, усаживаясь за стол, усмехнулся с таким видом, что стало понятно, что он ни капли не сомневается в авторстве Давида.

За завтраком, с тостами, нарезкой сыра и ветчины, кексами, кофе и какао, все оживленно болтали. Делились впечатлениями, кому как спалось, строили планы на день.

– Так, что тут предлагают? – пробормотал Давид, составляя с буфета на убранный совместными усилиями после завтрака стол картонную коробку с рекламными листовками.

– Скучотища полная... – прокомментировал он, быстро перебрав пальцами буклеты, словно библиотечные формуляры. – Прогулка по поселку и вокруг озера... Оставим для пенсионеров. Экскурсия на винную фабрику. Это уже интересней, но, увы, сегодня фабрика закрыта. Дорога к старым развалинам замка... Хм... Что-то меня ничто не впечатляет... Если не озеро, то гора, если не гора, то какие-нибудь развалины. Как всегда.

– А что бы тебя впечатлило, дорогой Давид? – вкрадчивым голосом осведомилась Моника.

– Ну не знаю. Что-нибудь более занятное, не такое скучное! Вообще-то нам обещали привидений, так ни одно за ночь не показалось!

– Они тебя, Давид, испугались. Завернулись в саваны и сбежали, гремя цепями, – оживилась Лаура, не проронившая за завтраком ни слова. – Зачем привидения, если ты приехал? Даже Фредди Крюгер рядом с тобой милашкой кажется.

Давид метнул на девушку ледяной взгляд, но ничего не ответил – не потому, что ему не нашлось, что сказать, а из желания показать Лауре, что ее шпильки для него – все равно, что уколы иголкой для танковой брони.

– А что плохого в прогулке к озеру? – вмешалась Нурия. – Мне бы, например, хотелось пройтись вокруг него. Это озеро известное и, по слухам, невероятно красивое. И поселок можно посмотреть...

– Ну тогда, Нурия, эта прогулка как раз для тебя, – не дал договорить подруге Давид. И хоть он перебил девушку, это прозвучало как-то не обидно, без ноток презрения и высокомерия, которые слышались при его обращении к сестре Рауля.

– Помнится, в доме, где мы останавливались в прошлый раз, предлагались экскурсии на лошадях, – мечтательно прикрыл глаза Марк, и я удивленно глянула на него. Облик Марка не вязался с интересом к «адреналиновым» развлечениям. – Хорошо мы тогда время провели...

– Да, покататься на лошадках было бы замечательно, – согласился

Давид. – Но тут ничего подобного нет. Скучота! Опять придется рядиться в привидения, чтобы нарушить интимное уединение какой-нибудь парочки. Хоть так развлекусь.

Он метнул в нашу с Раулем сторону насмешливый взгляд. Но ответить мы не успели, так как в этот момент вернулся со двора куривший на улице Чави.

– А как насчет велосипедной прогулки? – спросил он, застав окончание разговора. – Я только что обнаружил в сарае четыре отличных горных велосипеда.

– Ты уже и в сарае побывал? – оживился Марк.

– Конечно! Если мы сегодня будем делать барбекю, то...

– Чави, не отвлекайся. Барбекю потом, а сейчас – велосипеды, – перебил друга Давид. – Так что там с ними?

– Говорю же, стоят себе четыре отличные машины. Если тебе хочется хлебнуть адреналинового коктейля, можно с ветерком промчаться хоть по горе, что за лесом, хоть по лесным тропам – тут тоже неплохие спуски и подъемы.

– Значит, четыре, – оживился Давид, обводя собравшихся внимательным взглядом и определяя, кто составит ему компанию на экстремальной прогулке.

– Сеньориты пусть меня простят, но это развлечение для мужчин, – вынес он вердикт.

– Мог бы из вежливости и сеньоритам предложить, – ехидно заметила Моника.

– Дорогая моя, неужели ты поедешь с нами? – хмыкнул Давид. – Я тебе не предлагаю, знаю, что откажешься.

– Откажусь. Не хочу свернуть себе шею на отдыхе, – согласилась Моника. – Но правильной было бы предложить всем, а не исключать женщин. Это пахнет мачизмом!

Судя по тому, что и Рауль, и Чави страдальчески закатили глаза, такие заявления были в духе Моника.

– Боже упаси! – испуганно поднял руки вверх Давид. – Боже упаси, Моника! Виноват, дорогая моя феминистка. Забыл, что в твоём обществе нужно следить за тем, что говоришь, иначе это может быть неправильно истолковано. Сокровище мое, послушай совета доброго дядюшки Давида: мы сейчас находимся на отдыхе, о работе тут разрешается вспоминать только мне, и то потому, чтобы снять с вас, девушек, обязанность стоять у плиты. Моника, небо, давай о правах человека, защите обездоленных котиков и помощи голодающим чайкам будем разговаривать в другой

обстановке, в твоей адвокатской конторе, например. Кушай завтрак, обед и ужин, приготовляемый для сеньорит «мачистом» Давидом, и расслабляйся.

Говорил это он с такой подкупающей улыбкой, что Моника, напрягшаяся в начале его монолога, вполне миролюбиво проворчала:

– Делать вам нечего – велосипеды... Не сверните шеи только!

– Не доставим тебе такого удовольствия, дорогая, – сладким голосом пропел Давид. – Ну, кто едет? Чави? Марк?..

Марк, робко глянув на свою воинственно сверкавшую глазами подругу, вздохнул и... решительно кивнул. Давид расплылся в одобрительной улыбке. Затем повернулся к Раулю:

– Оренсе, даже не знаю, предлагать ли тебе после того, как ты докатался «с ветерком» до больничной койки... Как тебе такая поездка, уже по силам?

Я с беспокойством посмотрела на Рауля, и по тому, как заблестели его глаза, поняла, что он бы в первых рядах отправился покорять горные спуски и подъемы. Почувствовав мой встревоженный взгляд, Рауль, все поняв, усмехнулся.

– Нет, Давид, пока воздержусь от подобных развлечений, – уверенно ответил он. – К тому же кому-то надо и девушек сопровождать.

– Ладно, – согласился Давид. – Значит, поедем втроем.

– Вчетвером, – раздался вдруг голос Лауры. Она, будто не заметив изумленных взглядов, направленных на нее, тряхнула длинными волосами и решительно заявила, обращаясь к молодым людям:

– Я с вами.

– Еще чего! – от удивления, смешанного с возмущением, глаза Давида округлились. – Тебе место вон в том кружке для вышивания!

– Сам иди... вышивать крестиком! – не осталась в долгу Лаура.

– Давид, как ты разговариваешь с Лаурой! – возмутилась Моника.

– А как с ней еще разговаривать? Куда она собралась?!

– Туда же, куда и вы – кататься на велосипеде, – невозмутимо повторила девушка. – А что тут такого? Меня тоже не прельщает прогулка вокруг озера.

– Чтобы ты себе шею сломала? Или, в лучшем случае, руку или ногу? – нехорошим голосом, в котором явно слышалось плохо сдерживаемое раздражение, произнес Давид. Но в то же время некоторые, еле уловимые ноты в его тоне заставили меня с интересом посмотреть на парня. Если раньше реплики, отпускаемые в адрес Лауры, звучали хоть и издевательски, но несерьезно – так задирают мальчишки девчонок в классе, – то сейчас в голосе Давида мне послышалось... беспокойство.

– Ты думаешь, что раз я девчонка и младшая по возрасту, то, значит, ловкости у меня меньше, чем у тебя? – вскидывая подбородок, надменно произнесла Лаура.

– Именно, дорогая моя, именно.

– Забыл, что я росла среди вас, пацанов, и с раннего детства лазала и по деревьям, и по...

– Как же, красавица, забыть такое! – с гаденькой улыбкой перебил ее Давид. – Мое воображение до сих пор волнует воспоминание о твоей попе в розовых трусах, сверкавшей из ветвей какого-то низкорослого дерева, и твой ангельский голосочек, которым ты трубила на три пуэбло в надежде, что кто-нибудь тебя, мартышку в задравшейся юбке, снимет с дерева. Вспоминаем дальше?

– Козел, – буркнула Лаура, заливаясь краской. И дрожащим от злости голосом произнесла: – Я отправлюсь кататься на велосипеде и точка!

– Опять за свое, – страдальчески поднял глаза к потолку Рауль. – Лаура, ты каждый раз пытаешься доказать, что уже взрослая, совершенно детскими способами.

– Я ничего не пытаюсь доказать! Мне хочется поехать, потому что... хочется! Потому что я люблю ездить на велосипеде! – развернулась она к брату.

– Лаура, речь идет не о простом велосипеде и не о гладкой дорожке, по которой ты можешь себе кататься взад-вперед, сколько вздумается, а о горных подъемах и спусках, – сделано терпеливым тоном, словно объясняя непослушному ребенку в третий раз, почему он не должен так поступать, ответил ей Рауль.

– И что? Не вижу большой разницы! Я хорошо езжу на велосипеде, катаюсь не только по ровным дорогам!

– Лаура, Рауль тоже уверенно водит мотоцикл, – вкрадчиво напомнил Давид. – Однако это не уберегло его от падения и переломов.

– Велосипед – не мотоцикл. И я – не Рауль. То, что упал он, не значит, что упаду и я.

– Боже, какая ты невыносимая и упрямая! – взорвался Давид. – Я не собираюсь тащить тебя на руках, если ты свалишься и сломаешь ногу!

– А почему ты так уверен в том, что я упаду?! И кто даст гарантии, что не свалишься ты?! Вот тебя-то я уж точно не потащу на себе!

Нурия испуганным и умоляющим взглядом посмотрела на Давида, но тот даже не заметил ее беспокойства. Все его внимание было направлено на Лауру. Взгляд темных глаз искрил, ноздри раздувались. Похоже, парень еле сдерживался. Взгляд Лауры, направленный на Давида, был ничуть не

мягче. Казалось, эти двое затеяли игру, только соревновались не в том, кто кого переглядит, а кто испепелит другого взглядом.

– Ого! – присвистнул Чави, и его подруга неодобрительно покачала головой.

– Давид, – Нурия робко тронула своего спутника за локоть, но парень только дернул рукой, стряхивая пальцы девушки, словно насекомое.

– Прекратите. Оба, – произнес Рауль тихо, но с таким металлом в голосе, что и Давид, и Лаура, и собиравшаяся вмешаться в спор Моника разом оглянулись на него. Я всегда удивлялась, почему в школе лучшей дисциплины удавалось добиться учителям не с громогласными крикливыми голосами, а педагогам, никогда не срывающимся на истеричный фальцет. – Давид, не видишь, что ты ее только провоцируешь? Убавь звук, а лучше вообще его выключи. Лаура, а ты, если хочешь, езжай! Ради бога! Никто тебе не запрещает. Ты девочка большая, и если чужие примеры тебя не заставляют одуматься, так, может, собственные ошибки чему-то научат. Я тебя очень люблю, поэтому, если что, в беде не оставлю. Буду всячески тебе помогать: носить в больницу сладости и книжки, поправлять подушки, чтобы тебе лежалось удобно, подставлять плечо, чтобы ты могла с комфортом доскакать до туалета. Даже буду терпеливо выслушивать твои жалобы на то, что гипс весит три тонны, а кожа под ним нестерпимо чешется. Хотя, возможно, лежать в гипсе зимой, а не в самую жару, окажется не так уж мучительно. Даже тепло.

Рауль говорил это все таким серьезным и спокойным тоном, что напряжение, сконцентрировавшееся в этой комнате и грозящее разразиться бурей, стало потихоньку спадать.

– О боли не беспокойся, – продолжал он, как ни в чем не бывало, и голос его теперь напитывался теплотой и проникновенностью. – Пара уколов – и на несколько часов о ней забудешь. Знаю, что ты боишься уколов, но я буду тебе их делать лично: говорят, у меня рука легкая. А так повалиться со сломанной ногой – вовсе не плохо, поверь мне! Все на работу спешат, а тебе никуда торопиться не надо. Спи себе, отдыхай, как в отпуске, книжки читай, телевизор смотри! Правда, о дискотеках, спорте и долгих прогулках придется забыть. Как и о пляже. Но какой пляж зимой? А к лету уже и поправишься. И чтобы ты не скучала, я тебя развлекать буду: петь под гитару. Прямо у постели. Каждый день, включая и выходные. Пригласим твоих подружек, я и для них спою, мне не жалко. А они – станцуют.

Я, слушая Рауля, не смогла сдержать улыбки. Отвернувшись, чтобы не испортить эффект от «педагогического внушения», я заметила, что и

Моника, и Марк тоже украдкой улыбаются, а Давид и вовсе, не стесняясь, ухмыляется, не сводя взгляда с Лауры. Нурия, Сара и Чави, занявшие места в партере, переводят взгляд то на Давида, то на Рауля. И только Лаура смотрит на брата волчонком, почти не моргая и все крепче сжимая губы.

Сара не выдержала и прыснула в кулачок. Лаура метнула на нее острый, как нож, взгляд, но промолчала.

– Единственное, что может сильно омрачить жизнь – это рубцы... – сокрушенно вздохнул Рауль. – Я-то из-за них не переживал, юбок все равно не ношу. К тому же Анна мне сказала, что шрамы мужчин украшают, так что я только радуюсь тому, что любимая не видит во мне чудовище Франкенштейна. А вот для такой красивой молодой девушки, как ты, шрам на полноти или руки может стать настоящей трагедией. Впрочем, ты сама сказала, что велосипед – это не мотоцикл, скорость другая. И если свалишься на мягкую земляную дорожку, не обдерешься так, как об асфальтное покрытие. А если еще и перелом аккуратный, то и операция не понадобится. Так что, сестренка, развлекись сегодня как следует! Не обращай ни на кого внимания! Мы тут все – старые зануды. Накатайся от души, потому что потом, возможно, о велосипеде придется забыть надолго.

– Ха-ха-ха! – отдельно, без улыбки, произнесла Лаура. Затем, бросив на всех насмешливый взгляд, развернулась и вышла, гордо вскинув голову.

– Bravo, Рауль, я насладились! – воскликнула Моника, когда за Лаурой закрылась дверь.

– Она не обиделась? – тревожно спросила я, оглядываясь. Не слишком ли увлекся Рауль? Лаура мне была очень симпатична и восхищала своим бунтарством. Мне очень не хватало в характере такой черты. Я даже переходный период пережила как-то мягко, без бурь, протестов и желания отстоять свободу личности. В возрасте Лауры я была старше себя сегодняшней, двадцатисемилетней. Окружение все же накладывает отпечаток не только на поведение, но и корректирует «под себя» твое ощущение возраста. Тогда, в двадцать пять, я искренне считала, что муж, занудный, сухой, как буква закона, лишенный чувства юмора Костик – мужчина моей мечты. Он был старше всего на два года, но очень старался, чтобы у людей складывалось впечатление о нем как о зрелом мужчине. Положение, как говорится, обязывало: в его юридическом мире к молодым отношение несерьезное. И я, находясь с Костиком рядом, общаясь с его зрелыми друзьями и коллегами, невольно «старела».

– Ха, обиделась! – ответил за Рауля Давид. – Думаешь, она переживать пошла? Спорю, что в данный момент переодевается для прогулки на велосипеде! Если уж его сестрице пришла в голову какая-то идея, то

убедить Лауру одуматься – все равно что пытаться грудью остановить мчащийся паровоз. Уж лучше отойти в сторону.

– Я уже начинаю жалеть о том, что ее пригласил, – пробормотал Рауль.

– Да что ты так переживаешь? – пожала плечами Моника. – Вы оба преувеличиваете: еще никуда не вышли, а уже пребываете в полной уверенности, что с Лаурой обязательно случится что-то плохое. Рауль, твоей сестре двадцать пять лет, она взрослая девушка и бунтует не из вредности, а из-за желания наконец-то выйти из-под твоей опеки!

– Я ее опекаю? – удивился Рауль.

– Опекаешь, только настолько привык к этому, что уже и сам не замечаешь.

– Моника, я давно живу отдельно, в дела Лауры не вмешиваюсь, хоть и вижу, что она зачастую поступает неправильно. Но, в конце концов, у нее есть своя голова. И я ей брат, не отец.

– Хорошо, хорошо... Но зря вы разволновались, может быть, Лаура еще никуда и не пойдет.

И в этот момент дверь открылась, и в столовой показалась Лаура, переодетая в спортивные брюки и свитер с высоким горлом.

– Вы еще здесь? – окинула она всех удивленным взглядом. – Не торопитесь... Поскольку я собралась первая, думаю, мне предоставляется право выбрать велосипед?

Рауль развел руками: «Ну, что я говорил?» Давид метнул на сестру друга злой взгляд и, поджав губы, встал из-за стола.

– Пойдем, Нурия.

Это послужило сигналом к тому, чтобы все отправились переодеваться для прогулки.

* * *

...Что это? Жар, боль. У меня нет сердца, только его фантом, но я чувствую, как оно вновь бьется, как пенится и бурлит кровь – как тогда, когда в наш дом приходил Анхель. Что со мной?..

Я бродила по коридорам моего мира, думая об увиденном «цветке»... Кто его обладатель? Кто она, та счастливица, к которой цветет эта несчастная любовь?

Почему несчастная? Так мне показалось, что хозяйствует тут не человек, а этот сорный, несмотря на диковинную красоту, цветок. Он – раковая опухоль, разъедающая хозяина, паразит, выпивающий соки из

другого, оберегаемого и напрасно возвращаемого растения. Такая любовь – неистребимая, пожирающая – не может быть счастливой. Возможно, тот мужчина, который ее испытывает, продолжает лгать женщине, на которой женат, или с которой обручен, или просто находится рядом, что ее любит. Настоящие чувства, с примесью тоски и горечи, он испытывает к другой.

Так думала я, снедаемая желанием выйти из моего мира и хоть одним глазком увидеть того, в чьем сердце расцвел цветок. Я воображала, как выглядит этот мужчина. И на фантазии накладывался оставшийся в моем фантомном сердце образ. Мне казалось, что незнакомец похож на Анхеля: высокий гибкий юноша со смуглым лицом, с тонкими чертами, с полоской усиков над круто вырезанной губой, с волнистыми длинными волосами. А как выглядела раньше я? Как странно... Я до деталей помню внешность Анхеля, все его костюмы, в которых он приходил в наш дом, рубашки, шляпы, ботинки. Помню тембр его голоса. Помню шершавость его щеки, касающейся моей во время приветствия – увы, я не успела ни сорвать настоящего поцелуя, ни подарить Анхелю свой... Так вот, я помню, как выглядел он, но забыла, как выглядела сама... Несчастливая девочка, чье имя выцвело, девочка, чей возраст, несмотря на проходящие годы, никогда не преодолет шестнадцатилетний рубеж...

Я бродила по коридорам, осторожно подсматривая за гостями. Но, витая в своих мыслях, «читала» их души рассеянно, будто машинально пролистывала страницы книги, не вникая в смысл написанного. Эта компания мало чем отличалась от других отдыхающих. Обычные люди с их грехами и добродетелями. Их души скорее светлы. Но холод мира, в котором я живу, заморозил все доброе во мне, и я в первую очередь ищу не достоинства, а людские пороки. Я со странной радостью выискиваю темные пятна. Тщеславие, гордость, жажда славы – все это присуще моим гостям. Обыкновенные пороки обыкновенных людей.

Чтобы не думать больше о заморозившем меня цветке, я затеваю новую игру: пробую лишь по гаммам душ, не заглядывая в сердца, предсказать, как складываются отношения между гостями.

Занятная пара... Здесь доминирует девушка. Душа светла, хоть ее обладательнице не чужды амбиции. Она считает, что ее поступки выверены и правильны, но это не всегда приносит пользу. Девушке не хватает гибкости, она предпочитает рубить правду в лоб... Но ее душа издает тихое свечение, когда рядом с ней оказывается возлюбленный. Светло-голубые тона нежности, бежевые – тихого обожания. Возможно, девушка относится к своему спутнику с материнским покровительством.

Впрочем, судя по тому, что ее мужчина отличается застенчивостью и нерешительностью, такие отношения их обоих вполне устраивают. Гармония – вот мой ответ.

А в этой паре все наоборот: доминирует мужчина. Возможно, он не совсем внимателен к своей спутнице. На лиловом фоне самолюбия в его душе – пятна тщеславия и жажды славы. И я думаю, что, если этому мужчине для получения желаемого потребуется пожертвовать отношениями, он сделает это без сомнений. Девушка же добра, но ей не хватает выдержки. Наверное, она срывается, кричит, требуя внимания, устраивает сцены. Но через пять минут просит прощения и признается в любви, и он снисходительно ее «прощает».

Нестабильность – мой вердикт.

А здесь дела куда хуже... Увы. Я вижу, как в ее душе разлиты ртутные пятна ревности. Ядовитые пары отравляют ее любовь. Но у девушки есть основания не доверять спутнику: на его душе – грехи измены. Я отворачиваюсь, так нехорошо мне делается. И, дабы избавиться от неприятного послевкуся, переключаюсь на другую пару.

Ужасную скуку – вот что я читаю в душе мужчины. Возможно, его любовь к спутнице отцвела. Тогда же как девушка испытывает к нему болезненные чувства. Как грустно! Я сокрушенно вздыхаю. И еле справляюсь с соблазном рассмотреть цветы, чтобы подтвердить или опровергнуть свои прогнозы.

Потом, в другой раз. Хоть меня так и подмывает найти обладателя цветка. Кто он? Вряд ли тот, нерешительный, из пары, в которой доминирует девушка. Слишком уж тихи и гармоничны их отношения. Остаются трое мужчин – скучающий, тщеславный и изменник – такие «имена» я им даю. Кто из них?

Прежде чем уйти, я вскользь касаюсь взглядом душ всех собравшихся.

И отшатываюсь, увидев убийцу.

Убийца!

Убийца...

* * *

Мы взяли машину Лауры, Рауль сел за руль, я – рядом с ним, а на заднем сиденье разместились Нурия, Сара и Моника. Я не принимала участия в беззаботной болтовне, которой развлекались девушки, иногда обращаясь с вопросами к Раулю. Отвернувшись к окну и рассматривая лес,

в солнечном свете уже не казавшийся таким угрюмым, как в сумерках, а затем – виноградники, я думала о том, каким странным и щедрым на события получился этот год. Моя жизнь, до этого напоминавшая тихий ручей с вялым течением, вдруг забурлила горной рекой. Меня увлек поток такой силы, что я не успевала цепляться руками за камни и коряги, дабы сделать паузу, глотнуть воздуха и оглядеться по сторонам. И ладно бы тащило по ровному руслу, так нет, на пути попадались пороги, и я летела вниз с риском захлебнуться или разбиться. Но выныривала на поверхность и плыла дальше. Измена мужа и развод – первое падение на камни. И следом знакомство с Раулем, который протянул мне руку помощи и отогрел в ладонях мое замерзшее сердце. Счастливая, потеряв бдительность, я чуть не поплатилась за это жизнью. Но спаслась и получила невиданный подарок – знакомство с моим дедушкой-испанцем. Бальзам на вновь разбитое сердце... Но только я решила, что вышла на плато, как река вновь сделала неожиданный поворот, за которым поджидал очередной порог, новая потеря. Дедушка...

Когда дедушка пропал, я предполагала, где его искать. Рауль с друзьями облазил всю старую фабрику, но даже следов пребывания дедушки там не оказалось. И все же я чувствовала, что его жизненный путь закончился именно на фабрике...

Я любила поселок, где жили Рауль и Лаура, родной и для моего дедушки. Но каждый раз, когда я оказывалась в Санроке, ко мне возвращалась грусть. Я так и не дошла до дома, в котором жила летом. Не смогла прийти туда – к старой фабрике. И не навестила соседей – Хуана и Кармен, которые с такой теплотой принимали меня у себя. И это тоже болело. Может быть, перед отъездом...

Сейчас у меня был счастливый период. Но держала я в ладонях счастье так боязливо, словно хрупкую скорлупу. Я украдкой глянула на Рауля и отметила его спокойную уверенность, с которой он вел машину. Если бы он так же уверенно вел по жизни меня... Мне не верилось, что закончились повороты, я боялась, что на очередном пороге моя ладонь выскользнет из ладони Рауля... И тогда уж я точно разобьюсь.

Течение мыслей перебил звонок мобильного. Я вытащила его из кармана куртки и, увидев высветившийся номер, обеспокоилась. Звонила Арина, с которой я разговаривала вчера – спрашивала, как поживает моя кошка. Собиралась позвонить и вечером, дождавшись часа, когда подруга вернется с работы домой. Что случилось, если она звонит мне сама?

– Привет, Ариш! Что-то с Дусей? – в лоб спросила я. Лучше уж узнать сразу.

– Нет, нет, – засмеялась подруга. – В порядке твоя девушка! Передает привет тебе и твоему красавцу, говорит, что скучает по вас. Я тебе звоню по другому вопросу. С тобой Савелий хочет поговорить.

– Савелий? – удивилась я и напряглась. Дело в том, что муж Арины, Савелий, обладал некоторыми способностями, в которые я поначалу не верила. Но после того как он предсказал некоторые ситуации и дал точные описания людей, с которыми я потом встретилась, все сомнения отпали. Кстати, он же дал описание фабрики, когда я обратилась к нему за помощью, чтобы узнать место, где пропал мой дедушка.

Встревожило меня то, что если Савелию срочно понадобилось поговорить со мной, то это явно не для того, чтобы передать привет.

– А разве вы оба не на своих работах? – растерянно спросила я.

– Савелий проездом был в моих местах и зашел. Я передаю ему трубку!

Вот как... Значит, все еще хуже – он приехал к жене, чтобы связаться со мной.

После обязательных приветствий Савелий спросил:

– Аня, где ты сейчас находишься?

– В данный момент еду в машине. А так отдыхаю с друзьями Рауля в одном старинном доме.

– В доме... – задумчиво повторил муж подруги и сделал паузу, словно что-то обдумывая. Я поймала на себе встревоженный взгляд Рауля, заметившего обеспокоенное выражение моего лица. Я покачала головой, и он опять перевел взгляд на дорогу.

– Я видел... картину, – начал Савелий осторожно, подбирая слова. Привык к тому, что люди не воспринимали его способности всерьез.

– Смелей, Савелий! – подбодрила я. – Говори!

– Меня встревожило видение, – признался он. – Я увидел охваченное огнем помещение, услышал чей-то крик. Кажется, женский. И еще мне показалось, что из того помещения выхода не было.

– То есть женщина погибла?

– Предположительно. А потом из обугленной комнаты я «перенесся» в подвал с бочками и почувствовал сильное зло. Будто начало всех бед кроется там. Не в обугленной комнате, а в подвале.

– Говоришь, в этом подвале какие-то бочки? – переспросила я, вспоминая свой кошмар. Надо же, как совпало... – Это мог быть винный погреб?

– Возможно, Аня. Но важно то, что я почувствовал угрожающую опасность.

– Мне?

– Тебе ли, твоему молодому человеку, еще кому... Не знаю. Я просто почувствовал что-то нехорошее. Подробней не могу рассказать, так как для этого мне нужно побывать в том месте, где сейчас находитесь вы.

– Ладно, Савелий, – пробормотала я. И Рауль опять в тревоге глянул на меня. – Спасибо, я постараюсь... не попадать в неприятности.

– Аня, это не только твои «неприятности». Было бы хорошо, если бы вы оттуда все уехали. И как можно раньше.

Я поблагодарила приятеля за предупреждения и попрощалась.

– Что-то случилось? – спросил Рауль.

– Нет, – бодрым тоном ответила я. Хотя я и рассказывала Раулю про Савелия, сейчас пересказывать наш разговор мне не хотелось. Потом, в другой момент.

– Как здорово звучит русский язык! – воскликнула с заднего сиденья Моника. – Может быть, мне заняться его изучением? Было бы интересно!

– И сложно, – усмехнулся Рауль. – Поверь мне, Моника.

– Ты учишь русский? – с восхищением спросила Нурия.

Но ответить Рауль не успел, так как тоже отвлекся на телефонный звонок.

По разговору я поняла, что звонил тот друг, который должен был приехать сегодня с супругой. Рауль объяснил дорогу и сказал, куда положили ключи от дома.

Минут через десять езды по шоссе, обвивающему горы новогодней гирляндой, мы остановились около придорожного кафе. Я обратила внимание на то, что на парковке наша машина оказалась единственной, а все остальные места и площадка перед кафе были заставлены мотоциклами. Приезжали сюда целыми компаниями. Молодые парни, одетые в комбинезоны, прилетали стайками в два-три человека на спортивных моделях. Мужчины солидного возраста в «косухах» и банданах и их неюные спутницы в черных кожанках приезжали огромными компаниями на классических. Молодежь занимала столики в кафе, их старшие товарищи с боевыми подругами, спешившись с «Харлеев», отправлялись на прогулку. И если бы не привлекающая внимание экипировка последних, можно было бы принять их за экскурсионные группы – так чинно, с молчаливым любопытством озирая окрестности, они прогуливались.

У меня на языке вертелось много вопросов, но я не стала задавать их Раулю, дабы не поднимать опасную тему. С ним только заведи разговор о мотоциклах! Хватит и того, что я заметила его взгляд, полный сожаления,

ностальгии и зависти, которым он окинул припаркованные возле дверей кафе мотоциклы. Мысленно он уже наверняка «оседлал» «коня» и полетел по шоссе на максимальной скорости, кладя мотоцикл на бесчисленных поворотах почти параллельно земле. Это неизлечимо, как говорится...

Поселок превзошел все мои ожидания. Совсем небольшой, он напоминал скорее площадку с декорациями к фильму про Средневековье, чем жилое поселение: вымощенная брусчаткой единственная узкая улочка, ручейком петляющая между выстроенными в непрерывные линии многовековыми каменными домами, часть крепостной стены и высоченная башня – единственная уцелевшая от замка часть. Правила здесь тишина, нарушаемая лишь застенчивым шарканьем обуви о брусчатку. В одном месте улица, подныривая под башню, делала петлю, а возле крепостной стены образовывала небольшую площадку, откуда отлично просматривалось озеро – зеркало с синеватым отливом, брошенное на зелено-бурый ковер. Любуясь солнечными бликами на водной глади и слушая шепот ветра, я наполнялась спокойствием. И недавние слова Савелия сейчас уже не казались такими пугающими.

Когда мы, восхищенно переговариваясь, рассматривали с высоты озеро, Рауль отошел в сторонку и вытащил мобильный телефон. Потыкав в кнопки, он поднес трубку к уху и спросил:

– Марк, как там моя красотка?

Выслушав ответ, он рассмеялся и вернулся к нам.

– И что тебе сказал Марк? – с улыбкой, предвкушая хорошие новости, поинтересовалась я.

– Что Лаура обогнала всех и на этой почве опять поругалась с Давидом.

– Бедовая девчонка, – пробормотала я по-русски. Лаура нравилась мне все больше и больше своей сумасбродностью и упрямством. Но, с другой стороны, я сочувствовала Раулю, который в какой-то мере нес ответственность за младшую сестру.

Мы вернулись в дом раньше наших «экстремалов». Нас встретила новая пара – Серхио Эрнандес, гитарист из группы Рауля, и его супруга Лусия. Симпатичный молодой человек, в отличие от Чави, выглядел как рядовой клерк. На нем были джемпер и классической модели джинсы. Аккуратная короткая стрижка, гладко выбритое серьезное лицо, чуть уставший взгляд крупных темно-карих глаз, спокойные движения и приятный тембр голоса. Никакого пирсинга, прорех на джинсах и стоптанных кед – обут он был в начищенные туфли. Лусия тоже показалась мне приятной и симпатичной, хотя привлекательность ее немного портили

бледность и заметные тени под глазами. Одета в длинный свитер, легинсы и высокие сапоги. Застенчивая, чуть рассеянная и задумчивая.

– Как поживает ваш маленький Эрик? – поинтересовался после приветствий и расспросов о дороге Рауль.

– О! – оживилась девушка, и из ее глаз исчезло сонное выражение. – Растет! Недавно исполнился год! Но все так же плохо спит по ночам.

– Надеемся выспаться в эти выходные, – усмехнулся ее муж. И спросил, где остальные. Когда Рауль ответил, Лусия воскликнула:

– Одна девушка вернулась еще до вас.

– Лаура? Если она здесь, то почему не спустилась к нам?.. – обеспокоился Рауль. – Поднимусь к ней, узнаю, что случилось.

– Ну почему обязательно должно что-то случиться, – встряла Моника, насмешливо глядя на Рауля небесными глазищами. – Может, Лауре надоело кататься, вот она и вернулась. А не спустилась вниз, потому что принимает душ.

– Я увидела, как девушка-подросток входит в одну из комнат, поздоровалась с ней, но она не оглянулась. Может, не услышала? – добавила Лусия.

– Подросток? – поднял брови Рауль. – Моей сестре двадцать пять лет. Впрочем, она и правда выглядит как подросток, особенно если оденется в кучу маек с мультяшными героями и старые джинсы.

– Она была в платье.

– В платье? Лаура?! – засмеялся Рауль. – Это точно не она!

– А кто же тогда? – растерялась Лусия и, будто ища поддержки, оглянулась на мужа. Но в этот момент в столовой появилась с мобильным в руке Нурия и сообщила, что наши экстремалы приедут через пять минут и неплохо бы уже начинать подготовку к барбекю.

– Я займусь очагом, – поднялся со стула Рауль. Серхио вызвался ему помогать. А мы, девушки, отправились на кухню.

* * *

Я чувствую, как ворочается, сбрасывая сонное оцепенение, зло. О зыбкости его дремоты говорит заполняющий коридоры холод, как сигнализирует о наступлении зимы утренняя изморозь на увядающей траве. Тишина, обычно плотная и тяжелая, пропитывается, словно бисквит ромом, звенящим напряжением. И дом, который в обычное время подремывает, будто уставший старик, просыпается с неслышимыми

стонами, как от мучительных ревматических болей. Это зло, которое давно поселилось в нем, проникло в его органы и, как паразит, откладывает личинки, из которых грозит вылупиться армия чудовищ. Меняется облик старого доброго дома... Я вижу, что трещины, разрушающие монолитную кладку, уже шириной в палец. Дыры, прогрызенные древоточцами – уже не мелкие поры. И сыплются из них не только жирные черви, но и другие гады – мелкие змейки, мохнатые пауки, пиявки и многоножки. Зло, вылупляющееся из личинок. Эти гады расползаются по всему дому и забиваются в щели. Бедный старик... Я с ужасом вижу, что зло пропитало собой многовековые камни, обивку мебели, поселилось в трещинах и дырах, пылью покрывает пол, осыпается с потолка старой штукатуркой. Я наблюдаю эту картину со странной смесью ощущений: меня передергивает от отвращения, ужас проходит по моей несчастной душе ледяным ветром, но я, как замороженная, не могу отвести от происходящего глаз. Так, видимо, человек, обреченный на гибель, наблюдает извержение вулкана: смертельно заворачивающее зрелище.

Мне бы спрятаться в коридорах, молясь про себя, чтобы зло прошло, не коснувшись меня. Но я думаю об увиденном цветке... Не потому, что мне хочется спасти его. А из эгоистичных побуждений. Мне хочется им завладеть. Унести его с собой – единственное что-то живое, что могло бы согреть меня здесь. Желание обладать цветком похоже на одержимость, я думаю не о спасении гостей, мне безразлична их судьба, как и жизнь того человека, в чьем сердце полыхает любовь. Я хочу лишь получить сокровище. О, если бы я была той, к кому этот мужчина испытывает такие сильные чувства! Я бы ощущала прикосновения его ласковых, трепещущих от робости и внутреннего огня пальцев, я бы питывалась чужими признаниями, расцветая ответными чувствами. Я бы... Но я не она.

О чем это я... Меня должно беспокоить лишь то, как уберечься от буйства зла, если прервется его дрема. Спрятаться в коридорах? Укрыться в доме? Или уйти так далеко, насколько я смогу? Но я не перестану думать об этом цветке...

* * *

Мне нравилась эта компания и особая атмосфера сплоченности, которая объединяла нас в одну семью. В доме остались только девушки,

молодые люди занимались приготовлением мяса во дворе. Перешучиваясь и смеясь, мы мыли и резали овощи, складывали на блюда сырые свиные ребрышки и куриное филе, накрывали общими усилиями обеденный стол. Аппетитные запахи проникали в дом даже сквозь закрытые двери и окна, щекотали ноздри, заставляли сглатывать голодную слюну.

В ожидании обеда мы засыпали вопросами Лауру, так ловко справившуюся с подъемами и спусками. И девушка, раскрасневшись от внимания и гордости, подробно рассказывала о велосипедной прогулке. Она была сейчас невероятно хороша – с разруганными щеками, с естественными локонами, в которые завилась от влаги и ветра ее волосы, с блестящими глазами. И я, любясь ее естественной красотой, с восхищением подумала, что сестра у Рауля – необыкновенная красавица.

– Ты отважная девушка! Я бы не решилась поехать. Марк сказал, ты их всех там обогнала, – воскликнула Моника, передавая в столовой Лауре из старого буфета с разохшимися стенками, скрипучими петлями и потускневшей зеркальной задней стенкой, стопку тарелок.

– Надо же было этому страшилищу, который мнит себя едва ли не богом, утереть нос, – ответила девушка нарочито небрежным тоном. Но стало понятно, что сладкий момент своего триумфа и победу над Давидом она будет вспоминать еще долго.

Нурия, услышав в адрес любимого столь нелестные слова, поджала губы, но промолчала.

– Анна, отнесешь это во двор? – обратилась ко мне Сара.

– Конечно! – весело ответила я, подхватывая довольно внушительное блюдо с сырым мясом.

– Скажи Давиду, что это последняя порция.

Я вышла на улицу и зажмурилась от удовольствия, потому что ослепительное солнце со вкусом расцеловало меня в щеки. Легкий ветер невесомой ладонью пригладил волосы, и вдруг, проказничая, растрепал их сильным дуновением. Этот день, не по-декабрьски яркий и теплый, останется в памяти счастливым воспоминанием, отпечатавшимся в виде буклетного изображения. Фасад дома, вчера в сумерках выглядевший серым, оказался окрашенным довольно в жизнерадостный цвет – оранжево-кирпичный, тогда как каменная кладка остальных стен не была тронута краской. По левую руку от меня стояли качели, где мы вчера и увидели Давида. По правую – колодец, который, судя по прикрывающей его неподъемной каменной плите, давно выполнял лишь декоративную функцию. Подъезд к двери зацементировали, но дальше травяную лужайку прорезала широкая дорожка из гравия, метров через тридцать делавшая два

ответвления. Одно вело к сетчатому забору, отделяющему от лужайки территорию бассейна, другое – к месту для барбекю. Последнее представляло собой небольшой домик, выкрашенный в такой же яркий цвет, как и фасад основного дома, с «террасой» На «террасе», собственно, и находилось место для приготовления мяса – с очагом и каменным столом. Сам домик же, по-видимому, и был тем сараем, где Чави обнаружил велосипеды.

Я еще издали увидела, как возле очага колдует раскрасневшийся от жара Давид. Что-то ловко переворачивая, поливая соусом, он по ходу дела отдавал короткими взмахами ручищ указания находившимся «на подхвате» Марку и Серхио. В своей стихии, увлеченный любимым делом, он уже не виделся мне столь отталкивающим, как в момент знакомства. Напротив... Было в его действиях столько магнетизма, столько профессионализма и любви к делу, что я замедлила шаг, любуясь им. На ум пришло сравнение с алхимиком, создающим волшебный эликсир. Впрочем, так оно и было: вкус приготовляемых Давидом блюд и правда оказался божественным. Вчера за ужином я уже убедилась в этом, попробовав нежный овощной суп-пюре и рыбу в пряном томатно-винном соусе.

Залюбовавшись Давидом, я не заметила стоявших неподалеку Рауля с Чави. Как и они, увлеченные разговором, меня. Их скрывало старое дерево, широкий неровный ствол которого напоминал застывшую в причудливой форме вылившуюся сверху лаву. Опомилась лишь тогда, когда до меня донеслась реплика Чави:

– ...Можешь привести хоть сотню барабанщиков, но достойной замены Ракель все равно не найти!

Услышав, что речь идет о бывшей девушке Рауля, я мгновенно забыла и о Давиде, и о том, зачем к нему шла. Имя Ракель до сих пор вызывало у меня неприятные воспоминания, хоть мы с Раулем и не говорили о ней. Я знала лишь, что Рауль разорвал с ней все отношения – и личные, и рабочие. И расстались они отнюдь не друзьями.

– Парень, которого я собираюсь привести, вполне ничего, – услышала я, как возразил Рауль.

– Если он такой же «ничего», как и те, которые приходили раньше, то из нашей группы ничего не выйдет, – съехидничал Чави. – До сих пор ищем барабанщика! Ладно, для записи диска «одолжили» его у других. А как быть с концертами?

– Этот парень нам подойдет! Ты его еще просто не слышал, – в голосе Рауля послышалось раздражение.

– Оренсе, ты что, не понимаешь?.. Дело не только в том, как хорошо

играет барабанщик, и как вольтится он в группу! Нам нужна фишка! А Ракель ею и была. Оренсе, нам не обойтись без нее. Особенно сейчас, когда перед нами открываются такие перспективы, – горячо заговорил Чави. – У Ракель не только идеальное чувство ритма, она еще и редкостная красотка!

– Как и редкостная гадина, – буркнул Рауль. – Чави, неужели ты всерьез считаешь, что без Ракель мы не справимся? Что популярность группы держалась только на ее внешней привлекательности? Что вот твоя игра ничего не стоит, что игра Серхио – так, дилетантское брэнчание? Что и Фер, и Дани, и я выходим на сцену просто постоять?

– Рауль, я хотел сказать, что с Ракель мы добьемся большей популярности. Это же такой шикарный ход – посадить за барабанную установку не лохматого потного мужика, а сексапильную красотку! Вспомни, как мы здорово выиграли на этом! Бабы валили послушать тебя, а мужики – полюбоваться на Ракель! Она как... приманка. Дополнительная – к нашей игре и твоему голосу.

– Каким бы шикарным ходом тебе это ни казалось, Ракель ушла, и все, – холодно возразил Рауль.

– Ушла, но может вернуться! От тебя все зависит! Только от тебя! Если ты ее попросишь...

– Я не буду ее просить! – повысил голос Рауль.

– Да черт тебя побери! – взорвался Чави. – В конце концов, группа не только твоя! Мы ее создавали вместе, мы и решения должны принимать сообща! Прежде чем выгонять Ракель, тебе стоило поинтересоваться мнением остальных, а не ставить всех перед фактом! Пусть ты рассорился с ней как с бабой, но рабочих отношений это не должно касаться!

– А как ты представляешь себе нашу работу с ней дальше после всего?.. – насмешливо спросил Рауль.

– Если уж на то пошло, изначально не надо было с ней спать! Не смешивать дело с постелью! Хотя тебя понять можно: кто бы отказался переспать с такой красоткой!

– Замолчи!

– А что ты так разволновался? Ты же расстался с ней! – с ехидцей заметил Чави. – Только не говори мне, что тебя до сих пор задевает, что с Ракель может спать кто-то другой, не ты! Нехорошо, Оренсе, по отношению к новой девушке! Или она для тебя просто временная забава?

– Умолкни, сказал! Мои отношения с Анной тебя не касаются!

– Да ради бога! Мне и правда нет дела до того, с кем ты спишь, если только не будешь каждую бабу приводить в группу, а потом, когда она тебе надоедает, выгонять!

Я увидела, как пальцы Рауля сжались в кулаки, как напряглись его скулы, будто он из последних сил сдерживался, чтобы не ответить Чави что-то такое же оскорбительное или не ударить его. Не знаю, чем бы окончился этот спор, но в этот момент Чави оглянулся и заметил меня. А следом за ним – и Рауль. И в его глазах мелькнул испуг.

– Подслушивать нехорошо, знаешь? – опередил нас Чави, обращаясь ко мне.

– Извинись перед Анной!

– За что? – удивился Чави. – Я не сказал ничего оскорбительного лично ей. В том, что она подошла в неподходящий момент, моей вины нет. Не вижу, за что я должен извиняться.

– Все в порядке, Рауль! – натянуто улыбнулась я, увидев, как недобро прищурился он, глядя на приятеля. – Отнесу это блюдо Давиду. Скоро будем обедать.

И поспешно покинула их, оставив разбираться уже без моего участия.

Поистине – подслушивать нехорошо... Никогда не знаешь, какую гадость можешь услышать.

Всучив Марку блюдо с мясом, передав Давиду слова Сары и поинтересовавшись, через какое время будем садиться за стол, я развернулась к дому.

Рауль ждал меня неподалеку от входа.

– Чави наговорил много неприятных вещей, – начал он, преграждая мне путь. – Сгоряча. Ничего лично против тебя он не имеет. Но до сих пор не может принять и ухода Ракель, и того, что я выгнал ее, ни с кем из ребят не посоветовавшись.

– Я понимаю, Рауль, – произнесла я делано добрым голосом, хоть, чего уж скрывать, на душе у меня было скверно... Слова Чави оказались ударом под дых, и я, все еще полусогнутая, хватала ртом воздух.

– У Чави непростой характер. Такие выпады случаются, мы к ним уже привыкли. Он отходчив. Сейчас походит где-то там себе, подумает и придет просить прощения – у тебя, у меня...

– Рауль, не надо оправдываться. Я в порядке. Главное, чтобы между вами не испортились отношения. А что касается Ракель, она же ведь в прошлом...

Последнюю фразу я невольно произнесла с вопросительной интонацией, желая, чтобы Рауль лишний раз подтвердил мне, что это так. Но он, после секундной заминки, вдруг сменил тему:

– Давид просил принести пару бутылок вина. Спустишься со мной в погреб?

Я кивнула, но осадок от того, что Рауль проигнорировал мой вопрос, усугубил и без того испорченное настроение.

Мы пересекли столовую, наполненную веселым шумом. Чави в доме не оказалось, видимо, он и правда ушел остывать после спора. Рауль направился в хозяйственное помещение и открыл дверь. За ней оказалась ведущая вниз лестница.

Как в сегодняшнем сне.

Спускаясь следом за Раулем, я не могла отделаться от липкого ощущения дежавю. Я узнавала эти выщербленные ступени, этот сырой запах. И наполнялась тревогой, ведь так уже было – вещи сны, предупреждающие о нехорошем.

Лестница привела нас к узкой площадке с тяжелой дверью.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросил Рауль, придерживая передо мной открытую дверь. Я топталась на месте, не решаясь войти. Стало так страшно, будто спустилась я в подвал не в компании Рауля, а странного котенка с белыми глазами.

– Анна?

– Иду, – спохватилась я и, переборов страх, вошла.

Рауль зажег свет, и я лишь убедилась в том, что это место мне знакомо: длинный каменный туннель с арочным потолком, разделяемый на две неровные половины дверью из металлических прутьев. Ближе к нам стояли стеллажи с лежащими в ячейках бутылками, далее их сменяли ряды выставленных у стен бочек, а за дверью находилось складское помещение со сваленным в углу каким-то хламом. Я почти на сто процентов была уверена в том, что, если подойду к двери, увижу и разбитый фонарь, и валяющуюся поперек прохода кочергу.

Рауль, не заметив растерянности, с какой я оглядывалась, уже выбирал подходящее вино.

– Раньше в этом доме проживала семья винодела, – сказал он, стирая пыль с этикетки одной из бутылок и внимательно ее изучая. – Не знаю, остались ли за настоящими хозяевами дома виноградники или они отошли в казенную собственность, но вино, которое нам предлагают попробовать, фабричного изготовления, хоть и местное. Хозяева содержат этот погребок, дабы соблюсти антураж, и в качестве приятного бонуса угощают гостей вином. Вот, думаю, это нам подойдет... Давай возьмем три бутылки, не спускаться же каждый раз, когда нам захочется вина.

Я шагнула к Раулю, чтобы принять из его рук одну бутылку, но вдруг почувствовала, как мне на лицо налипла паутина, а следом за этим – как по щеке пробежал паук.

– Анна? – подскочил ко мне Рауль, напуганный моим визгом. Он успел стряхнуть паука раньше, чем тот скользнул мне за шиворот.

– Все, все, я убрал его, – прошептал Рауль, прижимая меня, полумертвую от испуга, к себе. – Вот уж не думал, что тебя так пугают пауки.

– Меня не они пугают, – пробормотала я, успокаиваясь в его объятиях.

– А что же? – серьезно спросил Рауль, отстраняясь и заглядывая мне в лицо. – У тебя в глазах такой ужас, будто тебя не паук коснулся, а монстр размером с дом.

Я тяжело вздохнула. Однажды летом я рассказала Раулю, что некоторые мои сны исполняются. И, помнится, он тогда отнесся к моим словам серьезно, не высмеял, не сказал что-нибудь пренебрежительное. Но рассказала я лишь о снах. О «приключениях» на фабрике умолчала. Знал бы он, с каким монстром мне пришлось столкнуться...

– Что тебя так напугало? – переспросил Рауль.

– Мои сбывающиеся сны, – призналась я.

Рауль присел на ближайший бочонок и усадил меня к себе на колени.

– И что ты увидела на этот раз? Опять фабрику?

– Этот подвал. И Лауру, сидевшую вот так, как мы сейчас, на бочке. Только очень странную, не похожую на себя.

– Это же сон, – сделал свои выводы Рауль. – Мало ли кого в каком виде увидишь...

– Рауль, это не просто сон. Такие видения меня посещают перед тем, как должно случиться что-то нехорошее. Так уже бывало. К тому же сегодня днем мне позвонил муж моей подруги, тот, у которого экстрасенсорные способности, и посоветовал нам покинуть дом как можно скорей.

На этот раз тяжело вздохнул Рауль.

– Ты мне не веришь? – расстроилась я.

– Нет, почему же... Верю, – ответил он, но так, будто лишь ради того, чтобы не обидеть меня.

– Я не утверждаю, что мы должны уехать, – поспешно добавила я. – Но ты спросил, что меня напугало, и я ответила.

– Тебе здесь не нравится?

– Нравится. Особенно компания. Но после приснившегося сна и слов Савелия я испытываю тревогу. И это не моя мнительность, у меня есть все основания дове...

Договорить мне не дал донесшийся сюда значительно приглушенный визг и последовавший за ним звон. Мы мгновенно вскочили на ноги и,

забыв о бутылках с вином, за которыми, собственно, и спустились в подвал, помчались в столовую.

Возле буфета с посудой стояла бледная Сара. Прижимая к груди руки, будто хотела от чего-то закрыться, она растерянно озидала осколки тарелок у своих ног. Ее уже успокаивала Моника. Но Сара словно никого не слышала. И только когда Нурия принесла веник и принялась сметать осколки, будто стряхнула с себя оцепенение и оглянулась на шкаф.

– Что случилось? – встревоженно спросил Рауль.

– Не знаю, – ответила за подругу Моника. – Что-то ее сильно напугало...

– Тарелки разбились, – удрученно пробормотала Сара, принимая из рук пришедшей с кухни Лусии стакан с водой.

– Подумаешь, разбились... – участливо проговорила Моника. – Еще остались! Пойдем на прогулку в поселок и купим новые.

– Посуда бьется к счастью, – сказала я в утешение. Но Сара, будто не услышав нас, прикрыла глаза и выдохнула:

– Ужас какой...

И вновь оглянулась на шкаф.

– Тоже паука заметила? – предположил Рауль. – Анну минут пять назад так же до визга напугал один.

– Я не боюсь пауков, – слабо улыбнулась Сара. – А вот... Впрочем, не важно. Мне показалось. Ты не видел Чави?

Рауль замаялся, но эта пауза была заметна и понятна лишь мне, после чего поспешно ответил:

– Пойду поищу его.

В этот момент входная дверь открылась, и вошли недостающие члены компании. Впереди всех торжественно нес два блюда с приготовленным мясом Давид. За ним, словно поварята, – Марк с Серхио с грязными мисками в руках. Шествие замыкал Чави.

Обед прошел в довольно приятной обстановке. Чави с Раулем перекидывались репликами так, будто и не было между ними спора и в запальчивости брошенных неприятных фраз. Один раз Чави обратился ко мне: попросил передать ему соус али-оли. И когда принимал пиалу из моих рук, вдруг дружелюбно подмигнул. Даже Лаура с Давидом не переругивались, Впрочем, Давид и не глядел в сторону сестры Рауля, все еще не в силах простить ей победу в велосипедном заезде. А Лаура трескала приготовленное Давидом мясо с аппетитом проголодавшейся рабочей бригады, будто забыв о громком заявлении готовить себе еду отдельно, дабы не питаться из рук врага. Изредка она бросала

насмешливые взгляды на Давида, занятого ухаживаниями за Нурией, шутила и болтала со всеми – с Чави и с его подругой, с застенчивым Марком. Рауль обсуждал с Серхио что-то свое музыкальное, а я расспрашивала другую «новенькую» в компании, Лусию, о ее маленьком сыне.

И тревога таяла. Как и развеивалось неприятное послевкусие, оставшееся после случайно подслушанного разговора Рауля с Чави.

А во второй половине дня вдруг чистое небо затянули тучи, хлынул дождь, и с общего согласия было решено остаться дома. Все собрались наверху, в гостиной, расположившись в креслах и на диване. Моника с Нурией принесли пиалы с орехами, семечками, чипсами, пригласив всех девушек в женский «кружок». Мы сдвинули кресла вокруг маленького столика и позвали Лауру, заинтересовавшуюся книгами на каменных полках. Но девушка с увлечением уже погрузилась в одну из них, читая прямо там, у полки, и не слышала нашего оклика. Рауль, Давид и Марк о чем-то беседовали, стоя возле старинного приемника. Чави с Серхио заняли диван в противоположном конце гостиной. Принесли гитары, они трогали струны, наполняя комнату тихим приятным звучанием. Иногда обрывали игру, переговаривались о чем-то, подбирали мелодию и продолжали музицировать. Я оглянулась на Рауля, думая, что музыка привлечет его внимание, но он был так занят разговором с Давидом, что не повернул головы, даже когда его друзья довольно громко заиграли вступление одной из его песен.

Моника рассказывала о том, что недавно увлеклась поделками из тканей и каждую среду вечером ходит в специальный кружок.

– Отвлекаюсь от скучной работы, – скривила она нос. – А то в этой адвокатской конторе высохну, заплесневею и покроюсь пылью, как забытый сухарь.

После Моника настала моя очередь рассказывать: меня засыпали вопросами о моей стране, семье, о том, нравится ли мне в Испании, хотела бы я тут остаться и не собирается ли Рауль уехать со мной в Москву. Я честно призналась, что мы с ним не говорили на эти темы, так как вместе еще очень малый срок.

Лусия пожаловалась, что ее маленький сын плохо спит по ночам. А Нурия, грустно вздохнув, ответила, что очень сочувствует ей, но сама была бы счастлива пожертвовать ночами сна ради того, чтобы в ее квартире в кровати спал сын.

– Я недавно потеряла ребенка, – призналась она, и на ее глаза навернулись слезы. – Моника знает... В конце октября. Срок был

небольшой, но какая разница... Если бы не Давид и его забота, не знаю, как бы я справилась с таким ударом, мы ведь так мечтаем о маленьком!

Сара с Лусией сочувственно заохали, а я заметила, что Лаура вдруг резко положила свою книгу на полку, оглянулась на Нурию, но тут же, будто спохватившись, отвела взгляд и вновь схватила книгу. Не ту, которую до этого читала.

– Лаура, тебе скучно? – обеспокоилась Моника. – Иди к нам!

– Нет, нет, мне не скучно! – поспешно отговорила Лаура. – Я пойду прогуляюсь по дому.

И ушла.

Увлеченные разговорами, мы не сразу обратили внимание на музыку, льющуюся снизу. Первыми прекратили свою игру Серхио с Чави и, вытянув шеи, прислушались. Потом на полуслове себя оборвала Моника:

– Это Лаура за пианино?

– Не знала, что она умеет играть, – удивилась Нурия. – Думала, с музыкой только Рауль связан.

А мне вспомнилось, что в доме родителей Лауры в одной из комнат стоит пианино. Когда я в один из дней спросила у Рауля, кто играет на нем, услышала в ответ, что инструмент давно стоит забытым. Сам Рауль окончил лишь один класс музыкальной школы и бросил занятия, а Лаура доучилась до конца, но, по словам брата, без удовольствия и уже давно не подходит к пианино. Он пробовал соблазнить сестру игрой в группе – давно, когда искали клавишника, – но девушка отказалась.

– Бедной Лауре, должно быть, действительно стало скучно, раз она решила развлечь себя игрой, – вздохнула Моника, решительно поднимаясь из кресла, с тем чтобы спуститься вниз.

Мы встали следом за Моникой. За нами, подхватив гитары, отправились и Серхио с Чави.

Лаура играла что-то грустное и красивое, играла так хорошо, так увлеченно, с душой. Я даже усомнилась в словах Рауля, что его сестра не занимается музыкой дома. Но когда мы переступили порог комнаты, Лаура резко оборвала игру и оглянулась на нас с испугом в глазах, будто застали ее за чем-то неприличным.

– Я... Решила попробовать. Звучание у пианино, кстати, хорошее. Чистое. Видимо, его недавно настраивали.

– Куда же ты? – остановил ее Чави, заметив, что девушка предприняла попытку встать со стула. – Попробуем втроем? То, что ты сейчас играла.

– Это так, – вдруг покраснела до свекольного цвета Лаура. – Просто... пришло в голову.

– Прекрасно, – продолжал вкрадчивым голосом Чави, в то время как Серхио уже накиннул ремень своей гитары на шею.

Лаура заметно колебалась, но потом, вдруг решившись, откинула за спину длинные волосы и азартно воскликнула:

– А давай!

Она наиграла мелодию одной рукой, подождала, пока молодые люди подберут мотив. Чави заиграл первым, затем вступил Серхио. И уже после них – Лаура.

Она чувствовала себя неуверенно и заметно нервничала, но постепенно, с тем, как мелодия, декорированная гитарными переборами, набирала силу, успокаивалась. Радостная улыбка тронула ее губы, ссутуленные плечи расправились, пальцы бежали по клавишам все уверенней. И если поначалу создавалось впечатление, что в этом трио ведома Лаура, то она довольно быстро взяла на себя лидерство. Теперь ее игра вела за собой Чави и Серхио. Смелые пассажи, то гармоничная «перекличка», то органичный «хор» из звучаний трех инструментов.

Когда они закончили, мы радостно захлопали и загалдели, восхищенные игрой.

– Bravo! – крикнула Моника.

– Крошка, это было неплохо, – с нарочитой снисходительностью, лениво растягивая слова, обратился к Лауре Чави. И вдруг встрепенулся: – Слушай, а на барабанах ты умеешь? Мы бы посадили тебя за установку вместо Ракель! Это же такая фишка – красotka за барабанами!

Но Лаура вопреки ожиданиям Чави холодно возразила:

– Я не умею играть на них. Но, главное, не собираюсь замещать Ракель!

– Не могу поверить: Лаура села за пианино, – раздался за нашими спинами удивленный голос. Мы разом оглянулись и увидели стоявшего на пороге Рауля. Ему пришлось ссутулиться, так как притолока была слишком низка для его роста. За спиной Рауля толпились Давид и Марк.

– Bravo, сестричка! Мне очень понравилось! А еще раз на «бис»?

– На «бис» не получится, – развернулась на стуле к брату Лаура. – Эксклюзив. Игралось лишь один раз. Если кто не услышал, я не виновата.

Рауль перешагнул порог, а за ним – и Марк с Давидом. Лаура, скользнув по ним взглядом, вдруг задорно воскликнула:

– А давай вместе!

– Оренсе, нам как раз тебя не хватало! – поддержал девушку Чави и, перебрав струны гитары, наиграл вступление одной из песен группы.

– Нет, нет, не это! – запротестовала Лаура, глядя на Рауля с улыбкой. –

А вот это...

Повернувшись к пианино, она заиграла какое-то вступление, которое показалось мне знакомым. Но, оборвав игру через несколько тактов, вновь развернулась к брату. При этом ее хитро прищуренные глаза блестели так, словно задумала Лаура проказу. Или решила спровоцировать Рауля на спор.

– Хм... – нахмурился он, но прошел к пианино.

– Ну? – продолжала вопрошать с улыбкой на губах Лаура. – Я помню ноты. А ты – слова? Мы столько раз репетировали эту песню для моего выпускного в университете, думаю, ты запомнил ее надолго.

– Надеюсь, что это так. Чави, подыграете нам?

Тот коротко кивнул и тихо сказал что-то Серхио. Рауль посмотрел на меня глазами, в светло-зеленом море которых плескались солнечные зайчики, и подмигнул.

Лаура первая тронула инструмент. Ее тонкие пальцы пробежались по клавиатуре легко и уверенно, и я опять подумала, что она каждое утро посвящает музыкальной разминке, отыгрывая гаммы и этюды.

Почему я не сразу узнала песню? Так бывает: проходишь каждый день мимо одного и того же здания и настолько привыкаешь к нему, что перестаешь обращать внимание. И только однажды, случайно споткнувшись, поднимаешь взгляд и удивляешься красоте архитектурного сооружения, возникшего перед тобой. Так было и с этой песней: если бы я услышала ее по радио, скорей всего не обратила бы внимания, она прошла бы как фон. Но когда я поняла, из чьего репертуара Лаура с Раулем надумали исполнить песню, меня захлестнула волна противоречивых чувств: восхищение их смелостью, потому что сыграть на уровне в «домашних условиях» песню с мировой славой не так просто, страх, что Лаура собьется, или Рауль, несмотря на сильный голос, не вытянет нужные ноты. Перепеть и переиграть «на уровне» «Скорпионс» мне казалось невозможным. А эти двое замахнулись не просто на какую-нибудь малоизвестную песню из их репертуара, а на хит из хитов.

Но стоило Раулю взять первую ноту, и моя душа наполнилась спокойствием: он запел так свободно, так правильно и чисто, будто эта песня писалась специально под возможности его голоса.

Я слышала, как он поет – в записи и живую, в микрофон и без технических ухищрений. И каждый раз его голос звучал одинаково сильно. Но все песни, которые я слышала в исполнении Рауля, были его – словно одежда, идеально сшитая под фигуру. Только сейчас, услышав в исполнении Рауля чужую песню, я по-настоящему поняла, насколько мощный и гибкий голос ему дан. И насколько мастерски он им владеет. Как

знать, придет день, и этот голос зазвучит не только со сцен маленьких клубов и городских площадей, но соберет стадионы за пределами страны. А пока он с легкостью просачивался сквозь толстые каменные стены, разносился по всему дому.

Очарованная выступлением Рауля, я видела сейчас не простого парня в джинсах и толстовке, с которым порой спорила, кому признавалась в любви, чьи признания слышала в ответ, которого целовала по утрам в сонные губы, которому ерошила волосы, на чьем плече засыпала, с кого стаскивала одеяло, когда замерзала. Я видела божество – бестелесное, воплотившееся в голос. Я слушала и забывала о том, что этот бог обладает грехами земного мужчины: оставляет под кроватью носки, пачкает зеркало в ванной зубной пастой, притаскивает в свежестеленную постель кота и, несмотря на то что отлично умеет готовить, предпочитает «ужинать» чипсами и кока-колой. Что ему, божеству, известны мои интимные секреты. А мне, в свою очередь, его слабости: что вареную морковь он ненавидит и страстно любит горький шоколад, что разбудить его рано утром почти так же невозможно, как тронуть рукой небо, что обожает он скорость, но не любит торопиться.

Я умирала от счастья, что это божество – рядом со мной, но воскресала от страха, сознавая, что счастье мое пока хрупкое, как стеклянная фигурка. Становилось одновременно и горько, – божество не может принадлежать только тебе, и сладко, ведь именно сейчас песня звучала исключительно для меня – я чувствовала это в интонациях, я видела это во взглядах, я читала это в улыбке.

А Рауль, видимо, думал, что мною завладели не противоречия, а воспоминания о пляжах-жемчужинах, которые он показывал мне летом, о звездной ночи, бегущей нам навстречу, об остывшем к утру песке, на котором мы встречали рассвет, о поцелуях под морозящим дождем в моем городе, об утренних сонных объятиях...

Вдруг я почувствовала, что шеи коснулось что-то неприятное, будто по коже пробежало насекомое. Меня передернуло, и я невольно дотронулась до шеи, но ничего подозрительного не обнаружила. И тут же забыла о мерзком ощущении. Настала очередь главного сюрприза: в припеве к Раулю присоединилась Лаура, их голоса вместе сплелись, слились, срослись сиамскими близнецами с одним сердцем, с одной кровеносной системой на двоих. Ошеломленная, я перевела взгляд на девушку и, видимо, на моем лице отразилось такое восхищение, смешанное с изумлением, что Рауль, кивнув на Лауру, поднял вверх большой палец.

Когда они закончили, мы по инерции еще сколько-то мгновений

сохраняли молчание. А потом дружно взорвали тишину громкими криками и аплодисментами. Это был такой сильный выплеск восторженных эмоций, что, наверное, наши крики слышали в лесу дикие птицы.

И вдруг со звоном лопнули две лампочки, освещавшие комнату, раздался чей-то испуганный вскрик, и наступила абсолютная тишина.

– Господи... – после долгой паузы пробормотала Лусия. – Как я испугалась...

– Никого осколками не задело? – обеспокоенно спросил Рауль, обводя взглядом почти темную комнату, освещенную лишь падающим в узкое окно тусклым светом дождливого дня.

– Давид, ты стоишь ближе всех к столовой? Принеси, пожалуйста, веник, надо собрать осколки! И включи в столовой свет, – попросила Моника. Но ответом ей был порыв холодного ветра, ворвавшегося в комнату, мгновенно выстудив помещение.

– Давид, кажется, вышел на улицу курить... – ответила Нурия. – Я сама сейчас принесу.

Несколькими секундами позже в столовой вспыхнул свет.

– Рауль, вы своими голосами даже лампочки бьете, – пошутила Моника.

– Это не мы, а вы – криками, – отозвался он, осторожно снимая с плеча Лауры осколок стекла.

– Холодно как... – поежилась Лусия.

– Это, видимо, Давид оставил дверь открытой! – предположила Нурия. И, увидев, что к выходу, доставая из кармана пачку сигарет, направился Чави, попросила:

– Чави, пожалуйста, прикрой за собой дверь! А то действительно так холодно, будто дом простоял открытым целую ночь.

* * *

Зло просыпается – я поняла это по сбивающей с ног волне холода, пронесшейся по коридорам. Выглянув наружу, увидела, что стены затянуты паутиной и мохнатые пауки размером с ладонь притаились в сетях в ожидании жертв. Их жертвы – не жирные мухи, кружащие над гниющими останками животных, а то доброе, что есть в душах моих гостей. Пауки выпивают их радость, любовь, нежность как кровь, вливая взамен яд недоверия и сомнений. Споры, конфликты, ссоры – вот что принесет это. Но, главное, чтобы не проснулось зло...

Встревожившись, я вышла в мир звуков и красок. И впервые со времен домашних концертов, которые давала моя матушка, услышала, как прекрасно может звучать старое пианино. Я пошла за этой чудесной мелодией и увидела молодую девушку, сидевшую за инструментом в одиночестве. Она была увлечена игрой и не заметила, как я скользнула в дальний угол за шкаф. Сев прямо на пол, я обняла руками колени и уткнулась в них подбородком. И мне вдруг вспомнилось, что в такой позе я любила слушать, как музицирует моя мать. Радость согрела меня: я почти не помнила ничего ни о себе, ни о моей прошлой жизни.

Слушая прекрасную музыку, написанную печалью, поселившейся в сердце девушки, я словно возвращалась в те дни, когда послушать мою родительницу собирались не только наша семья, но и соседи, родственники, друзья. У нее был талант – у моей матери – играть, будто рассказывать истории, грустные и счастливые, всегда удивительно правдивые, словно пережитые ею самой. С таким же талантом мама рассказывала мне, маленькой, на ночь сказки.

Задумавшись, я потеряла бдительность и не заметила, как в салон, привлеченные музыкой, спустились другие гости. Я испуганно встрепенулась, понимая, что теперь мне уже не выйти незамеченной отсюда. Остается только надеяться, что в этом углу меня не заметят. Но страх сменился приятным волнением, когда я поняла, что сейчас, рассматривая уже самих гостей, а не только их души, смогу увидеть лицо того, в чьем сердце цветет диковинный цветок. Я постараюсь узнать его по эмоциям, отпечатавшимся на лице, по глазам, полным грусти. Мелодия, звучащая не из-под пальцев девушки, а изливавшаяся из ее души, не должна оставить равнодушными. И он, в чьем сердце цветет печальная любовь, обязательно вспомнит о той, по ком тоскует душа. Его чувства отразятся в глазах, как в зеркалах.

Только бы девушка продолжала играть...

Я увидела, как к ней подошли с гитарами двое молодых людей. И история печальной любви, которую рассказывало старое пианино, в сопровождении гитар зазвучала в цвете.

Но, к сожалению, не все гости присутствовали... Беспокойство наполняло меня: другого шанса увидеть всех вместе, возможно, не представится.

Они, оставшиеся, подошли, когда пианино и гитары заканчивали прекрасную историю. Один из молодых людей приблизился к музыкантам и...

И мне больше не нужно было ловить взгляды, чтобы по ним узнать

того, в чьем сердце расцвел зачаровавший меня цветок. Голос околдовал меня так, что я без сомнений расплатилась бы вечностью моей жизни лишь за эти несколько минут возможности слушать его. Не знаю, кто этот молодой человек – маг, сеющий волшебство в души, алхимик, выводящий в сердцах формулу абсолютной любви, повелитель стихии эмоций или колдун, нотами заклинаний подчиняющий себе. Не знаю... Мне было не важно, как выглядит он, красивый ли или, напротив, лишен привлекательности. Мне не нужно было заглядывать ему в душу, чтобы узнать, есть ли на ней черные пятна – его голос снимал с нее все грехи и исповедовал наши души. Мне больше не нужно было искать тот цветок, потому что я и так поняла, в чьем сердце он расцвел.

Мой Ангел... Мой спаситель.

А зло ворочается в своей берлоге... Его будят эмоции, от которых вибрирует воздух. Такие сильные чувства радости и восхищения для него – как капли кислоты на раны. И даже пауки-пожиратели, наверное, едва справляются с выбросом радости. Я представила себе, как в комнату сползаются целые полчища гадов, привлеченные «пищей». Здесь для них уготован настоящий пир. Если бы я смотрела на комнату, в которой собрались гости, из своего мира, наверняка бы увидела, как людей опутывают сети паутин, и жирные твари ползают по ним. Мерзостная картина, как хорошо, что я не могу ее сейчас видеть. Даже меня, привыкшую к такой гадости, передернуло от отвращения. Несложно представить, как завизжали бы нежные девушки, увидев, что в то время, когда они, замороженные музыкой и голосом, с восхищением глядят на музыкантов, по ним ползают жирные твари с разбухшими сытыми брюхами.

...Но тут я случайно перехватила взгляд одного из гостей, которым он смотрел на музыкантов. И все поняла. Поняла, что ошиблась. Но разочарование сменилось радостью, когда мне стало ясно, какой отличный шанс дан мне. Я знаю, как получить цветок. Как уйти из холодного мира, покинуть прозрачные коридоры, к которым я привязана как к телу. Как спастись от зла!

Но в тот момент, когда тишина взорвалась восторженными криками, оно проснулось...

* * *

До ужина оставалось еще время, а дождь все лил, не давая выйти на

улицу. Мы опять собрались в гостиной на втором этаже. Сара, Чави, Серхио и Лусия, заняв кресла вокруг столика, с азартом играли в карты. Давид с Нурией о чем-то переговаривались в другом конце гостиной, Марк с Моникой, видимо, уединились в своей комнате. Лаура расположилась в одном из свободных кресел возле недействующего камина и читала. А мы с Раулем просто сидели, обнявшись, в углу на диване. И если бы у меня потребовали за каждую минуту, проведенную в объятиях Рауля, по году жизни, я бы отдала их все. Почему-то сейчас, как никогда, в его молчаливых, но таких говорящих объятиях, я более остро ощущала приближение того дня, когда нам придется расстаться.

– Эй, Анна?.. – обеспокоенно прошептал мне вдруг на ухо Рауль. – Все в порядке?

– Да, а что?

– Эмм... Нет, ничего, – тихо засмеялся он. И только сейчас почувствовала, что обнимаю его с такой силой, будто всерьез опасаясь, что если расцеплю руки, он исчезнет. В этом судорожном объятии Рауль безошибочно разгадал мой страх разлуки. Но не успел что-либо сказать мне, как его позвал Давид:

– Рауль! Можно тебя на минутку? У Нурии есть к тебе вопрос личного плана.

Лаура, которой, казалось, ни до кого не было дела, на секунду оторвалась от чтения и бросила на Давида такой недовольный взгляд, будто его оклик сильно ей помешал. Но тут же вновь уткнулась в книгу.

Рауль нехотя разомкнул руки, выпуская меня.

– Спустишь на кухню, сделаю кофе, – шепнула я ему. Он одобрительно кивнул и ответил, что придет ко мне чуть позже.

Когда я насыпала в горячее молоко сахар, из столовой вдруг раздался звук, похожий на дребезжание посуды в шкафу. Обеспокоившись, я вышла из кухни и направилась к буфету. Странный звук шел оттуда. Более того, я даже заметила через стеклянную дверцу, как одна из чашек, подрагивая, медленно движется к краю полки. Что это? Землетрясение?

Надо пойти предупредить остальных. И только подумала об этом, как дребезжание прекратилось, но тут же раздался резкий звон, будто на пол упало что-то тяжелое и стеклянное, из смежной со столовой комнаты – той самой, где стояло пианино. Я испуганно вздрогнула и оглянулась на приоткрытую дверь. Что могло разбиться? Помнится, кроме старого пианино, пары стульев и темного шкафа, там ничего не было. Разве что упала на пол картина, украшавшая одну из стен. Открыв дверь так, чтобы светом из столовой осветить комнату, я осторожно вошла.

Сделала несколько шагов и почувствовала приступ удушья, словно темнота, рассеянная ранее по всей комнате, обернулась вокруг меня тугим коконом, а воздух сгустился до желе. Голова закружилась, в ушах зашумело. Я хотела позвать на помощь, но смогла издать лишь тихий сип.

И вдруг так же неожиданно меня «отпустило». Почувствовав, как пути ослабли, я вздохнула полной грудью. Что это было? Приступ клаустрофобии, которой я никогда не страдала? Или страх темноты? Нащупав рукой стену и придерживаясь за нее, я тихонечко пошла вперед. Или назад? Дверь непонятным образом захлопнулась, и теперь пришлось блуждать в полной темноте. Не поддаваться панике, не поддаваться! Но как это сделать, если память угодливо подсунула похожий эпизод из недавнего прошлого, когда я, перепуганная до полусмерти, металась в помещении фабрики в поисках выхода?

Выйти, скорей выйти отсюда! Казалось, что я уже сделала не один круг по комнате, пока, наконец, не нащупала дверную ручку. Ура!

Приоткрыв дверь, услышала голос Моники:

– ...Я поговорю с Раулем, и если это правда...

– Моника, дорогая, это его дело, и вмешиваться ты не имеешь права.

– Я – подруга Рауля! И его отношения с Ракель развивались на моих глазах.

Я отдернула руку, будто под ладонью оказалась не металлическая ручка, а склизкая чешуя змеи.

– Я считала, что на этот раз уж он поставил точку в отношениях! – продолжала возмущаться девушка. И каждое ее слово впивалось в мое сердце иглами.

– Моника, он и поставил ее, – доброжелательным тоном попытался успокоить подругу Марк. До меня донесся тихий звон, будто размешивали ложкой сахар в чашке. Как долго Марк с Моникой будут пить кофе? Теперь выходить из «засады» мне было неудобно – это означало, что я услышала часть диалога.

– Рауль представил нам новую девушку, и этим дал понять, что его старым отношениям пришел конец.

– Ма-арк, он опять помирился с Ракель! Понимаешь? О-пять! За пять лет знаешь сколько раз так случалось? Они ссорились, расходились, казалось, «навсегда», а потом опять мирились. Марк, я знаю Рауля с детства, он мне как второй брат. Отличный парень! Но даже святой в конце концов устал бы от выходок Ракель. А Рауль все прощал. Что это – отсутствие гордости, слабость или такая сумасшедшая любовь у него к ней? Он увяз в отношениях с Ракель, как в паутине, они выпивали его

настроение, его счастье, а он будто и не пытался выпутываться из них. Когда я однажды спросила Рауля, почему он не порвет с Ракель раз и навсегда, он ответил что-то про группу, рабочие отношения и обязательства... Знаю я эти обязательства!

– Моника, солнце, не горячись! Это дело Рауля, разберется сам...

– Я считаю, что по отношению к Анне он поступает нехорошо. Мне она понравилась. Но, главное, Рауль после встречи с ней очень изменился. Будто проснулся! Я вижу его другим. Даже его песни звучат не так, как раньше, лучше! Я порадовалась, что наконец-то он выпутался из сетей паучихи... И вдруг мне говорят, что он поддерживает с ней связь! Не знаю, чего ему не хватает в отношениях с Анной. Экстрима?

– И все же, Моника, не вмешивайся.

– Очень трудно не вмешаться, – девушка с грохотом поставила чашку на стол и с шумом отодвинула стул. – Ладно, Марк. Не смотри на меня так! Не буду. Пойдем наверх. Здесь как-то холодно...

Я дождалась, когда Моника отнесет на кухню чашки, закончит мыть их. И только после того, как услышала скрип закрывшейся двери, ведущей на лестницу, вышла.

Сегодня «не мой» день. Явно не мой. День, когда я дважды подслушиваю разговоры, расстреливающие мою любовь пулями сомнений, отравляющие сердце ядом ревности. Не взглянув в сторону кухни, где остались чашки с остывающим кофе, я открыла входную дверь и вышла на улицу.

Дождь закончился, но влажный ветер, приняв меня в объятия, залез с похотливыми ласками под свитер, выстудил грубую ткань джинсов. Я поежилась, сунула руки под мышки, попрыгала на месте и в неуверенности оглянулась на дверь. Вернуться? Встретиться с Раулем и его друзьями? Хотелось одиночества – горького, как полынь, расцарапывающего сердце кошачьими когтями, отправляющего позитивные мысли в нокаут одним ударом, наполняющего душу щемящей тоской. Я села на намокшие под дождем качели, обхватила руками холодные цепи и запрокинула лицо к черному полотну неба.

Раскачиваясь, я думала о том, что опять ошибочно поверила в вечность любви, хоть и знала, какой бы гранитной она ни казалась изначально, может настать день, когда один поступок или слово сотрут ее в пыль.

Так уже было.

Мне стали понятны и просьба Чави вернуть в группу Ракель, и проигнорированный Раулем мой вопрос.

Опять ложь. Она разрушила мой брак. Из-за нее я чуть не потеряла

Рауля. Из-за нее теряла его вновь.

А был ли он когда моим?.. Несколько летних дней, что мы провели вместе... Неделя, которую Рауль прогостил у меня в Москве. Десять дней моих в Испании... Да ежедневные разговоры по скайпу... Вот и весь «багаж»! Не тянет даже на чемодан, так, на дамскую сумочку...

Какое будущее может быть у отношений на расстоянии? Самолеты-аэропорты, время, ускользающее сквозь пальцы песком, горячие встречи, неловкие улыбки сквозь слезы при прощании. Я люблю и возненавижу аэропорты, они станут моими спасителями и мучителями одновременно. Каждый раз при расставании мы будем оставлять там частички своих сердец – до тех пор, пока не изорвем их на лоскуты. Как долго мы так протянем?

Он первый начнет забывать меня. Его музыкальная карьера пойдет в гору, количество влюбленных девушек, истерично исписывающих виртуальную стену в его блоге признаниями, будет расти. Восторги поклонниц прольются на его сердце, изодранное разлуками со мной, живой водой. Тогда как мое они будут разъедать, оставляя незаживающие раны. Даже если бы не Ракель, даже если бы не ложь, сможем ли мы выдержать испытание километрами, краткостью встреч, бременем славы, которая рано или поздно придет к Раулю? Он еще не стал «звездой», но его блог уже ломится от восторженных восклицаний девушек. Что же будет, когда популярность группы Рауля наберет обороты? Смогу ли я равнодушно смотреть на нарезающих хищные круги вокруг моего любимого человека фанаток? Не поддастся ли Рауль новым соблазнам? Как знать...

Атака сомнений. Они, словно охотники, долго выслеживали жертву, сидели в засаде, и вот, увидев, что я неосторожно поранилась о чужие слова, набросились на меня с топорами и кольями. Рвали, били, резали, кололи. Сомнения...

Я уносились выше и выше в небо. И все стремительней и стремительней летела вниз. Тело превращалось в невесомую птицу, сердце тяжелело, напиваясь ядом сомнений.

Не знаю, сколько времени я так раскачивалась, не замечая холода. Но когда наконец-то остановилась и собралась вернуться в тепло, на пороге дома показался Рауль.

– Что ты здесь делаешь? – удивленно спросил он, замирая в желтом пятне света, падавшем из освещенного коридора.

Сердце при виде Рауля сжалось, как ожидающий удара бездомный пес. Красивый, талантливый... Он не будет принадлежать ни мне, ни себе, он отдастся успеху, толпам поклонниц, концертным графикам. А мне хотелось

семьи – обычной семьи с воскресными прогулками по парку, со вкусными ужинами и любимыми фильмами, которые бы мы смотрели вместе, укрывшись одним пледом. Мне хотелось общего прошлого, совместного настоящего и одних на двоих планов на будущее. Мне хотелось забыть о разлуках, холодной постели, которую согревают лишь мои воспоминания, хотелось присутствия любимого постоянно, ежедневно, ежечасно. И не виртуального, воплотившегося в голос по телефону или переписку через Интернет, а реального. Никакие письма и звонки не заменят одного объятия.

– Анна? – окликнул Рауль. Я открыла рот, чтобы ответить ему что-нибудь беззаботное, но не смогла произнести ни звука, понимая, что, если что-то скажу, заплачу.

Рауль молча спустился с крыльца и присел на другие качели.

– Что-то случилось?

Я покачала головой.

– Тогда пошли в дом, пока ты окончательно не замерзла и не заболела.

И я опять покачала головой, не в силах даже попросить его уйти.

– Тебя так расстроили слова Чави? – продолжал допытываться Рауль.

– Нет, – выдавила я.

– Тогда в чем дело? – голос его посуровел. Повернув к Раулю голову, я увидела, что он поежился от холода, но продолжал, как и я, сидеть на мокрых качелях рядом со мной.

– Я не вижу будущего у наших отношений, – без всякого перехода брякнула я, отворачиваясь.

– О чем ты? – отрывисто спросил он. – Ты... меня не любишь?

– Рауль, дело не в том, люблю ли тебя я, – горько усмехнулась я. – Дело в том, любишь ли меня ты. Или все еще продолжаешь испытывать прежние чувства к своей бывшей девушке.

– Не понимаю, Анна!

– Прекрасно понимаешь! Ты ведь помирился с Ракель?

Затянувшаяся пауза дала мне куда более красноречивый ответ, чем слова.

– Кто тебе сказал?

Еще один гол, который он забил в свои ворота. Эх, Рауль, Рауль... Ты талантливый музыкант, но футболист – никудышный. Не в первый раз так лажаешься.

– Не важно. Ты так и не ответил – правда или нет? Впрочем, уже понятно, что правда. Рауль, мы с тобой договаривались не обманывать друг друга. Ложь мне стоила брака, а тебе чуть не стоила жизни. Она едва не

разрушила наши отношения...

– Не ложь, а недоверие! – резко ответил он.

– Хорошо, недоверие! Но как я могу тебе верить? Не столько горько от того, что ты помирился с Ракель, сколько от того, что пытался скрыть это от меня. Знаешь, очень неприятно слышать, как за моей спиной твои друзья шепчутся об этом и жалеют меня. Если они, твои друзья, не верят, что ты не вернулся к Ракель, то как могу поверить тебе я?

– Я объясню тебе...

– Не надо, Рауль. Сейчас точно уже не надо. Я тебя спросила об этом раньше, а ты ушел от ответа. Сбежал! Так, будто тебе и в самом деле было что скрывать. Лучше бы я узнала об этом от тебя, чем от других, – с горечью обронила я.

Он молчал, глядя перед собой на землю.

– Ты говоришь, что не хочешь недомолвок между нами? Так буду откровенна с тобой! Не знаю, Рауль, станем ли мы двигаться вперед или предпочтем топтаться на месте, пока совсем не истопчем наши отношения. Не только в Ракель дело. Расстояния, разные страны, традиции. Наши жизни – твоя тут и моя – там... Не знаю, Рауль, сможем ли мы преодолеть все препятствия. И... нужно ли нам это.

Последнюю фразу я произнесла неуверенно и еле слышно, глядя не в лицо Раулю, а, как и он совсем недавно, рассматривая перед собой сливающуюся с темнотой землю.

Рауль, храня тяжелое молчание, принялся, как и я, раскачиваться. И чем выше взлетали его качели, тем стремительней я падала в бездну отчаяния.

Со стороны мы выглядели впавшей в детство парой. Оба раскачивались с такой силой, с таким упорством и бесстрашием, словно затеяли соревнования, кто выше взлетит. Только не раздавалось заливистого смеха, тишину нарушало лишь поскрипывание деревянных сидений и лязг металлических цепей. В какой-то момент Рауль повернул ко мне лицо, и мне показалось, что он сейчас крикнет: «Осторожно, Анна» и сбавит скорость, сдаваясь ради того, чтобы остановилась и я. Но наши взгляды лишь скрестились, как шпаги дуэлянтов. Он промолчал и подался корпусом вперед, раскачивая качели еще сильнее. Тогда захотелось закричать мне – что угодно, лишь бы оборвать это странное и опасное соревнование. Но, как и Рауль, я промолчала. В этот момент, казалось, мы оба принимали важные решения, только вот совпадут они или нет?

Когда Рауль резко остановил качели и развернулся ко мне, чтобы что-то сказать, дверь дома открылась, и на пороге показалась Моника.

– Рауль, ты здесь? – голос ее прозвучал встревоженно. – Ты нам нужен!
– Что случилось? – нехотя откликнулся он.
– Там... Лаура с Давидом так ссорятся, что...
– Из-за чего? – спросил Рауль, не предпринимая попытки встать.
– Не знаю, но думаю, что случилось что-то серьезное. Я увидела, как Нурия в слезах убежала в свою комнату. А Давид, похоже, готов убить Лауру, так он взбешен.

– Иду! Анна?.. – оглянулся Рауль.

– Рауль, мне хочется побыть одной...

Он замешкался, терзаемый сомнениями.

– Рауль?.. – позвала его Моника.

– Иду, иду, – раздраженно отозвался он, поднимаясь. – Анна, пойдем в дом. Тут слишком холодно. Даже для таких горячих решений, которые ты принимаешь, не выслушав меня.

– Что-то случилось? – встревожилась девушка уже из-за нас.

– Нет, Моника, – поспешно отозвалась я нарочито беззаботным тоном. – Мы говорили... о наследстве. Иди, Рауль. За меня не беспокойся. Пойду на кухню выпить кофе.

– Не сиди здесь, на холоде. Не хватало еще, чтобы ты заболела, – проворчал он.

– Обещаю, что не задержусь.

Рауль ушел, а я подождала немного и тоже вошла в дом. Увидев на кухне забытые мною чашки с кофе, поставила одну в микроволновку.

С горячим напитком согревалось не только замерзшее тело, но и будто оттаивало сердце. Кое-как удалось успокоиться и остановить сумасшедший хоровод мыслей. Я допила кофе, вымыла чашку и убрала ее в шкаф. Теперь, согревшись теплом старика-дома, я поразмыслила и поняла: нужно было дать высказаться Раулю, а не позволять сомнениям сделать меня такой категоричной.

Мои раздумья оборвали громкие голоса, донесшиеся сверху. Кто-то истерично выкрикнул: «Оставь меня в покое!» Встревожившись, я направилась к лестнице, но не поднялась и до первого пролета, когда меня чуть не сбила с ног летевшая навстречу Лаура. Я вжалась в стену, чтобы пропустить ее на узкой лестнице, на которой двум людям разминуться было почти нереально. И уже когда девушка сбегала вниз, запоздало спросила:

– Лаура! Что случилось?

Но она проигнорировала мой оклик.

– Лаура! – раздался рассерженный голос Рауля.

– Оставь меня в покое! – закричала снизу Лаура.

– Рауль, что случилось? – Я не посторонилась, пропуская его, а, напротив, встала у него на пути.

– Истеричка! – процедил он и крикнул через мою голову:

– Не показывайся мне на глаза, пока не успокоишься! А еще лучше до тех пор, пока не научишься нормально разговаривать с людьми!

– Да что у вас там произошло?! – обеспокоенно воскликнула я, не веря в то, что Рауль и Лаура поссорились. Я хоть и знала их обоих не так уж много времени, но и этого хватило, чтобы увидеть, какие между ними теплые и близкие отношения.

Рауль вместо ответа бросил на меня такой взгляд, что я пожалела не только о том, что задала ему вопрос, но и что вообще оказалась у него на пути. Ничего не ответив, он развернулся и пошел наверх. Я растерялась, не зная, идти за Раулем или за Лаурой. Осознав, что девушка сгоряча сядет в машину и уедет, встревожилась за нее.

– Рауль, я пойду к Лауре.

– Иди, – буркнул он, не оглянувшись. – Когда найдешь ее, передай, что я не буду с ней разговаривать до тех пор, пока она не извинится перед Давидом и Нурией. А не захочет извиняться, пусть отправляется домой!

– Да что же она такое сделала?! Спросила у Давида, не он ли сыграл в «Шреке» главную роль?

Увы, моя попытка шуткой разрядить обстановку не увенчалась успехом. Рауль, уже собираясь скрыться за дверью в гостиной, обернулся:

– Воткнула в большое место нож и еще поковыряла им в ране. Вот что она сделала!

– Рауль, я пойду к ней. Мало ли... Может быть, она уже садится в машину...

– Вряд ли.

За его спиной закрылась дверь, и я опять осталась в одиночестве. Отдых явно шел не так, как хотелось.

Лауры не оказалось ни в столовой, ни на кухне, ни в той темной комнате с пианино, куда я не без робости вошла. Выскочив на улицу, не обращая внимания на стучавшие по плечам и затылку ледяные капли дождя, я добежала до стоянки и с облегчением увидела «Пежо» Лауры.

Тогда где же она может быть?

Оставалось лишь одно место. Самое уединенное в этом доме. Но только от одного воспоминания о привидевшемся сне кожа покрылась мурашками. Невольно перед глазами встала картинка с ползающими по лицу Лауры жирными пауками и белые, незрячие глаза девушки. Я малодушно подумала, не позвать ли Рауля, чтобы вместе с ним спуститься

в винный погреб.

– Не глупи, Анна, – пробормотала я себе под нос, открывая тяжелую дверь, за которой скрывалась узкая лестница, ведущая в винный погреб. – Это лишь сон.

Увы, *такие сны* лишь снами не бывают. У меня, по крайней мере. Как бы мне ни хотелось избавиться от ассоциаций, но, спускаясь по выщербленным ступеням и вдыхая запах сырости, я вспоминала цеха мертвой фабрики, где побывала вначале в снах, а потом – наяву. И только усилием воли заставляла себя идти вперед. «Лаура – взрослая девушка! Ей захотелось побыть одной после ссоры с братом. Остынет и вернется, – нашептывали то ли здравый смысл, то ли трусость. – Ничего с ней не случится!». И именно после этой фразы вспомнилось, что незадолго до того, как Рауль разбился на мотоцикле, я увидела нехороший сон с ним. Это воспоминание, усилившее мою тревогу, придало мне храбрости. Я уверенно открыла дверь и вошла в винный погреб.

– Лаура, ты здесь?

Подвал был погружен в темноту, и я пошарила ладонью по влажной стене в поисках выключателя. Но еще раньше, чем помещение озарилось светом, услышала рыдания.

– Лаура!

Она сидела, как и во сне, на одной из бочек. Вновь подступило ощущение ночного кошмара. Сейчас Лаура поднимет лицо, и я увижу расползающихся по нему жирных пауков и белые страшные глаза.

Какая глупость! Трусиха, трусиха, трусиха!

Я присела перед девушкой на корточки и тронула ее за колено:

– Лаура, не знаю, чего тебе наговорил Рауль, но сделал он это сгоряча, а не потому, что хотел обидеть тебя.

– Эт... Эт... Это не он... – ответила, заикаясь от слез, Лаура и убрала дрожащей рукой налипшее на мокрое лицо прядь.

– Тебя обидел Давид?

Она, отрицая, помотала головой.

– Хочешь, я принесу тебе воды?

Лаура отказалась, и вдруг, вцепившись мне в руку пальцами, прошептала:

– Я хочу отсюда уехать!

Какое совпадение. Я тоже. Может, нам и правда уехать отсюда? «Пока не поздно», – прибавила я мысленно, кстати или некстати вспоминая предупреждения Савелия. Да что такое происходит? Почему ощущение приближающейся беды не покидает меня? Во сне ли дело? В испорченном

размолвкой с Раулем настроении?..

– Хорошо, давай уедем, – как можно спокойней сказала я. Лаура с удивлением посмотрела на меня, обескураженная тем, что я поддержала ее в желании уехать. Она даже перестала плакать.

– Что-то случилось?

– Нет, – после некоторой заминки ответила я. Похоже, Лаура не поверила, потому что подняла, совсем как Рауль, одну бровь. Но спрашивать не стала, угадав, что мне сейчас не хочется говорить на эту тему.

– Мне здесь и правда делать нечего. Зачем я согласилась поехать? Рауль сказал, что жалеет, что пригласил меня, – сказала она, и ее глаза опять наполнились слезами. – И он прав.

– Лаура, он сказал это в сердцах.

«После ссоры со мной», – добавила я мысленно, чувствуя себя в некоторой степени виноватой в том, что Рауль сорвался на сестру.

– Он прав. Ты не знаешь... Я наговорила много чего плохого Давиду, а потом – брату. Но вначале – Нурии.

– Судя по тому, что за Раулем прибежала Моника, у вас там случилось что-то из рук вон выходящее.

Лаура шумно вздохнула.

– У меня как-то сами собой вырвались те ужасные слова... Я не настолько плохая, чтобы специально причинить боль другому, но тут будто что-то толкало меня, и я говорила и говорила плохие и злые вещи и не могла остановиться. Днем Нурия рассказала вам, что потеряла ребенка. Позже, услышав, как она с Лусией вновь разговаривает о детях, влезла в их разговор с репликой, ранившей Нурию. Конечно, Давид не мог не вступить за свою девушку. А нам с ним многого не надо, достаточно только оказаться рядом, чтобы напасть друг на друга. Но на этот раз мы превзошли самих себя – кричали, оскорбляли, старались уязвить друг друга как можно сильнее.

Лаура замолчала и опустила голову, будто стыдясь посмотреть мне в глаза. Волосы опять упали ей на лицо, и она небрежно откинула их назад.

– Мы всю жизнь не ладим с Давидом, – продолжила Лаура. – Он страшный, заносчивый, противный, грубый, пошлый! Думаешь, мне доставляет удовольствие цепляться к нему? Но если я промолчу, он оскорбит меня первым. С ним рядом я постоянно нахожусь в ожидании, что он скажет какую-нибудь гадость, задерет, как в детстве, мне юбку и продемонстрирует всем мое белье. Пусть даже в переносном смысле, но от этого я испытываю не меньший стыд...

Я вспомнила утренний спор Лауры и Давида и его ехидное замечание насчет трусиков девушки.

– Именно Давиду я «обязана» тем, что не ношу платьев, а отдаю предпочтение надежным джинсам... – грустно усмехнулась она.

На фоне гротескно огромных теней, которые отбрасывали на каменные стены наши фигуры, Лаура казалась такой маленькой, худенькой, слабой, что я, присев рядом с ней на другой бочонок, обняла ее за плечи и привлекла к себе. Лаура доверчиво прильнула ко мне и вдруг засмеялась.

– У Давида в детстве были такие дурацкие штаны – мешковатые, клетчатые. Как у клоуна. Страшно меня бесили. И сейчас он представился мне уже таким, какой есть, в тех нелепых штанах, – пояснила она причину своего неожиданного веселья. – Смешно! Как жаль, что я не могу передать тебе словами, как это смешно...

Она отстранилась от меня и села ровно. Собрав длинные волосы руками, подняла их наверх и закрутила в узел, скрепив вытасченной из кармана шпилькой. Часть прядей выбилась из «пучка» и вновь упала Лауре на лицо, но она ограничилась тем, что убрала их за уши.

– Когда я была маленькой, мама отправляла меня гулять вместе с Раулем. И если брат еще как-то смирялся с моим обществом, то Давид был против и всячески старался отделаться от меня. Ему хотелось мальчишеских проказ и общества только друга, такого же сорванца, как и он, а тут я – с дурацкими бантиками, с куклой под мышкой, в короткой юбчонке с нелепыми оборками. Куда с такими оборками и бантиками? Через забор не перелезешь... Рауль хоть и заступался за меня, но ссориться с лучшим другом не желал. Ему тоже хотелось хулиганить с мальчишками, а не следить за младшей сестрой. Впрочем, я старалась не отставать от пацанов – в силу своих возможностей. Только не всегда у меня все получалось. На дерево я залезала, а снимали меня оттуда всем миром. В канаву спускалась, а вылезала обратно грязная как черт. Влетало за испорченное платье не столько мне, сколько Раулю – за то, что недоглядел. А однажды эти два болвана «забыли» меня на старой фабрике. Забрались туда в компании других мальчишек, а я увязалась за ними. И там меня «потеряли». Хотели просто попугать: скрыться в другом цеху, а потом, когда я обрелась от страха, вернуться за мной. Это был план Давида. Но я тоже была бедовой девчонкой и, дабы проказа вышла Давиду боком, убежала в другой цех. А потом – еще в один. И в итоге заблудилась уже по-настоящему. Разыскивали меня всем поселком. Нашли. И совсем не зареванную, – улыбнулась Лаура, вспомнив о своей маленькой победе.

– Раулю от родителей досталось так, что, наверное, до сих пор помнит.

Давида тоже наказали. А я в тот день поняла, что сражаться с врагом надо его же методами. Вот так мы и воюем всю жизнь. Впрочем, с тех пор как Рауль стал жить отдельно, с Давидом я вижу очень редко, но при встрече никогда не можем удержаться от колкостей. От брата я слышала, что Давид два года назад снял квартиру и живет вместе с девушкой, работает в крупном ресторане и мечтает открыть свой. Это все, что я о нем знаю, и не потому, что Рауль не рассказывает о друге, а потому, что новости о нем мне не интересны.

Лаура вновь сделала паузу, задумчиво глядя на сложенные на коленях руки. Я не торопила ее, чувствуя, что она еще не закончила, и ей нужно собраться с духом, чтобы рассказать о своих тревогах. Мне подумалось, что Лауре хочется избавиться от чего-то тяжелого, давно поселившегося в ее душе. И сейчас она решилась на откровенность не потому, что так доверяла мне, а потому что больше не в силах выдерживать этот груз. Ей, похоже, не важно было, кому рассказывать – мне ли, Монике, Чави, Саре или пустому бочонку, главное, чтобы слушали, не перебивая.

– Я никогда не сталкивалась с серьезными сложностями. Жизнь шла легко и по плану. Окончила университет, тот факультет, который хотела. Мне нравится туризм! Затем на год уехала в Англию. Вернулась, устроилась в туристическое агентство. В личной жизни все тоже складывалось хорошо: еще с университета встречалась с молодым человеком, который мне очень нравился. Подруги, друзья... В общем, счастливая и беззаботная жизнь, грех жаловаться. И так продолжалось до августа.

Накануне того четверга мы с Раулем проводили родителей в аэропорт: они улетали на Майорку в отпуск. Оставшись одна дома, я решила устроить в выходные вечеринку. Как раз обдумывала ее организацию, когда мне позвонили с незнакомого номера. Это был полицейский. Он спросил, кем мне приходится Рауль Орнсе Морено. И когда я ответила, мне сообщили, что брат пострадал в аварии.

Не помню, как выбежала из дома, очнувшись уже в машине. В руке все еще сжимала телефон. Нужно было срочно вызвать родителей из отпуска. Но я медлила со звонком, не зная, как сообщить им о несчастье. Набрала номер своего молодого человека, надеясь, что он сопроводит меня в госпиталь, но Даниэль почему-то не ответил. Тогда я стала пролистывать телефонную книжку, чтобы попросить кого-нибудь из друзей поехать со мной. И вдруг наткнулась на телефон Давида. Не помню, чтобы я его записывала, но в тот момент мне было не до того, чтобы ломать голову, гадая, как в моем телефоне оказался номер «врага». Я просто подумала, что

Давиду тоже нужно сообщить.

Трубку он взял быстро, выслушал меня и, попросив успокоиться, сказал, что будет через десять минут. По счастливой случайности, Давид находился в том же поселке.

Он прибежал быстрее, чем я ожидала. Постучал в окно, и, когда я открыла дверь со стороны пассажирского сиденья, сел в машину. Мне пришлось признаться, что не знаю, где находится госпиталь. Это был не тот, где работает Рауль, другой. Я приготовилась к тому, что Давид в ответ скажет что-то неприятное, но он молча вытащил свой телефон и нашел адрес через Интернет и посоветовал: «Надо тебе навигатор купить». Осмелев, я созналась еще и в том, что боюсь сказать родителям о Рауле. В тот момент я забыла о неприязни к Давиду. Рядом со мной сидел мужчина – взрослый, уверенный, знающий, что делать в ситуации, в которой я растерялась, как ребенок. И он опять не сказал ничего колкого, лишь попросил дать номер моего отца, поняв, что разговаривать лучше с ним.

Пока Давид общался с моим папой, я безуспешно пыталась завести двигатель. Что-то делала не так, машина фырчала и глохла, а я в отчаянии ругалась, нервничала, краснела. Давид, разговаривая по телефону, бросил на меня пару красноречивых взглядов, явно намекающих на мои «способности». Подумалось, что, закончив разговор, обязательно отпустит едкое замечание. Но он только попросил уступить ему место за рулем.

Какая-то насмешка судьбы: меньше всего я ожидала получить помощь от человека, которого с раннего детства считала врагом. Но так оно и было. Не знаю, что бы я делала без Давида в тот день. Такая серьезная ситуация случилась впервые. Наша семья существовала благополучно: без крупных кризисов, серьезных болезней, смертей близких. Я оказалась не готовой к подобным испытаниям, и не удивительно, что так растерялась. Давид же, в отличие от меня, находившейся на грани истерики, казался спокойным. В госпитале он быстро сориентировался в коридорах, куда-то сходил, все выяснил. Сообщил, что у Рауля, помимо ушибов и ран, несколько переломов, но, главное, его жизнь вне опасности.

Тот день казался мне резиновым, думалось, что он никогда не закончится. Проходили часы, а на самом деле – минуты. Будто некто специально решил поиздеваться над нами, растягивая мучения и ожидания, словно жевательную резинку, тогда как мне хотелось слепить из нее комок и швырнуть его в мусорное ведро. Наконец нам разрешили увидеть Рауля.

Он лежал на кушетке, укрытый до плеч простыней, такой бледный, словно его кожа никогда не видела солнца. Говорить ему было трудно, он лишь спросил, позвонили ли мы родителям, и попросил меня не

переживать. Зашла женщина в медицинской форме, и нас опять попросили подождать в коридоре.

И опять мы ждали, бесконечно долго, – пока Раулю окажут нужную помощь, пока решат все формальности... В какой-то момент я расплакалась, и в это время позвонила мама. Давид не позволил мне ответить на звонок, сказав, что рыданиями я не успокою родителей, а лишь еще больше их напугаю. Забрал у меня мобильный и, отойдя в сторонку, ответил сам. Он разговаривал с моей мамой – ласково, будто с ребенком, с уговаривающими и успокаивающими интонациями. Никогда не слышала, чтобы Давид так говорил. Привыкла слышать от него лишь колкости... Мобильный он вернул с комментариями, что родители купили билеты, но самолет прибывает утром. Сказал, что встретит их. После чего обнял меня и вытер, как маленькой, слезы. Это был единственный раз, когда я почувствовала себя рядом с Давидом слабой девчонкой. Давид, все так же обнимая меня, отвел в буфет, усадил за стол, поставив передо мной чашку с кофе и тарелку с бутербродом. Я отказалась от еды, но Давид заявил, что Раулю сегодня как никогда нужна моя помощь, и если я буду тратить силы на слезы, объявлять голодовку, то вряд ли смогу быть полезной. Признав его правоту, я неожиданно съела все, что он мне принес.

С Раулем разрешили остаться на ночь только одному человеку. И вечером Давид ушел, пообещав, что встретит моих родителей в аэропорту. Рауль, накачанный медикаментами, уснул. Я, убедившись, что он крепко спит, решила ненадолго выйти из палаты, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Уже темнело, ужасный день наконец-то закончился, но впереди ожидала не менее тяжелая ночь. И следующий день... И много других, не менее сложных. Я подумала о родителях – они с ума сходят от переживаний, не имея возможности прилететь так быстро, как бы им хотелось. О том, что Раулю еще предстоят операции... Я опять чуть не расплакалась. И тут меня окликнули по имени. Оглянувшись, я с удивлением увидела направляющегося ко мне Давида, я думала, что он уехал. «Где ты был?» – «Тут», – просто ответил он, закуривая. Заметив, как у него дрожат руки, я поняла, что перенервничал он в тот день не меньше моего. Мы вернулись в госпиталь вместе: я – в палату, а Давид – в зал ожидания, где он, оказывается, и находился все это время.

Я просидела с Раулем всю ночь, но думала не столько о нем, сколько о Давиде. Ощущение, что он тоже тут, рядом, и я в любой момент могу позвать его, наполняло меня спокойствием и какой-то странной радостью. Давид заходил раз в час, спрашивал, как мы, и предлагал отдохнуть. Это была странная ночь... Впервые в жизни мы с Давидом разговаривали

нормально, как взрослые люди.

Лаура опять прервала рассказ и, вытянув шею, будто прислушиваясь к чему-то, замерла. Я же не уловила никаких звуков.

– Показалось, – вздохнула она. – Подумала, что кто-то спускается сюда.

И вдруг, обведя взглядом каменные стены, спросила совсем не то, что я ожидала:

– Тебе не кажется, что атмосфера в этом погребе... магнетическая? Мне отсюда не хочется уходить. И не потому, что я желаю спрятаться от всех. Что-то есть тут такое... особенное. В воздухе, в эхе, в молчании стен... На уровне ощущений.

– Мне подвал уютным не кажется, напротив, мне тут холодно и страшно, – с улыбкой призналась я.

– Страшно? – удивилась Лаура. – Почему?

Не рассказывать же тебе о моем сне... Я пожала плечами:

– Это опять же, как ты заметила, на уровне ощущений. Тебе тут нравится, мне – нет. Тут... водятся пауки.

– Боишься их?

– Да, – соврала я, чтобы закрыть тему.

– Хочешь уйти?

– Нет, – опять же солгала я. Покинуть это место мне хотелось еще до того, как я в него спустилась. Но если мы уйдем, Лаура больше не вернется к прерванному разговору.

– Ну, если так... – с каким-то обречением вздохнула она. Видимо, ее рассказ подошел как раз к самому откровенному моменту. И она засомневалась, стоит ли говорить все.

– Рауль лежал в больнице, – продолжила она после паузы. – Я навещала его ежедневно, даже когда он пошел на поправку. У нас с братом и раньше были довольно теплые отношения, но в тот период мы стали еще ближе. Правда, я так и не решилась заговорить с ним о том, что меня волновало. В моей душе происходило странное. Я никак не могла принять своего заклятого врага совсем не таким, каким его знала. Мне все казалось, что это был другой человек, не Давид. И я... не переставала думать о том, другом. Мужчине. Надежном, которому бы доверила даже свою жизнь – не меньше. Мне хотелось узнать того, другого. Познакомиться с ним заново. Расспросить о нем все, вплоть до мелочей. Я без конца вспоминала день, когда Давид не оставил меня одну, в душе мучаясь от стыда перед братом, потому что для Рауля тот день отнюдь не был счастливым. Но каждый раз уходила спать в объятиях своих воспоминаний и фантазий. Утром я

напоминала себе, что надуманный «принц» – это мой враг Давид, страшный, заносчивый, вредный, неприятный. Тот самый Давид в нелепых штанах, который прилюдно задирает мне юбку, чтобы унижить, который оставил меня на заброшенной фабрике. Но... уже за завтраком опять начинала мечтать о том, как приеду к Раулю, застану у него Давида и... Что будет после этого «и», я не знала. Потому что, приезжая в госпиталь, и правда частенько встречала у брата Давида. Но мы просто вежливо здоровались и все. Ни друзьями, ни врагами мы уже не были.

Когда мы оставались с Раулем вдвоем, мне хотелось расспросить его о друге. Но я так и не осмелилась. Всегда в последний момент меняла решение и спрашивала Рауля о тебе. Брат поведал мне о тех нескольких днях, что вы провели вместе. Каждый раз, вновь рассказывая мне об этом, он добавлял какие-то детали, «упущенные» в предыдущий раз. Не знаю, выдумывал ли Рауль или на самом деле вспоминал что-то новое... Я знала уже вашу короткую историю едва ли не подробней, чем он сам, – тихо засмеялась Лаура. – Но не перебивала брата, если он сам заговаривал о тебе, потому что эти воспоминания отвлекали его от однообразных дней, боли, грусти. Как-то Рауль спросил, что я могу рассказать ему о России, в частности о Москве. И на следующий день я, хоть и была в отпуске, заехала в агентство и набрала всевозможных справочников, путеводителей, рекламных буклетов. Рауль увлекся темой России не на шутку. Следом я привезла ему книгу истории твоей страны и учебник русского языка. А потом он познакомился в госпитале с одной женщиной из персонала, русской, и больше не отставал от нее с расспросами. Еще тогда Рауль решил, что, как только встанет на ноги, поедет в Москву. Не знаю, верил ли он сам в возможность отыскать человека из другой страны, зная только его имя. Мне же это казалось невероятным. Но, как я уже сказала, мечты и воспоминания поднимали Раулю настроение, а то, что он с таким интересом читал книги о России, пытался освоить язык, скрашивало его пребывание в больнице.

В один из дней я пришла, как обычно, к Раулю и увидела, что у него уже сидит Давид. До моего прихода они что-то обсуждали, но когда я вошла, разом замолчали, будто речь шла обо мне. «Эй, красотка, хватит тут киснуть, – бодро сказал Давид, вставая. – Это Рауль вынужден проводить отпуск в постели, а у тебя, слава богу, с руками и ногами все в порядке, так что не стоит добровольно замуровывать себя в больничной палате». Рауль добавил, что будет только рад, если я развлекусь. «Едем!» – скомандовал Давид. «Куда?» – изумилась я. «Вначале к тебе домой – за купальником. А там видно будет». Я растерянно оглянулась на брата, но он без слов только

помахал мне рукой, мол, иди-иди.

Он привез меня на один из ближайших пляжей, но отличающийся от других безлюдностью и красотой. Это маленькая бухта в рыбацкой деревушке, куда не приезжают туристы и где отдыхают только местные жители. Мне сразу вспомнились рассказы Рауля о том, как он возил тебя по пляжам, и из-за этой ассоциации меня захлестывали эмоции. И радость, и странное волнение, и предвкушение чего-то неизведанного, нового. Я виделась себе маленькой девочкой, стоящей у прикрытой двери, когда украшают к Рождеству елку. Возбуждение и любопытство одолевали меня. Но одновременно я испытывала и страх. А что, если?.. А что, если между нами с Давидом начнутся другие отношения? Возможно ли? И... хочу ли я их? Когда я задала себе этот вопрос, поняла, что, видимо, не готова изменить наши отношения. Нет, нет, Давид – это мой старый враг. Какая любовь может быть с врагом? Счастье, что мы хоть на тот период, пока был болен Рауль, заключили перемирие. К тому же у нас обоих была личная жизнь. Я тогда еще не рассталась с Даниэлем, хоть и виделась с ним уже довольно редко.

И все же, все же так говорил мой разум. А глупое сердце трепетало, как пойманная в ладони бабочка. Глядя на раздевающегося Давида, я со злорадством подумала, что сейчас настанет конец всем моим вечерним фантазиям, потому что считала Давида толстым, и приготовилась увидеть живот и жировые валики. Я и хотела увидеть такую неприглядную картину, чтобы поставить крест на своих мечтах! Но у Давида оказалось крепкое и упругое тело. Сплошные мышцы, никакого жира!

...Даже в тусклом свете стало видно, как покрылись румянцем щеки Лауры. И, дабы отвлечь внимание от своего явного смущения, она хихикнула:

– Давид тоже не оставил мою фигуру без внимания. Только комментарий я получила отнюдь не лестный. «Какая же ты тощая! Тебя откармливать надо!» – вот так воскликнул он, увидев меня в купальнике. Я, конечно, ответила ему что-то едкое в своем духе. Но Давид лишь ухмыльнулся.

Я умела только ругаться с Давидом, но не разговаривать с ним. О чем говорить? Как? Рассказывать что-то о себе? Но интересно ли ему? И не использует ли он позже мои же слова против меня? Расспрашивать о нем самом? Почти все время, что мы были на пляже, я молчала. К счастью, Давид развлекал меня разговорами... о еде. Не о рецептах, не о забавных случаях на работе. Он говорил о продуктах и их сочетании, но так интересно, будто рассказывал захватывающую сказку, делился историей тех

или иных блюд, вспоминал курьезные случаи из истории. Говорил о еде так... красиво, вкусно и эротично, будто о любимой и желанной женщине. Я заслушалась, и в один из моментов мне захотелось, чтобы вот так рассказывали обо мне.

На обед Давид отвез меня в ресторан одного из своих дядюшек. И это опять мне напомнило вашу с Раулем историю. Я даже заподозрила, что Давид позаимствовал «сценарий» у друга. Правда, вел он себя хоть и галантно, но не как мужчина, рассчитывающий на близкие отношения, а просто по-дружески. Это меня и радовало, и огорчало.

На следующий день у Рауля меня ожидал сюрприз: блюдо с канапе, наполненными различными кремами, паштетами и еще какими-то немислимыми закусками. Брат сказал, что презент – от Давида и предложил угоститься. С тех пор меня частенько ожидали подобные гостинцы. Если не канапе, то пирожные, если не пирожные, то какое-то хитрое блюдо. Ни разу я не застала самого Давида, только вот такие немые «приветы» от него. Рауль то ли в шутку, то ли всерьез сетовал, что его всем миром решили откормить. В госпитале еда была сытной и вкусной, к тому же Рауль снискал симпатию той русской женщины, развозившей обеды, так что возвращать подносы с недоеденными блюдами ему было стыдно. Еще его новая знакомая к основным блюдам норовила добавить что-то от себя: то шоколадку, то печенье. И отказываться он не смел. Наша мама, несмотря на возражения Рауля, часто приносила домашнюю еду – побаловать сына. Друзья приходили с гостинцами. Вот и Давид взял привычку приезжать не с пустыми руками. Рауль вздыхал, что от такого образа жизни – лежать и есть – он растолстеет до размеров борца сумо. И подвигал мне коробочки с презентами от Давида, к которым, кстати, сам почти не притрагивался. «Ешь, ешь, спасай брата!» – смеялся он. Случайно ли так вышло или Давид специально так задумал, но о всех принесенных Раулю блюдах он рассказывал мне на пляже.

– И? – перебила я Лауру с улыбкой. – Ты ела?

– А что мне оставалось делать? – усмехнулась она. – Рауль бы не отстал от меня. Мне даже подумалось, не сговорились ли они... Но все было очень вкусным, так что заставлять меня не приходилось.

– Э-эй, он за тобой так ухаживал!

– Думаешь? – встрепенулась Лаура. – Я тоже так поначалу думала, но... Когда мы с Давидом вновь увиделись, уже в нашем доме, он повел себя как ни в чем не бывало, поздоровался со мной и все. Я поблагодарила его за угощения, но он лишь пожал плечами, будто ему было все равно, попробовала ли я его творения и понравилось ли мне.

После больницы Рауль жил с нами, и Давид частенько заглядывал к нему. В один из дней я услышала, как брат рассказывает другу о потерянном тобой на фабрике телефоне. Это была зацепка, возможность отыскать тебя. Рауль подбивал Давида проникнуть вместе в цех, но тот резонно возражал, что такой поход слишком рискован: фабрика в аварийном состоянии, прогулка может обернуться несчастным случаем. Я вошла в комнату как раз в разгар спора и вызвалась пойти на фабрику. «Эта ведь и одна залезет!» – проворчал Давид и сдался.

Рауль тогда едва мог наступать на больную ногу, поэтому о том, чтобы он отправился с нами в одно из помещений заброшенной фабрики, не могло быть и речи. Брат возражал, уверял, что в нужный нам цех проникнуть довольно легко: не надо ни лезть через забор, ни взбираться по лестнице. Но мы проявили единодушие и твердость: Рауль остается ждать нас за воротами. Так что на фабрику вошли вдвоем – я и Давид.

В какой-то момент, оказавшись в темноте, я подумала, что вновь могу потеряться. В памяти всплыл эпизод из детства, когда меня оставили одну в фабричном помещении. Вдруг Давид и сейчас повторит ту ужасную шутку: уйдет вперед, погасит фонарик и затаится. Стало так страшно, что я прибавила шагу, за что-то запнулась и упала бы, но оказавшийся рядом Давид вовремя подхватил меня... И отпустил не сразу. Напротив, обнял крепче, и на какое-то мгновение я оказалась прижатой к его груди, и даже почувствовала учащенный стук его сердца, его дыхание рядом с моим лицом, его ладонь на моем затылке... Мне показалось, что он меня поцелует. И, самое ужасное, мне этого хотелось! Хотелось так невыносимо, что я чуть не поторопила его от нетерпения. И сама же испугалась этого желания. «Страшилище», – выкрикнула я первое, что мне пришло в голову. И... он меня отпустил. «Там... телефон», – сказала я, наугад указывая в темноту рукой. Чувствовала я себя после этих слов отвратительно, но... не извинилась, не сказала ничего более. Удивительно, телефон и правда оказался в той стороне.

Потом Рауль уехал к тебе. А наши прежние отношения с Давидом возобновились: он меня задевал, я огрызалась. Признаться, я думала, что мы вернулись к грубости и колкостям потому, что я обидела Давида своим восклицанием. И только сейчас поняла, что горькая правда состоит в том, что Давид негласно заключил со мной временное перемирие только из-за Рауля – на период болезни брата. На самом же деле Давида занимала его личная жизнь: беременность Нурии, потом – несчастный случай с ней. А я же рассталась с Даниэлем. Поняла, что он – не тот парень, с которым я видела себя рядом.

Вот и все, Анна. Такая история... Но не вздумай проговориться моему брату! – добавила она в заключение, и ее глаза угрожающе сверкнули. – Не хочу... чтобы он знал.

Я пообещала, что буду хранить секрет Лауры.

– Ну ладно, пора, – поднялась девушка. – Пока нас не хватились.

Мы вышли в столовую и столкнулись с Раулем, одетым в куртку.

– Вот вы где! – воскликнул он, как мне показалось, встревоженно. – Я вас по всему дому ищу.

– А кто-то совсем недавно кричал мне вслед, что видеть не желает, – напомнила Лаура.

– Лаура, я не собираюсь больше с тобой ругаться, – вполне миролюбиво ответил Рауль. – Хотя на твоём месте бы извинился перед Нурией.

– Извинюсь, – нехотя выдавила девушка. – Ты ради этого меня искал?

– Нет. Мне нужна машина.

– Что-то случилось? – обеспокоилась уже я. – Ты собираешься уехать?

– М-м-м, – промычал Рауль. Глянул на меня и отвел взгляд. – Мне просто нужно съездить в наш поселок.

– Зачем? – спросила его сестра.

– Лаура, ну возникло у меня там дело, – с легким раздражением воскликнул Рауль. – Я очень тороплюсь, времени на разговоры нет. Если не хочешь давать машину, так и скажи, я попрошу ее у кого-нибудь другого.

– Да бери, не жалко! – пожалала плечами Лаура. – Сейчас принесу ключи.

Она направилась к лестнице, ведущей на второй этаж. А я повернулась к Раулю, ожидая объяснений. Но в этот момент у него зазвонил телефон, и Рауль, вытащив его из кармана, кому-то поспешно проговорил:

– Уже выезжаю! Постараюсь приехать раньше, чем через два часа.

Ему что-то ответили – неразборчиво, но громко, так, что голос оказался слышен и мне. Говорила женщина.

– Уж не к Ракель ли ты собрался? – развернулась вдруг Лаура, видимо, тоже услышав голос.

– А если и к ней, то что?

– погоди... – Лаура, нахмурившись, сделала шаг по направлению к брату. – Ты что... и правда к ней едешь? Сейчас? Вот... так.

– Лаура, возникла одна ситуация...

– Ситуация у тебя еще возникнет, сейчас! – громко заявила Лаура, сощурив глаза. – Ты что, собираешься поехать к Ракель, оставив тут Анну?

– Лаура, у меня нет времени на препирательства. Анне я сам все

объясню. Тебя я просто попросил помочь – дать мне машину.

– Если тебе она нужна для того, чтобы поехать к Ракель, то я тебе ее не дам!

С этими словами Лаура, возмущенно расправив плечи, развернулась и направилась к лестнице.

– Лаура!..

– Я тебе сейчас принесу ключи от своей, – ответил, появляясь из кухни Давид.

– Спасибо, – поблагодарил Рауль.

– И что это значит? – тихо спросила я, когда Давид скрылся за дверью.

– Анна, сейчас у меня нет времени на подробные объяснения, – с умоляющими нотками в голосе ответил Рауль. – Пожалуйста, поверь мне... Ситуация возникла очень срочная и очень... деликатная. Ракель нужна моя помощь. Понимаешь?

– Нет.

Приблизившись ко мне, Рауль взял в ладони мое лицо.

– Анна, я тебе все объясню, – сказал он, глядя мне в глаза. А мне вспомнилось, что точно так уже было – Рауль держал мое лицо в своих ладонях и просил поверить ему, а не Ракель. И ушел, оставив меня в сомнениях. Так уже было. Было. И сердце сжалось в нехорошем предчувствии: если Рауль уедет, быть, как и тогда, несчастью.

– Рауль, не уезжай, – попросила я не губами, а сердцем.

– Не могу, – ответил он взглядом.

– Держи ключи, – громыхнул рядом голос. Я глянула на Давида, как на врага. И, встретившись с ним глазами, поняла, что он не на моей стороне.

– Я вернусь, – тихо шепнул Рауль, скользнув губами по моим. Я не ответила на его поцелуй. Вообще ему не ответила. Повернулась и ушла. Не оглядываясь.

* * *

Какая я гадкая, гадкая... Остатки того доброго, что еще не уничтожено злом, заставили устыдиться задуманного. Девушка, приговоренная моей жаждой обладать «цветком», слишком молода и красива для того, чтобы закончить так ужасно. «Ужасно?» – рассмеялась другая я – та, ставшая частью бесцветного мира. «Ты не убьешь ее, а лишь дашь новую жизнь». «Жизнь ли?» – заспорила я сама с собой. Разве это существование, которое я влачу, можно назвать

жизнью?! «И ты не хочешь поменяться с ней местами?» – вкрадчиво зашептала другая я. «Жить опять в мире звуков, запахов и красок? Согреться настоящим солнцем, а не воспоминаниями о нем. Чувствовать прикосновение руки любящего мужчины к твоей коже? Быть желанной...» – «Это будет не моя жизнь...» – «Но это будет жизнь», – привела последний аргумент плохая я.

Та девушка, которую я выбрала, расстроена. Ее сердце плачет. Ее душу разъедают ревность и сомнения: сегодня, как никогда, она уверена в том, что ее любимый принадлежит другой. Она считает себя поверженной. Я почти в открытую наблюдаю за ней из своего мира, но девушка настолько погружена в переживания, что не замечает меня. Лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Плачет?..

Я обвела взглядом комнату – мою комнату. Увиделась она мне не такой, как есть, и не той, какой была до несчастья. Дом, зараженный злом, демонстрирует разлагающиеся внутренности. И комната мне увиделась черной, выеденной огнем. Закопченные стены, полусгоревшие балки, железный остов кровати. Подумала, если опущу глаза на покрытый сажей пол, увижу останки своего тела. И содрогнулась от ужаса и отвращения.

«У тебя будет другое тело – красивое, молодое. Нежная кожа и шелковистые волосы». Прикрыв глаза, вызвала в памяти внешность выбранной девушки. Она красива. Не помню, была ли я такой же милой, но мне хотелось быть похожей на нее. «Ты не просто будешь на нее похожей, ты ею станешь. Ну же!»

Другого шанса не выпадет. И времени тоже нет. Старый дом изъеден злом, как старые балки – дровоточцами. Оно проснулось и не собирается выпускать попавшие в ловушку жертвы. Если я потороплюсь, у меня есть шанс сбежать еще до того, как... Единственный шанс, о котором я даже не мечтала.

И я решилась.

* * *

Что мне стоит разлюбить его... Что мне стоит забыть его, если...

Если его песни – татуировки на моей душе. Если моя жизнь писана нотами его музыки, если мне не надо других ответов на вопросы, кроме слов из его песен. Если моя душа – это струны гитары, которой касаются его пальцы. Не будут они их трогать, и она замолчит. Если я впала в

неизлечимую зависимость от его голоса – не буду его слышать, и умру от ломки. Если ритм моего сердца безнадежно слился с барабанной дробью придуманных им мелодий. Если...

Но сейчас я закрывала уши, будто стремилась заглушить мысли, наушниками, в которых звучал другой голос.

*Es que no ves que haces sufrir?
Que un te quiero, un lo siento
no son mentiras para disfrazarlas
Entérate, no soy un juego,
estoy cansado de ser eso para ti*

*Разве не видишь, что заставляешь страдать?
Что слова «я люблю тебя», «прости» —
не ложь, я не могу скрывать их.
Пойми, я не игрушка,
Я устал быть ею для тебя...*

Я обманывала себя воображаемой «мстью». Рауль находился не со мной. Я же изменяла ему, слушая музыку другого музыканта, выпуская ее в свои мысли, открывая ей душу, запечатывая в сердце, как сорванный украдкой запретный поцелуй.

*Sobra tu ego y tu cruel voluntad
que no sienten nada cuando te pierdo
Tus mil perdones, perfectos traidores
capaces de hacerme no ver más allá*

*Твое эго и твоя жестокая воля
Мешают тебе понять, что я чувствую, когда тебя теряю
Твои тысячи извинений – прекрасные предатели,
Способные меня ослепить.*

Отравлялась недоверием, разбивалась о сомнения, искала поддержки в чужих историях, накладывая чужие переживания на свои. Утешалась ложной «изменой», цеплялась, как за руку спасителя, за другой голос... Но проигрывала сама себе.

– Анна, могу с тобой поговорить? – В комнату заглянул Давид. Я вытащила из уха один наушник и безразлично пожала плечами. Разговаривать мне не хотелось, но Давид, приняв мой жест за согласие, уже вошел и присел рядом на кровать.

– На Рауля – обида смертельная... – не спросил, а констатировал он, бесцеремонно взяв в пальцы мой айпод и повернув его экраном к себе.

– С чего ты решил? – как можно небрежней отозвалась я. – Рауль поехал... по делам. Я все понимаю и на него не обижена.

– Если бы это было так, слушала бы ты сейчас его песни, а не Диего Мартина, – усмехнулся Давид.

– Он Лауры, – зачем-то соврала я.

– Не думаю, что у нее нет песен брата.

– О чем ты хотел поговорить? – напомнила я, увидев, что Давид уже сунул себе в ухо наушник, будто собираясь слушать музыку вместе со мной.

– О ком, – поправил он. – О Рауле, о ком же еще...

Я демонстративно вставила в ухо наушник, который Давид мне вернул, легла на спину и мило улыбнулась.

– Не веди себя как... девчонка, – рассердился он вдруг. – Выслушай, а потом уж обижайся на весь белый свет. Если еще останется желание. Думаешь, для Рауля куда важнее просьбы Ракель, чем отношения с тобой? Ошибаешься, детка!

– Если бы это было так, он бы не уехал.

– Рауль пытался дозвониться до тебя сейчас, но у тебя отключен телефон.

– Он не отключен, в этой комнате нет связи.

С неприятной усмешкой, будто прочитав мои мысли, Давид вытащил из кармана свой мобильник и продемонстрировал мне его экран с «палочками», красноречиво говорящими о наличии связи.

– Ловит здесь отлично, несмотря на толстые стены!

– Хорошо, – вздохнула я, садясь на кровати. – У меня нет желания разговаривать с Раулем и слушать его оправдания. Он мне уже все «сказал» тем, что сломя голову помчался к Ракель только по одному ее звонку. И так будет всегда? Она будет звонить, а он – бросать все и всех и бежать к ней впереди ветра?

– Ревнивая дура! – процедил Давид тихо, но так, чтобы я расслышала.

– Кто? Я?..

– Ну не я же!

– Ты пришел ругаться со мной? В таком случае я предпочитаю слушать музыку, – буркнула я.

– Я пришел разговаривать с тобой нормально, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. И от его взгляда – тяжелого, хмурого, мне стало не по себе.

– А ты разве это умеешь? Учти, я не Лаура, у меня нет желания вступать с тобой в перепалку!

– Ты уже это сделала.

Я вздохнула:

– Давид, что ты за человек? Почему всем сразу хочется с тобой поспорить?

– Кому это «всем»? – вполне искренне удивился он. – По-моему, только Лауре и тебе. Я не стал бы под «всеми» понимать только вас. К сожалению или счастью, но земля не вокруг вас вращается. Я пришел просто поговорить с тобой, а не затевать словесные баталии.

– Ты пришел оправдывать Рауля, а мне не хочется этого слышать.

– Ладно, – встал с кровати Давид и направился к выходу. – Адъес!

– Эй... погоди, – сбавила я обороты.

Он, уже взявшись за дверную ручку, оглянулся и посмотрел на меня таким ледяным взглядом, что по моему телу прокатилась волна озноба. Словно желая закрыться от холода, вымораживающего внутренности, я ссутулилась и обхватила колени руками. Что он и в самом деле за человек? Сложный. Противоречивый. Неприятный, с одной стороны, грубостью, резкими репликами, пронизательностью и, в то же время обладающий странным магнетизмом. Находясь рядом с Давидом, хотелось либо с ним поругаться, либо... завоевать его уважение и расположение. Второе мне не удалось. Я, похоже, вступила на дорожку Лауры.

«Бедная», – подумалось мне о сестре Рауля. Рядом с этим демоном должна находиться такая «святоша», как Нурия, от которой тихим свечением исходит немое обожание, а не чертенок типа Лауры.

– Так бы сразу. Почему вы, женщины, такие? К чему эти лабиринты, если дорога все равно приведет к одной цели? Чего бы ни касалось дело, вам обязательно нужно все усложнить так, что сам дьявол, ваш «крестный папа», за рога хватается. Простые вещи не должны быть сложными, Анна.

– Ты пришел философствовать или рассказывать мне о Рауле что-то такое, что бы заставило меня плакать от умиления?

– Так не пойдет, – вдруг иным тоном – спокойным, из которого ушли ноты сарказма, произнес Давид. – Либо ты меня слушаешь и не перебиваешь, либо я ухожу и оставляю тебя и дальше фантазировать на

любимую тему «Рауль и Рабель».

Я, сдаваясь, кивнула.

– Очень хорошо. Постараюсь быть кратким. У Рабель есть старший брат Манэль. Друг Рауля и мой троюродный брат.

– Рабель тебе приходится троюродной сестрой? – удивилась я.

– Да. Но к рассказу это не имеет отношения. Ты обещала не перебивать, пока я не закончу, – сердито напомнил Давид. – Так вот, возвращаясь к Манэлю... Он отличный мальчик, но с некоторыми проблемами. Впрочем, если не знаешь о них, то и не скажешь, что Манэль болен. На первый взгляд с ним все в порядке. Ведет обычный образ жизни, и отличает его от других людей только то, что он постоянно должен принимать лекарства.

– Чем он болен? – спросила я, подумав об эпилепсии.

– Шизофренией, – ответил Давид с некоторым вызовом, словно ожидая от меня негативной реакции. Но я промолчала, никак внешне не выказав чувств.

– Многие люди отшатываются, стоит им только услышать о таком диагнозе, – сказал Давид, глядя на меня будто с одобрением и благодарностью. – Манэль растерял почти всех старых друзей, расстался с девушкой, замкнулся в себе, хотя раньше был очень общительным и веселым парнем. Увы... Такой диагноз – как клеймо. Первые признаки заболевания стали проявляться четыре года назад. Но тревогу мы забили не сразу. Вначале потешались над казавшимися нам смешными рассказами Манэля. Он, как я уже сказал, был парнем веселым, любил «выступить» на публику. Так что поначалу было сложно понять, всерьез ли он говорит такие вещи или просто из желания развеселить. Позже, когда высказывания и поступки Манэля стали принимать все более и более абсурдный характер, мы, близкие, забеспокоились. Увы, к сожалению, «дурачества» Манэля были не шуткой, а проявлениями болезни.

Он уже четыре года живет на таблетках. Когда принимает их – все в порядке. Но если прекращает, то случается приступ. Это же происходит и при смене терапии: не всегда новая оказывается удачно подобранной. Во время приступов Манэлю мерещится слежка, спецагенты, которые якобы собираются похитить его мысли или, напротив, внедрить чип, чтобы управлять его действиями. В общем, такой вот бред. Во время приступов он не агрессивен, но нуждается в специальной помощи.

Отвезти в госпиталь, где бы ему ввели лекарство, больного можно только с его согласия. Такие законы. Против воли госпитализируют лишь в некоторых исключительных случаях, и лучше не доводить до них...

Давид сделал паузу, во время которой внимательно рассматривал свои ногти, а потом вскинул на меня глаза и с видом кающегося грешника продолжил:

– Один раз чуть не произошло несчастье. К сожалению, в какой-то мере этому поспособствовал я. У парня случился приступ, когда мы вдвоем находились у меня дома. Не церемонясь, я вызвал бригаду медиков, чтобы Манэлю на месте оказали помощь. Думал, так лучше... Но вид врачей ввел Манэля в такой ужас, в такую панику, что он... едва не выбросился в окно. Мы с тех пор предпочитаем по возможности обходиться уговорами. Но сама понимаешь, убедить человека с подобными проблемами обратиться за медицинской помощью в момент, когда везде чудятся «враги», очень сложно... Рауль уже несколько раз выручал в подобных случаях. Не знаю, какие слова он находит, а может, Манэль настолько доверяет ему, что готов следовать за Раулем куда угодно даже в приступе помешательства. Рауль едва ли не единственный из старых друзей, которые остались у Манэля.

Я так понял, что Раулю позвонила Ракель с просьбой о помощи. Видимо, у ее брата случился приступ. Это мои предположения, Рауль ничего не объяснил, но по тому, как он торопился, я понял, что случилось именно это. Хочешь – верь мне, хочешь – не верь. Я рассказал тебе это из-за Рауля. Подробности узнаешь уже от него. А сейчас давай-ка, красотка, не дуй губы и топай вниз. Дядюшка Давид приготовил отменный ужин.

– Спасибо, дядюшка Давид, – улыбнулась я.

– Скажешь после еды.

– Я не об этом.

– Я понял, – коротко кивнул он, поднимаясь. – Ну, идешь?

– Иду. Давид? – окликнула я его после короткой паузы. – Почему ты так относишься к Лауре?

Парень явно не ожидал этого вопроса.

– Как отношусь? – спросил он, хмурясь.

– Задираешь ее. Провоцируешь.

– А-а, – улыбнулся Давид, будто с облегчением. – Так это вечно, как заходы и восходы. Мы с Лаурой иначе и не можем. Да и как с ней еще разговаривать – противной, заносчивой, упрямой?

– Ты и правда считаешь ее такой? По-моему, ты преувеличиваешь. Лаура – очень милая девушка.

– А долго ли ты ее знаешь? – рассматривая меня с прищуром, спросил Давид. – Всего-то ничего. Послушала бы ты, что эта милая девушка наговорила сегодня Нурии...

– Давид, я думаю, она уже раскаивается.

– Разве? Анна, если ты решила взять на себя роль миротворца, то рекомендую оставить эту затею. Бессмысленно. Наверное, земля с небом поменяются местами, если мы с Лаурой начнем разговаривать нормально.

– Земля с небом уже поменялись местами однажды. В тот день, когда Рауль пострадал в...

– Это Лаура тебе рассказала? – перебил меня Давид, вскидывая брови.

– Нет, Рауль, – соврала я.

– Понятно, – ухмыльнулся парень. – Вряд ли бы Лаура сказала обо мне хоть слово хорошее. А что касается того дня, так только ради Рауля мы забыли на время о нашей неприязни. По крайней мере я. Лаура же была напугана до немоты. Могла, наверное, наговорить по привычке гадостей, если бы ее зубы на нервах не выстукивали реквием.

– И все же... Ты повел себя в тот день как настоящий мужчина. Не оставил ее одну.

– Настоящий мужчина? – рассмеялся Давид. – Брось, Анна! Это ты придумала или Лаура тебе что сказала? Не думаю, что это слова Рауля. Я не Лауру не оставил одну, а его. Рауля привезли в госпиталь в таком плачевном состоянии, что я всерьез был обеспокоен тем, как он проведет ночь. А от Лауры не столько помощи было, сколько сырости. Оставь эту тему, Анна. Тебя она не касается.

С этими словами Давид открыл дверь и, не дожидаясь меня, вышел в гостиную. Я направилась было за ним, но в этот момент из комнаты Лауры раздался громкий стук, будто упало что-то тяжелое, и короткий стон.

– Давид! – обеспокоенно окликнула я парня.

– Что еще?.. – недовольно спросил он, оглянувшись.

Я уже стучала в дверь сестры Рауля.

– Лаура, открой!

Приложив ухо к двери, я прислушалась. Тишина.

– Что случилось? – подал, не сдвинувшись с места, голос Давид.

– Это и хочу узнать. Ты не слышал стук и стон?

Я надавила на ручку и открыла дверь в комнату Лауры.

– Здесь темно, как в пещере, – раздался над моим ухом голос Давида. – Вряд ли Лаура сидит тут без света, скорей всего уже спустилась вниз ужинать.

Он нашарил на стене выключатель и нажал клавишу. Свет озарил пустую комнату.

– Ну, что я говорил?

– погоди, Давид, – остановила я его, проходя в глубь спальни. Размерами и обстановкой комната практически не отличалась от нашей с

Раулем, только отсутствовало кресло.

– Лаура, ты здесь?

Что-то в атмосфере мне показалось странным. Но я не сразу определила, что меня беспокоило.

– Откуда эта вонь? – потянул носом Давид, проходя следом за мной.

Точно. Запах. Едва уловимый, именно он меня и насторожил. Запах гари. Может быть, в полях сжигают сухую траву или старую лозу, и дым проник в дом? Но, прислушавшись, я услышала дробный стук капель по подоконнику: опять шел дождь. Вряд ли в такую погоду станут жечь костры. Видимо, Давид подумал о том же, потому что направился к окну. Но вдруг остановился, разглядывая что-то перед собой на полу и, резко наклонился.

– Лаура? – донесся его встревоженный голос.

Я бросилась к Давиду.

Лаура лежала ничком в проходе между кроватью и стеной. Одну руку она подогнула под себя, вторую, сжатую в кулак, вытянула вверх.

– Что с ней?!

Давид не ответил, осторожно ощупал пальцами голову девушки, проверяя, нет ли открытых ран. Затем, вскочив на ноги, с силой сдвинул тяжелую кровать ближе к двери, освобождая место для действий.

– Эй, красотка... Хватит нас пугать, – пробормотал он, осторожно переворачивая девушку на спину. Взяв тонкое запястье Лауры, Давид попытался нащупать ее пульс, но, нахмурившись, опустил ее руку и приник ухом к груди.

– Звони Раулю! – скомандовал он мне, поднимая голову.

– Что с ней, Давид?! – вновь спросила я ненатурально тонким от испуга голосом.

– А я откуда знаю, что я, медик? Вызывай Рауля, пусть он разбирается!

Я торопливо похлопала себя по карманам, но телефона в джинсах не оказалось.

– На, держи, – протянул Давид мне свой. – Найдешь номер, Рауль у меня там один.

Я не стала копаться в телефонной книжке, нажала на кнопку вызова, чтобы увидеть последние звонки Давида, и действительно довольно быстро обнаружила имя Рауля. Давид тем временем расстегнул молнию на кофте девушки, чтобы ей стало легче дышать.

– Скажи ему, что Лаура потеряла сознание. Не знаю, ударилась ли она при падении, но на первый взгляд цела, – опять скомандовал он, увидев, что я поднесла телефон к уху.

– Не отвечает, Давид...

– Дьявол! И как нам быть с его сестрицей? Я в этих делах совершенно ничего не понимаю, – показалось ли мне или нет, но в голосе Давида слышалась паника. И это так не вязалось ни с его образом, ни с тем, что рассказала мне Лаура о нем сегодня.

– Вызвать врачей!

– Принеси воды и позови кого-нибудь из наших, – попросил он, бережно поднимая девушку на руки и перенося ее на кровать. Я метнулась в ванную, но не увидела на полочке ничего, в чем бы можно было принести воды. Тогда я набрала ее прямо в ладони.

– Ну, слава богу! – раздался вдруг обрадованный голос Давида.

Услышав его восклицание, я вылетела из ванной, забыв про открытый кран и проливая воду из ладоней. Лаура лежала на кровати, но глаза ее были открыты.

– Что случилось, Лаура?! Тебе стало плохо? – присела я рядом с девушкой. Взяв ее руку, почувствовала, какие ледяные у нее пальцы.

– Холодно, – поежилась она, садясь на кровати. Давид без слов шагнул к шкафу, снял с полки шерстяное одеяло и укутал им Лауру.

– Спасибо, – поблагодарила она его тихим голосом. И, поднеся ладонь к виску, поморщилась.

– Голова болит? Ты ударилась, когда упала? – встревожился Давид.

– Я упала?

– Мы тебя, красотка, нашли на полу без чувств. Что случилось? Принести тебе воды? Анна, принеси ей воды! – зачастил Давид, перемежая вопросы с приказаниями.

– Не надо воды. Я в порядке. Но... не помню, чтобы мне стало плохо.

Она разжала пальцы, и уставилась на свою ладонь, где лежал огарок свечи.

– Амнезия! – поставил «диагноз» Давид и опять засуетился:

– Врача вызывать? Твой брат не отвечает на звонки. Или тебя отвезти в госпиталь?

– Не надо, – испугалась Лаура, брезгливо бросая огарок на тумбочку. – Я нормально себя чувствую, Давид. Только голова немного кружится. Вам не кажется, что здесь пахнет горелым?

– Есть такое, – подтвердил парень. – Сейчас открою окно. Закутайся.

– Давид, это, случайно, не твой ужин сгорел?

– Хвала небесам! – с радостью воскликнул парень, оборачиваясь. – Теперь я спокоен за нашу Лауру, она действительно в порядке! Этот ангел опять брызжет ядом...

– Я серьезно, Давид.

– Не волнуйся, красотка, все приготовлено на высшем уровне. Как всегда, впрочем, – не без гордости ответил парень. – Спустишься ужинать или тебе сюда принести?

Я увидела, как глаза девушки вначале удивленно округлились, потом вспыхнули радостью. Но хитрая Лаура тут же опустила ресницы, входя в роль слабой больной, и тихо промолвила:

– Спасибо, Давид. Я, пожалуй, поужинаю здесь... Голова кружится.

– Я вызываю врачей! – твердо заявил Давид, вытаскивая мобильный. – Твой брат нам головы открутит, если с тобой что случится!

– Нет-нет! Я... Я же говорю, что почти в порядке. Лучше уж спущусь.

– Лежи! – рявкнул Давид, увидев, что Лаура пытается встать. – Сейчас принесу ужин. Анна, побудешь с ней?

Я кивнула. Прежде чем выйти из комнаты, Давид завернул открытый мной кран в ванной, и, уходя, заметил:

– Что-то тебе, Лаура, комната дефектная досталась. С трещинами.

– Какими трещинами? – не поняла она.

– В ванной одна огромная. Над зеркалом. Не видела разве?

– Не было там никакой трещины... – пробормотала она, но скрывшийся в коридоре Давид ее уже не услышал.

Лаура выждала пару мгновений и, проворно вскочив с кровати, юркнула в ванную.

– Ой, тут и правда трещина! Даже не трещина, а траншея! Анна, иди сюда!

Я вошла следом за Лаурой и увидела, что в плитке, которой были выложены стены ванной, где-то на высоте пяти сантиметров от зеркала и правда образовалась глубокая борозда в палец толщиной. Лаура уже сунула в «траншею», как она выразилась, палец, чтобы проверить ее глубину.

– Это что, дом рушится? – повернулась она ко мне. – Когда я в последний раз заходила сюда, трещины не было.

– Я тоже ничего не заметила, – сказала я. – Правда, стены не осматривала.

– Ладно, пойдем в комнату, – вздохнула Лаура. – А то сейчас вернется Давид и застанет меня тут. А я же «больная»! Как ты думаешь, может, мне «поболеть», а? Давид перестанет мне говорить гадости, наоборот, будет волноваться, носить мне в постель ужин...

Она легла на кровать.

– Еще он тебя на руках сюда с полу перенес, – добавила я с улыбкой.

– О! Как жаль, что я этого не почувствовала! – вздохнула с искренним

сожалением Лаура. И щеки ее чуть порозовели от удовольствия. – Надеюсь, переносил не с ругательствами?

– Нет. С беспокойством. Похоже, что с искренним.

– Пожалуй, действительно стоит «поболеть»...

Она смиренно сложила руки на груди, состроила скорбную мину и прикрыла глаза.

– Эй, Лаура, не перестарайся! А то он и правда вызовет врача, и тебе придется провести рождественские каникулы не с нами, а в больнице.

– Если Давид будет меня навещать, я не против... Знала бы, свалилась бы утром с велосипеда!

– Ты так и не сказала, что с тобой случилось, – сменила я тему, увидев, что на лице Лауры появилось мечтательное выражение. Как бы эта бедовая девочка и впрямь не учудила что-то такое ради внимания Давида.

– Даже не знаю, поверишь ли ты мне... Я и сама не могу понять, произошло ли это на самом деле или приснилось мне. Скажи, ты и правда почувствовала запах гари в комнате? – спросила она, пытливо глядя мне в глаза. И когда я подтвердила, обрадовалась.

– Я обнаружила, что потеряла одну сережку. Пустяк, простая бижутерия, но эта пара серег – моя любимая. Обыскав все в комнате, я подумала, что обронила сережку в подвале и решила опять туда спуститься. И там... не знаю, что произошло. Возможно, я каким-то образом уснула, потому что очнулась уже на лестнице, ведущей наверх. Я сидела на ступеньке и сжимала в кулаке вот эту свечу. Но где ее взяла и зачем, как вышла из подвала – не помню.

– Лаура, – перебила я ее встревоженно. – А с тобой раньше таких провалов в сознании не случалось?

– Нет.

– Я думаю, надо вызвать Рауля. Или отправить ему сообщение, чтобы перезвонил, сейчас он не берет трубку.

– Не надо, Анна. Потом... Когда Рауль приедет, я сама поговорю с ним, хорошо? – сказала Лаура, заглядывая мне в глаза с таким просящим и одновременно честным выражением, что я поняла, что ничего брату она не скажет.

– Как хочешь, – сдалась я.

– Ну а потом я поднялась в свою комнату. Открыла дверь, и в нос мне ударил сильный запах гари. Комната была наполнена дымом. Я испугалась. Подумала, что замкнуло проводку, что надо позвать на помощь. И... все. Очнулась уже на кровати в обществе тебя и Давида.

– Судя по тому, что мы тебя нашли в проходе между кроватью и окном,

ты вошла в комнату. Даже несмотря на дым.

– Ты мне не веришь?

– Ну почему же... Верю, – сказала я. В моем голосе прозвучали те же интонации, что и в голосе Рауля, когда я в подвале рассказывала об увиденном сне. Поверила ли я Лауре? Сложно сказать. После того, с чем мне пришлось столкнуться летом, я готова была поверить в существование кого угодно и чего угодно. Но... Лаура и сама с трудом верила в происшедшее.

– Почему я сказала, что, возможно, мне все приснилось? Потому что очнулась на лестнице с ощущением, будто видела сон, где ходила по какому-то жуткому коридору, похожему на больничный. Такому же узкому, с ненатуральным светом. Его стены были из прозрачного материала. Стекла не стекла... Льда не льда... Возможно, из последнего, потому что в коридоре было очень холодно. Я искала выход. Видела много дверей. Или окон? Скорей всего, окон, потому что в одном из них заметила мелькнувший силуэт. А двери не было... Вот такой сон. Что скажешь?

Сказать я ничего не успела, потому что дверь распахнулась, и Лаура мгновенно вернулась в образ в больной: откинулась на подушку, прикрыла глаза и выгнула скорбной скобкой рот. Но с подносом в руках вошел не Давид, а Моника.

– Лаура, дорогая, что случилось?!

Разочарование на лице Лауры отразилось так явно, что я не удержалась от ухмылки. Лаура же быстро взяла себя в руки и, внимательно осмотрев еду на тарелке, с беспокойством спросила:

– Моника, ты уверена, что Давид сюда не плюнул?

В этот вечер, казалось, время замерло на старте. Будто во всем мире остановились часы – отломилась стрелки механических, погасли табло электронных, песчинки намертво прилипли к стенкам в песочных. Земля застыла без движения, погасли звезды, замерзло солнце.

Я ела, не разбирая вкуса, слушала разговоры, не слыша их, смотрела, не видя, как слепая. Все мое существо превратилось в одно большое ожидание – не завибрирует ли в кармане мобильник, не раздастся ли звонок от Рауля. Лишь раз я вернулась к жизни, когда запиликал телефон у Давида: мне подумалось, что ему перезванивает Рауль, увидевший наконец-то пропущенный звонок... Но нет, искал Давида кто-то другой.

Почему-то сейчас, в компании друзей Рауля, смеющихся за ужином, перебрасывающихся репликами, я чувствовала себя одиноко, как никогда. И хоть со мной общались, и я даже что-то отвечала, все равно ощущала

себя брошенной, ненужной, лишней. Никто не спрашивал меня о Рауле, будто знали, куда он уехал и к кому. Но надо отдать должное друзьям, сочувственных и «все понимающих» взглядов на меня тоже никто не бросал. Будто все шло так, как надо. И я тоже изо всех сил делала вид, что так и надо.

Так и надо, что он сейчас со своей бывшей девушкой, которую, видимо, не так просто забыть после пяти лет отношений. С чертовски красивой девушкой, сексуальной, хитрой и опасной, как гремучая змея.

Будто так и надо, что он не отвечает на мои звонки и не звонит сам...

Будто так и надо... Так и надо.

После ужина я отправилась к себе в комнату. По пути заглянула к Лауре, узнать, как она себя чувствует. Застала ее читающей в постели и немного успокоилась. Из столовой доносился шум. Как хорошо, что все решили остаться внизу, увлеченные настольной игрой, а не собрались, как обычно, в гостиной на втором этаже! От игры я отказалась. И, слава богу, никто не стал настаивать на моем присутствии.

Я взяла с полки первую попавшуюся книгу, даже не взглянув на название и автора. Какая разница, что читать! Лишь бы заглушить набат мыслей.

С трудом, но я продиралась сквозь нагромождение чужих слов, а, вернее, через армию моих мыслей, домыслов, тревог, мешавших погрузиться в сюжет. Но постепенно увлеклась.

В какой-то момент за дверью раздался шум: кто-то поднялся наверх.

– И куда подевались эти проклятые ключи?! – прогремыхал за дверью голос Давида. Ему ответила тихим голосом Нурия, но что – я не расслышала.

– Нурия, я хочу выйти на улицу, чтобы покурить! А этот чертов дом заперт, и никто не знает, куда подевались ключи. Никак, Рауль их увез!

Следом за этим раздался стук в мою дверь, и в комнату заглянул Давид:

– Анна, ты не видела ключи от входной двери?

– Нет.

– А Рауль не объявлялся?

Я покачала головой.

Давид выругался и, прежде чем я успела что-либо спросить, скрылся за дверью. Он постучался и к Лауре. Но, видимо, получил такой же ответ, как от меня, потому что опять чертыхнулся и, судя по удаляющимся шагам, направился к лестнице.

– Ча-ави! – раздался его зычный голос. – Ты последним выходил курить?! Или ключи Рауль таки упер?

Что ему ответили, я не расслышала.

Как ни странно, но этой ночью мне удалось уснуть. Одной, в холодной постели, в объятиях ожидания новостей от Рауля.

Разбудил меня скрип приоткрывающейся двери и шум крадущихся шагов, словно некто вошел в комнату на цыпочках, стараясь не потревожить меня.

– Рауль? – позвала я, не открывая глаз и с трудом борясь с липкой паутиной дремы.

Тишина.

– Рауль, это ты? – повторила я уже громче, окончательно просыпаясь.

Сев на кровати, нащупала выключатель и зажмурилась от яркого света. Но когда глаза привыкли к нему, увидела, что комната пуста. Может, мне почудилось? Что именно мне до этого снилось, я не помнила. Но, кажется, никакого «сюжетного» сна и не было.

– Рауль? – позвала я в третий раз, уже понимая, что никого, кроме меня, в комнате нет.

Послушав тишину, взяла с тумбочки мобильный и с горечью отметила отсутствие пропущенных звонков и время – половину четвертого утра. А точнее, три тридцать три. Я невольно обратила внимание на это число. Проснуться в три тридцать три – в этом что-то есть... И хоть меня раздирали противоречивые чувства – позвонить Раулю, узнать, где он и когда вернется или, напротив, отключить телефон «из вредности и гордости», с перевесом в последнее, я все же отдала уважение здравому смыслу и набрала номер. Гудки – тяжелые, пронзительные, вязкие... Один, два, три... Я считала их, наполняясь горечью. Пять, шесть, семь... Отнимая телефон от уха и, сбрасывая звонок, то ли нечаянно, то ли осознанно задержала палец на клавише. Аппарат пискнул, на экране, прежде чем он погас, высветились слова прощания.

Вот так.

Не знаю, удастся ли теперь уснуть.

Я встала с кровати, поежилась от прохлады, потому что на ночь отопление отключилось. Прошла в туалет. Вымыв руки, потянулась за полотенцем и подняла глаза на зеркало.

– О господи! Как ты меня напугала! – воскликнула я, увидев отражение стоявшей за мной Лауры.

Я резко обернулась, да так и замерла с открытым ртом, потому что никакой Лауры за моей спиной не оказалось.

Я вообще была одна в ванной.

Одна ли?..

Я почувствовала, как от ужаса онемел кончик языка. Медленно, боясь встретиться в зеркале со взглядом почему-то отразившейся в нем Лауры, я повернулась к умывальнику. Но увидела на этот раз лишь себя – свои растрепанные волосы, лицо с налипшими на него влажными прядями, расширенные от ужаса глаза, показавшиеся на фоне красных век непривычно ярко-зелеными, приоткрытый в удивлении рот. Та еще картинка.

– Эй?.. – не знаю зачем, вполголоса позвала я. Будто надеясь, что в ванную войдет настоящая Лаура и признается, что не может уснуть, потому и решила заглянуть ко мне.

Но ответом опять была тишина. На цыпочках, словно проходя мимо спящего, я вышла из ванной, со страхом перевела взгляд с разобранной кровати на дверь и обратно на постель. Может, лучше дожидаться Рауля в освещенной гостиной, сидя в кресле, чем тут, одной, дрожа от страха в каменном склепе, которым мне показалась вдруг наша спальня? Даже холод здесь не простой – могильный. И опять пахнет гарью. Оцепенение сменилось неожиданной проворностью, я рывком сдернула с кровати одеяло и пулей вылетела в коридор.

С ногами забралась в одно из кресел и закуталась в одеяло. Меня била дрожь, озноб, казалось, выстуживал внутренности. Мне было плевать, что кто-нибудь из друзей Рауля, выйдя из комнаты, наткнется на такую комичную картину, которую я собой в данный момент представляла. Плевать! Напротив, я всей душой желала, чтобы хоть кто-то вышел. Пусть даже острозычный Давид. Я бы сейчас многое отдала за то, чтобы слышать его насмешки и не ощущать себя одной – в этом каменном склепе!

И все же я пропустила момент, как она пришла...

Она вышла в гостиную так тихо, что я не услышала. А когда увидела Лауру, сидевшую напротив меня в другом кресле, едва не вскрикнула от неожиданности и страха, который все еще не отпускал меня. Одета Лаура была в пижаму с огромной аппликацией розовой кошачьей мордочки. И таким же рисунком, только уже мелким, россыпью украшавшим белые брючки. Вид этой уютной пижамы «Хэлло, Китти!» успокоил меня. Глупости, какие глупости! Это же Лаура, просто Лаура, которой тоже, как и мне, не спится.

– Лаура? – позвала я ее, потому что девушка продолжала сидеть, склонив голову так, что волосы завешивали ее лицо. – Ты в порядке? Почему ты встала? Тебе лучше лежать... Если тебе скучно, я побуду с

тобой, но тебе...

И осеклась, потому что в этот момент Лаура подняла голову и убрала волосы с лица. Ее рука двигалась так медленно, будто девушка с трудом преодолевала его сопротивление воздуха.

– Лаура, тебе нехорошо? – уже всерьез испугалась я, рывком вставая из кресла. Меня насторожил взгляд девушки – затуманенный, словно она находилась в предобморочном состоянии. Господи, ну почему Рауль уехал именно в этот вечер? Почему Лауре «захотелось» потерять сознание именно в отсутствие брата? А вдруг приступ повторится... Не стоило слушать ее возражений, а отвезти к врачу!

Скорей бы уж вернулся Рауль!

– Лаура, давай позвоним твоему брату, скажем, что тебе нехорошо. Попросим, чтобы вернулся как можно скорей!

– Он не вернется, – ответила девушка глухим и таким чужим голосом, что я невольно оглянулась, чтобы убедиться, что говорит она, а не кто-то другой, оказавшийся за нашими спинами. Ее губы почти не двигались, замерев в ухмылке, и отдаленно не напоминающей мягкую, излучающую свет, загадочную улыбку Лауры. Мне стало жутко, я поежилась и, преодолевая необъяснимое желание отстраниться от нее как можно дальше, протянула к девушке руку:

– Лаура?..

– Он не вернется до утра, – продолжала она вещать глухим голосом, и по мере того, как мое лицо принимало обеспокоенное выражение, ее рот растягивался все больше, обнажая зубы уже даже не в усмешке, а в оскале.

Мои пальцы так и замерли в сантиметре от ладони Лауры, не посмев ее коснуться. Я стояла с протянутой рукой, боясь пошевелиться. А вдруг Лаура тоже больна, как брат Ракель? Что я знаю об этой девушке? Я знакома с ней всего ничего.

Помимо усмешки меня пугал и ее взгляд – застывший на мне, но в то же время словно ничего не видящий. Взгляд слепой. За все время, что Лаура «смотрела» на меня, она ни разу не моргнула. Ее глаза-маслины, обычно блестящие, потускнели, будто подернулись дымкой. Я испугалась и за нее – за то, что не знала, как помочь ей в этом... приступе. И одновременно на меня нахлынул суеверный ужас, подобный тому, что я испытала на старой фабрике. Но если тогда от страха я действовала, пытаюсь спастись, то сейчас меня будто заморозили.

– Он с Ракель, – продолжала нашептывать Лаура. – Я-то знаю... И ревнуешь ты не зря. Он сейчас с ней... Спит.

– Врешь! – жгучая ревность растопила лед оцепенения, и ко мне

вернулась возможность говорить.

– Убедишься... – свистящим шепотом произнесла Лаура, страшно вытаращив глаза.

То ли ревность, то ли отчаяние придали сил, и я толкнула девушку в плечо. Она взмахнула руками, так, будто они были не из плоти, а из тряпичных лент, ее голова дернулась, волосы взметнулись, вновь закрывая лицо. Я видела каждое ее движение так четко, так подробно, будто их сняли на пленку и теперь прокручивали на экране в замедленном режиме. Чтобы не упасть, Лаура коснулась пола одной ладонью и, оттолкнувшись, приняла исходное положение.

Когда она подняла на меня глаза, я с облегчением увидела, что они уже не бессмысленные, как раньше, в них вернулся *живой* блеск.

– Анна? – тихо воскликнула Лаура, глядя на меня с испугом. – Что с тобой? У тебя лицо перекошено... То ли от злобы, то ли от страха. Что случилось?

– Это я тебя хотела спросить, что случилось?! – прокричала я, но, увидев, что испуг в глазах Лауры сменяется беспокойством, резко замолчала. Попятившись назад, наткнулась на кресло и рухнула в него, будто подкошенная.

Это какой-то адов день... Который, несмотря на то, что уже почти перешел в новый, все никак не закончится. В моей тихой жизни можно насчитать не так уж много «адовых дней», но этот, похоже, решил побить все рекорды по непонятным, страшным и грустным происшествиям.

А мы-то с Раулем всего лишь отдохнуть хотели... Опять возникло ощущение, как и летом, будто я попала в реалити-шоу. Но, увы, шоу, устроенное жизнью, ни в какое сравнение не идет с режиссированным.

– Ты меня напугала, Лаура, – призналась я.

– Я что, опять упала в обморок? – встревожилась она.

– М-м-м... Почти.

Рассказывать, что произошло на самом деле, мне не хотелось. Надо поговорить с Раулем! Как же беспечно поступил он, не предупредив, что с Лаурой может случиться такой приступ! И, похоже, даже Давид не в курсе этой ситуации: я видела, как искренне он был напуган и удивлен. Рауль должен был, ради сестры, сказать хотя бы мне! Научить, что делать! А вдруг он и сам не знает, что с Лаурой случаются такие вещи. Что с ней?

– То есть... как это «почти»? – не поняла Лаура, таращась на меня глазами-маслинами.

– Тебе, похоже, стало нехорошо, – осторожно произнесла я, чувствуя неловкость из-за того, что приходится скрывать часть правды. – Как ты

себя чувствуешь?

– Слабость какая-то...

– Нужно вернуться в постель. Пойдем, я тебя провожу!

– Не надо, я сама, не беспокойся, Анна.

– Не могу не беспокоиться! Ты меня здорово напугала!

– Прости.

– Побывать с тобой? Если хочешь, я принесу тебе воды или кофе.

– Нет, нет, ничего не надо, – покачала головой Лаура. Поднялась из кресла и направилась к своей комнате. – Пожалуйста, не беспокойся. Со мной все хорошо. Я только хочу спать.

– Уверена, что тебе не нужна помощь?

– Уверена. Рауль еще не вернулся?

– Нет, – ответила я. И как ни пыталась, все же не смогла скрыть горечи в голосе. Лаура глянула на меня то ли сочувственно, то ли с беспокойством. А я, вспомнив взгляд, тон, которым она мне говорила о том, что Рауль сейчас с другой девушкой, подумала, что *та* Лаура не имеет ничего общего с этой, настоящей.

– Разбуди меня, когда придет Рауль.

– Он не вернется до утра, – сорвалось у меня с языка.

– Почему? – удивленно спросила Лаура.

– Ну... Ты сама сказала, что он задержится до утра.

Девушка глянула на меня так, словно я произнесла несусветную глупость.

– С чего ему там задерживаться так долго? Когда придет, разбуди меня, пожалуйста.

Я пообещала, что так и сделаю, и она пошатывающейся походкой направилась к себе.

– Лаура? – с беспокойством окликнула я, напуганная ее видимой слабостью. – Давай я с тобой посижу?

– Спасибо, Анна. Но я действительно хочу спать. Не беспокойся.

Она ушла, а я сделала круг по гостиной. Как странно все... Взяв одеяло, я вернулась в спальню и включила оставленный на тумбочке телефон. Нет даже сообщений. Вновь позвонила Раулю, но его аппарат оказался отключенным. Очень хорошо! Вернее, очень плохо...

Как скоротать эту ночь, не гадая, где Рауль, с кем он и чем «занят»? Подозрения и ревность отравят меня раньше, чем наступит утро.

Не знаю, что именно имел в виду Савелий, предупреждая об опасности, но угроза уже точно нависла – над нашими с Раулем отношениями...

Что он говорил о сгоревшей комнате? Лучше думать об этом, чем о Рауле.

Я встала с кровати, прошлась по комнате, вспоминая слова Савелия. Он произнес странную фразу про то, что истоки зла нужно искать в подвале, а не в сгоревшей комнате. Ничего не понятно, но лучше уж ломать голову над этим ребусом, чем...

Я решила, что нужно разузнать историю этого дома. Однажды мне помог рекламный буклет, где всего лишь маленькая заметка дала ответ на многие вопросы. Что, если поискать упоминание о доме в книгах из каменной библиотеки? Или в коробке с рекламными проспектами?

Но только я подошла к двери, чтобы выйти в гостиную, как оставленный на тумбочке мобильный известил о принятых одно за другим сообщениях. Думая, что они от Рауля, я метнулась к аппарату. Но когда открыла первое, с трудом удержалась, чтобы не отшвырнуть телефон с таким отвращением, будто он внезапно превратился в ядовитую змею. Эти сообщения, присланные с незнакомого номера, ужалили и отравили меня не хуже кобры.

«Привет, Анна! Это Ракель. Ждешь Рауля? А как тебе этот спящий ангелочек? Так сладко уснуть можно только после... да ты сама знаешь...». Далее шли два снимка, снятых на мобильный телефон. Рауль общим планом – спящий на чужом диване. Уснул он в своей любимой позе – на животе, выпростав из-под укрывающего его до шеи пледа голую до локтя левую руку. Можно было обмануть себя слабым утешением, что сфотографировали его еще в те времена, когда он был вместе с Ракель. Но уже следующий снимок, на котором крупным планом оказался запечатлен профиль Рауля и лежащая рядом с лицом на подушке кисть его руки, ставил крест на этих ложных надеждах: на руке Рауля были заметны свежие царапины от когтей Булки.

Телефон опять пискнул и завибрировал. Я вздрогнула и машинально нажала на кнопку, открывая принятое сообщение. «Не спишь? – писала Ракель. – Я бы на твоём месте тоже не спала... Когда Рауль проснется, передам ему от тебя привет!» И прежде чем я отключила телефон, он принял еще одно смс: «Говорила же тебе, что он всегда ко мне возвращается. Целую, красотка! Не расстраивайся!».

Tus mil perdones, perfectos traidores
capaces de hacerme no ver m@б@s all@б@

«Твои тысячи извинений – прекрасные предатели, способные ослепить меня...» – крутилось в голове, но эти слова обретали для меня уже другой смысл. Похоже, на самом деле для Рауля «вечными» останутся чувства к Ракель, что бы между ними ни происходило... Ее извинения – его прощения. «Между нами случалось всякое... И я многое ей прощал...» – вспомнились мне его слова. Ракель, вечная Ракель, красотка Ракель... Стерва, дрянь, дьяволица!

Я отключила телефон и аккуратно, хоть и хотелось швырнуть его об стену, сунула в карман. Но больше, чем угробить мобильник, я желала вырвать из груди собственное сердце и расшибить его о каменную стену. Может, так оно перестанет болеть? Не будет ошибаться? И никогда не попадетя в одну и ту же ловушку? Сколько дыр на нем уже выжгла эта кислота-ревность? Ненавистное чувство! Я дожила до двадцати семи лет, а испытала его впервые. Оно пришло, когда я познакомилась с Раулем. Я прожила пять счастливых, как считала, лет замужем и, узнав об измене, почувствовала что угодно, но только не ревность. Я просто не успела ее ощутить. Оправившись от развода, я поклялась себе сделать все возможное, чтобы не испытывать подобного опустошения. Но даже представить не могла, что самая изощренная пытка приготовлена впереди – любовь, идущая рука об руку с ревностью.

Первым порывом было уехать без объяснений. Уйти пешком, поймать попутку... А вместо объяснений переслать Раулю сообщения Ракель.

Но все же я решила благоразумно дождаться рассвета. Утром я соберу вещи и уеду. Домой. В Москву.

*...Que me perdone lo poco que quedí aquí dentro,
lo poco que te am@й@ de m@н@...
Pero me sobra lo nuestro...*

*..Да простит меня то малое, что остается внутри,
То малое от того, что я так любил,
Но для меня наша связь – лишнее...*

Беда не в том, что ты делаешь, а в том, что я об этом забуду и... продолжу тебя любить. Где бы я ни находилась. С кем бы ты ни был.

* * *

Заманить ее в ловушку не составило труда. Я даже не ожидала, что это будет так просто. Но девушка, отравленная ревностью, переполненная отчаянием, схватилась за последнюю надежду, как за соломинку. Поверила в историю, «рассказанную» мной. Как поверила и я в свое время. И пусть не все вышло, как хотелось, но я не рассчитывала даже на такой успех. Использовала свой единственный шанс и... выиграла!

* * *

Когда я спустилась, стол уже накрыли для завтрака. Веселый шум, царивший в столовой, суета, обмен шутками и репликами – все это казалось таким чужим, таким далеким, что мне захотелось развернуться и уйти. Но Моника, так некстати глянувшая в мою сторону, проявила интерес:

– Доброе утро, Анна!

Ее тон – бодрый, как и сияющее свежестью и благополучием лицо, показался солью, просыпавшейся на рану, и жгучим перцем стал вопрос:

– А Рауль не вернулся?..

От ответа меня избавило появление Давида и дружное восклицание радости, с каким встретили парня. Давид вышел из кухни, неся в каждой руке по большому плоскому блюду с омлетами, аппетитно золотистыми, со сливочным блеском на поверхности. Пока Давид зычным голосом призывал усаживаться за стол, пока все, с грохотом отодвигая тяжелые стулья, рассаживались, у меня появилось время успокоиться и мимикрировать под общую атмосферу. На лицо я нацепила выражение благополучия и беззаботности, на губах появилась доброжелательная улыбка, с которой я поблагодарила Нурию за протянутую мне тарелочку с порцией.

Омлет получился восхитительным. Но ела я без аппетита, словно жевала промокашку. Не участвуя в общем разговоре и даже не прислушиваясь, думала, как бы мне уехать, не тратя силы и время на объяснения и споры с Раулем. Я взглядом поискала за столом его сестру и не увидела.

– А Лаура и Рауль где? – словно прочитала мои мысли Сара. И все выжидающе посмотрели на меня, будто я знала ответ. Я, конечно, знала его наполовину – где, вернее, с кем, находится Рауль, но озвучивать вслух не собиралась.

– Лаура, наверное, еще спит, – предположила я. – А Рауль... Скоро

приедет, думаю. У него все хорошо, не стоит беспокоиться.

Но, видимо, перегнула палку с беззаботностью тона, потому что поймала на себе настороженный взгляд Давида. Парень ничего не сказал, отвернулся и положил в тарелку Нурии поджаренный кусочек хлеба.

Когда мы заканчивали завтрак, входная дверь открылась, и на пороге появился Рауль.

– О! – закричала Моника. – Значит, ключи, как мы и думали, у тебя?

– Какие ключи? – не понял Рауль, проходя к столу и останавливаясь напротив подруги. – От машины Давида?

Выглядел он неважно. Небритое лицо бледное, под глазами – круги. Волосы неаккуратно топорщатся, но не потому, что Рауль их, как обычно, взъерошил с гелем, а словно забыл причесаться после пробуждения. Почувствовав мой взгляд и будто прочитав мысли, Рауль вытащил из кармана куртки левую руку и ею немного пригладил вихры. Помогло это, правда, мало.

– От дома! Не можем найти, подумали, что ты их увез, – пояснила Моника.

– Нет, зачем они мне? – устало спросил Рауль, выкладывая на стол перед Давидом ключи от машины.

– Странно! – громыхнул тот. – Мы тут сидим взаперти, мне даже курить пришлось в окно! А ты как ни в чем не бывалоходишь и заявляешь, что ключи от дома не у тебя! Два вопроса: где они? И как ты сюда вошел?

– Дверь не заперта, – пожал плечами Рауль. Скользнул голодным взглядом по столу, оценивая выставленные блюда, и поднял глаза на меня. Но в момент, когда наши глаза встретились, вдруг отвел взгляд, будто сбежал. Словно чувствовал за собой вину и желал отодвинуть момент объяснения как можно дальше. Так сделал мой бывший муж. Я не стала «пытать» Рауля взглядом и уткнулась в свою тарелку. Наколов на вилку какой-то кусочек, сунула его в рот, проглотила, так и не разобрав, что мне попало – омлет ли, ветчина или сыр.

В это время Марк, сидевший ближе всех к двери, встал и подергал ручку.

– Заперто! – объявил он, с таким видом обводя взглядом собравшихся, будто сейчас продемонстрировал чудо вроде хождения по воде.

– Ну не знаю, – сказал Рауль, подцепляя пальцами с общего блюда ломтик ветчины. – Может, дверь легко открыть снаружи, а изнутри – никак.

– Обычно бывает наоборот, – не сдавался Марк, и его глаза за очками заблестели в ожидании предположений и версий случившегося. Но его

оборвала Моника:

– Оставьте человека в покое! Главное, что Рауль вошел, а не остался снаружи! Не видите, какой он уставший? А ключи найдутся, куда денутся! Рауль, завтракать будешь?

– Нет. Потом. Мне бы в душ и немного отдохнуть...

«Неужели у Ракель не выспался?» – съехидничала я про себя. Подняв голову, вновь встретилась с ним взглядом, но на этот раз сама отвела глаза.

– Ночка выдалась горячей? – сыронизировал Давид.

– Даже не представляешь, насколько...

Я, не удержавшись, громко хмыкнула, и с невозмутимым видом принялась допивать какао. Но, к счастью, оглянулись на меня лишь Давид с Раулем.

– Что там с Манэлем? Давид сказал, что опять приступ, – тихо спросила Нурия.

– Манэля пришлось госпитализировать, – вздохнул Рауль. – К сожалению, насильно.

– О боже! – воскликнула Нурия с жадным любопытством, предвкушая интересные подробности.

Но Рауль не оправдал ее ожиданий:

– Потом расскажу. Сейчас нет желания.

– Рауль, хватит таскать куски! Садись, и нормально позавтракай! – воскликнула Моника, заметив, что он опять протянул руку к блюду с ветчиной. – Омлет будешь? Я принесу тарелку.

– Нет, не буду, Моника. Спасибо. Не беспокойся. Пойду наверх. Анна, ты со мной?

– Зайди к Лауре, – сказала я, игнорируя вопрос. – Она просила разбудить ее, как только ты приедешь. Ей накануне стало плохо.

– Что случилось? – встревожился Рауль. И пока присутствующие объясняли ему ситуацию с Лаурой, я незаметно встала и поднялась в спальню.

Все же разговора не избежать – даже обмена банальными фразами типа приветствий. Оправданий. Объяснений. Не зная, куда себя девать, чем занять, нервничая, открыла шкаф и принялась укладывать в сумку вещи. За этим занятием и застал меня Рауль.

– Анна, что ты делаешь?

Я не увидела – почувствовала, что он встал за моей спиной. Но проигнорировала его вопрос, продолжая доставать с полки одежду.

– Ты заходил к Лауре?

– Постучал, но она не ответила. Вошел без приглашения и увидел, что

она спит. Будить не стал, решил зайти позже.

– Ей была нужна твоя помощь, пока ты ее... другим оказывал, – с издевкой, намекая на Ракель, произнесла я. За спиной раздался тяжелый вздох.

– Анна... Оставь сумку в покое. Никуда ты не уедешь.

– Ты меня непустишь? – с медовой улыбочкой развернулась я. Рауль стоял, ссутулив плечи и сунув руки в карманы куртки.

– Ты не сможешь выйти: дом заперт, ключи потерялись, а в такие узкие окна даже тощая Лаура не пролезет.

Он наклонился, подхватил мою сумку одной рукой и поставил ее на самую верхнюю полку. После чего прошел к кровати, вытащил из заднего кармана джинсов маленький сверток, положил его на тумбочку и сел.

– Анна, давай поговорим спокойно, без истерик.

– Я спокойна. Когда ты видел меня в истерике? – усмехнулась я, хотя внутри все сжалось в плотный комок от слов, в которых мне послышался вдруг другой смысл. Подумалось, что сейчас Рауль признается, что провел ночь с Ракель и возвращается к ней. Так уже было, было! Мне отчетливо вспомнилось, как мой бывший муж с похожим выражением на лице – усталости, досады и с ощущением собственной правоты – сидел на кровати в нашей спальне и бросал слова-камни, говоря, что полюбил другую, провел ночь у нее и уходит от меня. Я словно испытала дежавю, и на глаза навернулись слезы. Не хватало еще расплакаться! Только не это! Я гордо вскинула подбородок.

– Я тебе звонил, чтобы объяснить, где я и зачем. Но у тебя был отключен мобильный. Потом я не смог говорить, а когда увидел твои пропущенные звонки, не стал перезванивать, потому что в этот час ты уже спала.

– С чего ты решил, что я спала? Я, может быть, тебя дождалась...

– Мне очень жаль, что так вышло! Я не хотел уезжать, ничего не объяснив. Но мне пришлось уехать так срочно, что не осталось времени на разговор. Надеюсь, Давид тебе объяснит...

– Он мне объяснил. Это так благородно – поехать спасти свою бывшую девушку от ее больного брата! Как будто больше некому.

– В этот раз действительно оказалось некому. У Манэля случился приступ, когда с ним осталась только Ракель. Она бы одна не справилась.

– Говорю же – как благородно!.. – Я вновь вернулась к шкафу и, дабы себя чем-то занять, но больше, чтобы спрятать выдававшие мои чувства глаза, принялась укладывать обратно вытащенную, но так и не уложенную в сумку одежду. – Только ты, единственный в мире спаситель, способен

помочь бывшей девушке! А потом заодно ее и утешить!

– Даже не знаю, до чего мы сейчас так с тобой договоримся... – с досадой вздохнул Рауль. – Анна, я же говорил, что Ракель для меня – прошлое! Я задержался так, потому...

– Я знаю, почему ты задержался! Вот, сам смотри!

Я схватила с тумбочки мобильный, нашла сообщения Ракель и сунула телефон Раулю прямо под нос.

– Как ты это объяснишь?!

Он, взяв из моих рук мобильный, просмотрел все сообщения Ракель. Брови его вначале сошлись в хмурую галочку над переносицей, потом взметнулись вверх, будто Рауль удивлялся. И вдруг он расхохотался.

– Ай да Ракель! – воскликнул он, поднимая на меня глаза, от смеха посветлевшие. – Эта ведьма не перестает меня восхищать!

– Ну так и восхищайся ею и дальше! – мне стало очень обидно. – А я возвращаюсь в Москву! Здесь мне делать нечего.

Рауль оборвал смех и прожег меня взглядом.

– Почему ты веришь Ракель? – не в первый, надо сказать, раз, – и не веришь мне? Почему не веришь мне опять, хотя уже убедились в том, что в тот раз, когда она меня оговорила, правду говорил я?

– Рауль, я не Ракель верю, а тому, о чем все шепчутся вокруг. Почему-то я то и дело натываюсь на обрывки разговоров твоих друзей о Ракель, будто она все еще с тобой.

– И от кого ты это услышала? Понятно, от Чави... А еще от кого?

– Не важно. Главное, так говорят. Даже твоя родная сестра пришла и сказала, что ты не можешь забыть Ракель.

– Лаура такое сказала?! – воскликнул он. – Вот уж неправда, так неправда!

– Но тем не менее.

– Я поговорю с сестрой!

– А смысл?

– Выясню, какая мошка ее укусила!

– Это не какая мошка укусила ее, а какая укусила, вернее, поцеловала тебя?

– Не понял...

– Это вот что? – с усмешкой, хоть больше всего мне хотелось плакать, ткнула я легонько пальцем в небольшое пятнышко на его шее – чуть ниже уха, но выше воротника куртки. Туда, куда любила целовать его я. Туда, куда любил он, чтобы целовали его. «Отметина» была слишком характерной. Ни с какой другой не спутаешь. Молодец, Ракель! Просто

фотографиями не ограничилась! «Пометила территорию», передала мне «привет».

– О чем ты? – машинально коснулся шеи Рауль.

– О засосе! И не говори, что это тебя Манэль поцеловал!

– Целовать меня могла только ты!

– Разве? – «удивилась» я. – С Ракель вы обошлись без поцелуев?

– Чувствую, сейчас нам бесполезно разговаривать, – перебил Рауль резким тоном. – Когда остынешь, поговорим.

– Я спокойна. Но говорить с тобой потом мне вряд ли захочется.

– Как хочешь... Я тоже меньше всего настроен спорить с тобой, оправдываться за то, чего я не совершал, уговаривать. Я не в том настроении. Сейчас мечтаю только о горячем душе и об отдыхе. Но если потом у тебя появится желание спокойно общаться и, главное, слушать меня, поговорим.

Я скептически хмыкнула, но добилась только того, что Рауль вдруг вспыхнул:

– Знаешь, я уже сомневаюсь в том, что мы сможем как-нибудь это преодолеть – твою ревность! С твоим недоверием и нежеланием меня слушать! Долго ли так протянем? Не уверен! Я тебя очень люблю, но каждый раз пробиваться через стену недоверия будет сложнее и сложнее! Ты веришь кому угодно, только не мне! Я сожалею, что у тебя в жизни случилась ситуация с изменой мужа. Но моей вины в том нет, Анна! Я – не твой бывший муж! Мне и правда сейчас не до споров.

Он встал с кровати, сердито хмуря брови и избегая смотреть на меня. Рывком расстегнул молнию на куртке и затем осторожно вытащил из кармана правую руку. И я увидела, что она перебинтована, но мгновением раньше заметила, что светло-синие джинсы Рауля спереди заляпаны бурными пятнами, похожими на высохшую кровь. Что случилось?! Все колкие слова, которые я собиралась в горячке выпалить в ответ, застряли в горле. Я будто с разбега наткнулась на стену – не только остановилась, но и, получив хороший удар по лбу, опомнилась.

Рауль повел плечами, стряхивая с них куртку, и после того, как ему удалось почти полностью избавиться от нее, аккуратно стянул рукав с забинтованной руки. Затем с теми же предосторожностями принялся снимать свитер. От растерянности, потому что совсем не ожидала увидеть Рауля раненым, я не бросилась помогать ему. А он меня не попросил о помощи.

– Что с тобой?! – испуганно спросила я уже после того, как Рауль бросил свитер на кровать. Сейчас, когда он остался в футболке, я увидела,

что рука перебинтована почти до середины предплечья. И несмотря на плотную повязку кое-где проступила кровь.

– Порезался.

Не давая больше никаких объяснений, Рауль прошел в ванную. Я чуть помедлила и отправилась следом. Он отвернул кран с водой, левой рукой наскоро умыл лицо и потянулся к полочке за зубной пастой.

– Что? – заметил он мое присутствие.

– Что у вас там произошло?

– Если ты имеешь в виду меня и Ракель, то ничего. Ничего из того, что нарисовало твое воображение.

– Я не о Ракель, а о том, как ты порезался?

– Разбил стекло в серванте.

– О господи... – охнула я. – Сильно?..

– Вдребезги.

Отвечал Рауль мне будто из одолжения, коротко и сердито, но я не отставала:

– Я имела в виду, сильно ли ты поранился?

– Какая разница, – буркнул он. Но, перехватив мой испуганный взгляд, скользнувший по запачканным кровью джинсам, сказал уже более спокойным тоном:

– Порезал только руку.

Я вошла в ванную, чтобы не маячить больше в дверях, и, прислонившись плечом к стене, вновь спросила о том, что случилось в доме Ракель.

– Ты же не захотела меня выслушать! – напомнил Рауль, выдавливая на щетку зубную пасту. Я промолчала. Он бросил на меня пару взглядов, видимо, под моим «надзором» почувствовал себя неудобно.

– Как я принимаю душ, тоже будешь смотреть? – усмехнулся он, закончив чистить зубы. – Тогда уж присоединяйся! В совместных водных процедурах есть что-то такое... эротическое, не находишь?

– У тебя сейчас плохо получается остричь, – сказала я, подавая ему полотенце.

– Это потому, что я умираю от усталости.

– Ложись спать.

– А вдруг пока я буду отдыхать, ты удерешь? Опять? – вдруг хитро улыбнулся Рауль. – Нет уж, буду тебя стеречь.

И я почувствовала, что меня «отпускает».

– Никуда я не убегу, – улынулась я в ответ. – Дом же заперт. А ключи потерялись... И мою сумку ты закинул на самую верхнюю полку.

– И правильно сделал. Интересно, почему каждый раз доказывать тебе, что я не виноват, нужно в буквальном смысле кровью? – ворчливо отозвался Рауль, присаживаясь на край ванны и беря меня за запястье. – Иди сюда.

Он усадил меня к себе на колени, обняв так крепко, что я почти не могла вздохнуть, зарылся лицом в мои волосы и затих.

– Эй? – тихонько позвала я, когда Рауль присидел, не шевелясь, уткнувшись в мой затылок, уже довольно долго. – Ты там что, уснул?

– М-м-м? – тихо «переспросил» он, не меняя позы.

– Спишь?

– М-м-м... – ответил Рауль и только еще крепче обнял меня.

– И что мне с тобой делать, если ты так уснешь?

– Сфотографировать и отправить снимок Ракель, – сонно пробормотал он, не ослабляя объятий.

Но вдруг покачнулся и, чтобы удержать равновесие, разомкнул руки, выпуская меня. Я проворно вскочила на ноги, а Рауль вцепился в край ванны. И тут же, отдергивая правую руку, на которую неосторожно оперся, выругался.

– О господи, Рауль! – испуганно воскликнула я, увидев, что его лицо исказила гримаса. – Больно?

– М-м-м... – промычал он.

Могла бы и не спрашивать.

Присев перед ним на корточки, легонько коснулась пальцами его голого локтя.

– Ничего, сейчас пройдет... – пробормотал Рауль, не меня напряженной позы – чуть подавшись вперед корпусом, прижимая к себе раненую руку и поглаживая ее. Уткнувшись лбом в мой, он тихонько выдохнул и замер, словно ребенок, нашедший успокоение у материнской груди.

– Сильно болит? – встревоженно спросила я, заключая Рауля в кольцо объятий и смыкая пальцы в замок на его пояснице.

– Уже проходит. Не волнуйся.

– Ты меня напугал.

– Говорю же, ничего страшного.

– Не только сейчас напугал. Вообще... – под этим обобщением я имела в виду все, что произошло накануне вечером, ночью и уже этим утром.

– Ничего себе отдых, да? – тихо засмеялся Рауль. Его теплая ладонь легла мне на затылок, пальцы ласково перебрали волосы. Я, совсем как он недавно, вздохнула и еще крепче обняла его. Рауль поцеловал меня в лоб и

легонько пошевелился, желая сесть ровно. Заглянув ему в лицо, наконец-то осознала, что он действительно сильно устал. «Иди отдыхать», – хотела сказать я, но Рауль меня опередил:

– Вчера вечером позвонила встревоженная Ракель и сказала, что Манэль ведет себя странно. Выяснилось, что он уже несколько дней не принимал лекарства: заявил, что здоров и не нуждается в таблетках. Так уже было, когда Манэль однажды сам «отказался» от терапии. Но в тот раз его удалось уговорить не поступать опрометчиво. Он даже сам согласился лечь в клинику и пройти курс терапии. Сейчас же Ракель, оставшись с братом одна на несколько дней – их родители на неделю отправились в путешествие, не смогла убедить Манэля в необходимости принимать лекарства. Более того, не сразу узнала о его «забывчивости». Встревожилась лишь, когда Манэль завел старую песню: у него на щеке вскочил прыщ, и парень решил, что это внедренный «спецслужбами» под кожу чип. Ракель позвонила мне с просьбой повлиять на брата и уговорить обратиться за медицинской помощью. Она была напугана. Торопливо рассказала, что болтала с подругой по телефону, когда в комнату зашел Манэль и стал кричать, что сестра общается с «агентами» и хочет выдать место нахождения брата. Ракель пришлось торопливо закончить разговор. Кое-как успокоив Манэля, она улучила момент и позвонила мне.

– Почему она не позвонила в клинику доктору Манэля?

– Праздники, Анна. В это время многие разъезжаются на каникулы. Ракель позвонила мне, чтобы мы вместе отвезли Манэля на добровольных началах в дежурную службу.

Я сорвался, отсюда до дома Ракель – два часа дороги. Мало ли что может за это время приключиться? И точно, когда я приехал, Ракель была напугана до полусмерти. Манэль успел выкинуть в окно трубку радиотелефона и с угрозой заявил сестре, что если она еще раз свяжется со «спецслужбами», то он и ее выкинет.

– Могла бы вызвать врачей на дом... – проворчала я, но на какое-то мгновение испытала к Ракель сочувствие. Не хотелось бы мне оказаться в квартире одной с одержимым навязчивыми идеями родственником!

– Не знаю, рассказал ли тебе Давид...

– О случае, когда Манэль чуть не выпрыгнул в окно?

– Да. Ракель боялась повторения той ситуации, поэтому и позвонила, надеясь, что со мной брат успокоится. Как обычно. Но Манэль увидев меня, разнервничался еще больше, отказываясь верить, что я – его друг, а не подсланный «агент». Мне с трудом удалось убедить беднягу в том, что я – это я, и не собираюсь проводить с ним экспериментов, и вообще не к

нему пришел, а с Ракель поболтать. Но вдруг раздался звонок моего мобильного, и это вновь вывело Манэля из равновесия. Он стал кричать, чтобы я убирался вон. Пришлось отключить телефон, чтобы не нервировать друга случайными звонками. И опять все сначала – уговоры, заверения в том, что я не подсланный «агент»... В какой-то момент мне показалось, что Манэль успокоился, но только я сделал к нему шаг, как он схватил стул, грохнул им о пол и закричал, чтобы я не приближался. Я спокойно сел на диван и стал разговаривать с Манэлем так, как будто мы собрались с ним просто провести время за кофе. Стал пересказывать какие-то новости, спрашивать мнения по поводу новой песни – то есть говорить все те вещи, которые мы с ним обычно обсуждаем при встречах. Настороженность не прошла, но он уже не нервничал, как поначалу. Взгляд его теплел. Я мысленно обрадовался. Да рано. У Ракель сдали нервы, и она, улизнув из комнаты, закрылась на кухне, чтобы вызвать бригаду врачей. Представляю, как оператор начал задавать ей вопросы, которые нервничающему человеку кажутся лишними, но помогают «рассортировать» обращения: возраст пациента, сколько времени он не принимает таблетки и так далее. Предполагаю, что Ракель, не выдержав, закричала, что сумасшедший брат угрожает расправиться с ней. И оператор, посчитав случай опасным, направил и бригаду медиков, и полицейский экипаж. Я об этом не знал. Манэль успокоился и даже дал согласие поехать к врачу. Я немного подыграл ему, пообещав, что в больнице смогут вытащить «чип». Манэль только попросил не отвозить его в клинику, где он наблюдается, – там его считают сумасшедшим. И почти успокоился после моих заверений, что мы едем в госпиталь, где работаю я. Там тоже есть психиатрическое отделение. Манэль доверительно пожаловался, что «чип», то есть прыщ на щеке, сильно беспокоит, и попросил «оценить» размеры. Я подошел к Манэлю... И в это время на пороге комнаты показались полицейские. Всего одна секунда испортила все. Манэль мгновенно пришел в ярость – от страха. Закричал, что я – «один из них». Схватил меня за горло...

Рауль коснулся пальцами своей шеи, как раз того места, где был отпечаток, похожий на засос.

– То еще кино. Ракель закричала, полицейские бросились к нам. А Манэль, запаниковав, отшвырнул меня. В весовых категориях мы с ним находимся одинаковых, но в состоянии приступа силищи у него прибавляется в разы. Конечно, Манэль не специально толкнул меня на стеклянную дверцу, сервант просто оказался рядом...

Замолчав, Рауль опустил взгляд на пораненную руку. Осторожно

разогнул и согнул, насколько позволяла повязка, пальцы. И грустно усмехнулся:

– Все произошло на глазах полицейских, и ничего другого нельзя было сделать, только взять Манэля силой и транспортировать его в госпиталь. Полицейские спросили, хочу ли я заявить на друга... Господи. Нет, конечно. Но все равно ситуация уже закончилась не так, как могла бы закончиться. И это мне причиняет боль. Я не виню Ракель. Она очень сильно испугалась и сделала то, что подсказывал инстинкт самосохранения.

– Но как после такого у нее еще возникло желание «невинно пошутить»? В голове не укладывается!

– Тут уже мне не стоило забываться. Ситуация выбила меня из колеи, потеряв бдительность, не учел способность Ракель ударить «ножом в спину». Так же как ты летом поверила ей, посчитав, что человек, которому спасли жизнь, не станет врать своему спасителю, так и я не подумал, что Ракель воспользуется ситуацией. Я не собирался задерживаться у нее после того, как мы вернулись на такси из больницы. Хотел уехать сразу, но засомневался, что не усну за рулем. Меня «вело» после бессонной ночи, кровопотери и анальгетиков, и я попросил Ракель приготовить мне чашку крепкого кофе. Пока она возилась на кухне, прилег на диван и сам не заметил, как уснул. Ракель, конечно, и не подумала меня разбудить. Вот так я и оказался в ее «постели»... Не знаю, сколько я проспал, похоже, не один час. Вскочил и помчался сюда. Стал звонить тебе... Потом – Давиду, Чави, Монике. Но то ли вы сговорились, то ли в этом доме пропала связь, но прозвониться было невозможно.

– Да? Не знала, – удивилась я. – Ночью мы пытались связаться с тобой, но ты не отвечал.

– Сожалею... Правда, – сказал он, глядя мне прямо в глаза. Взгляд у него был уставшим, глаза – покрасневшими. Самое лучшее для него сейчас выспаться.

– Ладно, Рауль, – я коснулась ладонью его небритой щеки. – Принимай, как ты и хотел, душ, и отдыхай.

– Куда ты? – схватил он меня за запястье, когда я развернулась, чтобы уйти.

– Разве не ты жаловался на то, что устал и хочешь отдохнуть?

– Я, – согласился Рауль.

– Тогда в чем дело? – улыбнулась я.

Он разжал пальцы, освобождая мою руку и с тревогой спросил:

– Что ты собираешься делать? Когда я усну?..

– Не бойся, не сбегу, – засмеялась я. – Куда я денусь из запертого дома и... от тебя.

– Ты мне веришь? Хотя бы сейчас?

Вместо ответа я с улыбкой протянула ему руку и взяла его ладонь в свою.

...Знакомый путь, по которому я передвигалась шагами-поцелуями – кончики пальцев, ладонь, опять пальцы – каждый по отдельности. Длинные пальцы музыканта, приводившие меня в восхищение. Пальцы, которые знали наизусть все мои родинки, впадинки, изгибы. Как умело и уверенно обращался Рауль с гитарой, так в совершенстве овладел «нотной азбукой» моего тела, создавая каждый раз новые мелодии. С каким вдохновением писал он песни, с таким создавал музыку в моей душе, касаясь знакомых ему секретных точек – в разной последовательности, не повторяясь.

– Не уходи, пожалуйста...

– Не уйду.

– Те quiero... Я тебя люблю...

Услышала ли я его слова, произнесенные на двух языках, или прочитала их во взгляде, услышала в биении сердца, когда он прижал меня к груди? Почувствовала ли в поцелуях, разгадала в прикосновениях к моему телу?

Упругие теплые струи воды разбивались о плечи Рауля и разлетались мелкими брызгами, и лишь избранные капли застывали, переливаясь, на бронзовой коже. Я стирала ладонями водный бисер, и на месте стертых капель тут же возникали новые – и так бесконечно. А пальцы Рауля уже перебирали мои мокрые волосы, целовали мое лицо, ласкали шею, спускались ниже по спине, возвращались к плечам.

Брызги воды... Брызги любви.

Мое «я тебя люблю» перекликалось с его «te amo». И пусть звучали признания по-разному, произносили мы их на одном языке – языке любви.

Рауль уснул первым, а я еще долго лежала без сна, поглаживая его по голому плечу и легонько касаясь губами шершавого подбородка. Как мне хотелось, чтобы время остановилось, как это произошло вчера, когда я ожидала вестей от Рауля! Но нет, оно будто решило наверстать упущенное и мчалось с тройной скоростью. Ну почему так? Что за необъяснимый феномен: когда я в разлуке с Раулем, время растягивается до вечности, но стоит мне оказаться с ним рядом, оно непостижимым образом сжимается до мгновения.

Уткнувшись носом Раулю во впадинку между ключицами, я уснула. И

то ли недавний рассказ Лауры о ее странном сне отпечатался в моем подсознании, то ли в этом доме и впрямь была нехорошая энергетика, но я вновь увидела кошмар.

Я брела по бесконечному коридору с прозрачными стенами, за которыми ничего не виднелось. На мне было невесомое платье серого цвета с приталенным корсетом и многослойной юбкой, с каждым моим шагом осыпавшееся на прозрачный пол странными хлопьями. Когда я коснулась одной из оборок, и она от легкого прикосновения рассыпалась, с ужасом поняла, что платье сделано из пепла. От подобного открытия я замерла на месте, боясь пошевелиться. И пусть платье меня не согревало (от этого холода, выстудившего не только коридоры, но и внутренности, не могла бы спасти и шуба – казалось, воздух, который я выдыхаю, сразу превращается в кристаллики), но оно скрывало мою наготу. Чуть я задержалась на месте, и босые ноги пронзило болью от холода. Надо бежать. Ценой осыпающегося платья.

Я не сразу заметила эти пятна. Только когда наступила на что-то теплое, глянула под ноги и увидела, как по полу тянется цепочка красных брызг размерами с бусины. Оглянувшись, обнаружила оставленную за собой ту же кровавую цепочку. Кто-то раненый, человек или зверь, прошел здесь до меня. А может, он оставил мне такой знак? Пометил выход. И я побежала, стараясь не наступать на капли.

А они увеличивались в размерах, превращаясь в маленькие лужицы. И я остановилась так резко, будто налетела на прозрачную стену. Тот, кто прошел передо мной, выводит меня из коридоров ценой собственной жизни. Я присела над одной из лужиц и занесла над ней ладонь с растопыренными пальцами, будто собиралась накрыть ее. От крови еще чувствовалось еле уловимое тепло. Чья-то остывающая жизнь.

Вскочив на ноги, я побежала так быстро, как могла, иногда оскальзываясь на лужицах. Успею ли? Успею ли увидеть того – человека или зверя, – кто выманивал у холода мою жизнь в обмен на тепло своей крови?

Когда впереди мелькнул свет – не этот неживой, а теплый, льющийся снаружи, – я увидела полупрозрачную фигуру. Тот, кого я увидела, стоял ко мне спиной, но я узнала его.

– Рауль... – беззвучно прошептала я, но он меня услышал и плавно повернулся. Солнечный свет, льющийся из проема, проходил через его призрачный образ без препятствий. Рауль молча посторонился, словно желая указать мне выход.

– Нет, – покачала я головой, в ужасе прижимая ладони к голой груди. Я

не уйду отсюда одна. Там, в другом мире, мне нечего делать без Рауля. Мир для меня живой, если там есть любимый.

Но Рауль настойчиво указывал полупрозрачной рукой на выход. Он вел меня к нему, оставляя в качестве меток свою кровь, до тех пор, пока потерял ее всю и, обескровленный, сам стал частью прозрачного мира.

– Уходи...

– Рауль?! – в ужасе закричала я.

– Я здесь, – сказал он вдруг, не размыкая губ. Его голос, однако, звучал слишком бодро для призрака. И прямо над ухом.

– Рауль!

– Да тут я, тут.

Ощувив теплое прикосновение к щеке, я открыла глаза. Рауль – настоящий, а не приснившийся, лежал рядом и успокаивающе гладил меня по лицу.

– Ты... – шумно выдохнула я.

– Ну что ты раскричалась? Куда я денусь?

– Мне приснился кошмар...

– Понял уже. Но что бы ты ни увидела, это был всего лишь сон.

– Какое счастье!

– Может, теперь уберешь когти? – ворчливо попросил Рауль. – Они у тебя, похоже, острее, чем у Булки.

Я вопросительно вскинула брови, недоумевая, при чем тут наш кот. И с опозданием поняла, что вцепилась мертвой хваткой парню в руку. Слава богу, не в раненую.

– Прости, – смущенно пробормотала я, увидев, что на его коже остались глубокие «впадинки» от моих ногтей.

– Ладно уж... Видно, что-то тебе и впрямь страшное приснилось. Опять фабрика?

– Нет. Нет.

Рауль приподнялся на локте, потянулся к тумбочке и взял мобильный телефон. Глянув на экран, удивленно присвистнул:

– Ого! Обед мы с тобой, принцесса, проспали. Уже время полдника. А я еще даже не завтракал. И вчера остался без ужина. Как ты думаешь, долго я протяну на такой «диете»? Надеюсь, что нам оставили хоть что-нибудь из еды.

– А я очень надеюсь, что ключи нашлись, и мы наконец-то сможем выйти.

– Куда они денутся? А если не нашлись, позвоним хозяевам, чтобы нас открыли.

– Рауль... – окликнула я его. – Давай уедем отсюда. Мне здесь не нравится. Компания твоих друзей очень милая, но мне хочется больше времени проводить с тобой. И этот дом... он почему-то наполняет меня беспокойством.

– Хорошо, – после легкой заминки ответил Рауль. И, улыбнувшись, попросил: – Только вначале поедим, ладно?

– Но перед этим узнаем, как твоя сестра.

– Господи... – хлопнул себя по лбу Рауль. – Совсем забыл, что хотел к ней зайти!

Мы торопливо оделись, и уже собрались выходить, как в дверь постучали.

На пороге стояла Лаура. И ее цветущий вид стал ответом на наше беспокойство. Более того, выглядела Лаура совершенно не так, как мы привыкли видеть ее. Спортивной модели свитер она сменила на короткое платье из тонкой шерсти с облегающим лифом и расклепанным подолом. Зная манеру Лауры одеваться, можно было бы предположить, что она наденет короткое платье только с узкими джинсами, как, я видела, носили местные девушки, превращая элегантный стиль в спортивно-молодежный. Но она обулась в высокие сапоги прямо на голые ноги. Блестящие волосы нарочито небрежными волнами разбросаны по плечам, глаза подведены черным карандашом, а ресницы, похоже, покрашены, потому что они, и без туши длинные, сейчас казались накладными, как в театральном гриме. Яркий румянец на щеках, чуть подкрашенные губы, блеск в глазах – и от Лауры невозможно было отвести взгляд.

– Ой, – только и сказал Рауль, удивленно уставившись на сестру, которая картинно замерла на пороге в эффектной позе – опершись рукой о дверной косяк и изогнувшись в талии.

– Ой, – растерялась Лаура. И выпрямилась. – Что это с тобой?

– Гм... – пробормотал, приходя в себя, Рауль. – А с тобой?

– Ты про платье?

– И про него тоже. Но вообще-то про минувшую ночь. Что произошло?

– То же самое и у тебя спрашиваю, – кивнула Лаура на перевязанную руку брата. – Не Ракель ли тебя покусала?

– Я подожду вас в гостиной, – сказала я. Пусть Лаура расскажет брату про обморок без меня.

В ожидании Рауля с Лаурой я бегло просмотрела все книги на полках в надежде найти какую-нибудь информацию о доме. Но безуспешно. Тут были старые романы, какие-то справочники, пара альбомов с репродукциями Дали и все. Может, что-то интересное обнаружится среди

рекламных буклетов? Дом интриговал меня. Казалось, что хранит он немало секретов. Была бы я писательницей, а не переводчицей, уже непременно придумала бы какую-нибудь историю, произошедшую в этих стенах. Начала бы со звонка Савелия... Или нет, с того, что собрались друзья в старом доме на отдых... Или нет, пожалуй, с услышанной во сне фразы бабушки про зеркала. Они и правда обманывают – отражают то, чего нет.

– Принцесса, о чем задумалась? – окликнул меня Рауль. – Идем?

Когда Лаура ушла вперед, я спросила у него про ее самочувствие.

– Говорит, что прекрасно, – пожал плечами Рауль. – А обморок... Возможно, духота сыграла злую шутку, или у Лауры резко понизилось давление... Если такое повторится, отправлю ее к врачу. Но не думаю, что она больна. Скорее всего это был разовый случай.

Я не стала расспрашивать Рауля подробнее, ясно, что Лаура здорова.

Тогда что же с ней было ночью? После обморока?..

Обед нам действительно оставили. Давид – царь и бог на кухне – любил, когда к его произведениям относились с должным уважением, считал, что еда существует не только для утоления голода, но и для наслаждения и ритуал приема пищи должен быть соответствующе обставлен. Поэтому нас ожидали не просто остатки еды в кастрюлях и сковородах, а с заботой разложенные по салатницам и тарелкам порции, украшенные зеленью и какими-то декоративными ягодами, заботливо накрытые пищевой пленкой. Но мы были так голодны, что вряд ли в полной мере оценили эстетическую сторону творений Давида.

И как наше появление в столовой было встречено радостными возгласами, ироничными замечаниями по поводу долгого уединения, перемежавшимися попытками узнать, что случилось с Раулем, так и аппетит, с которым мы набросились на еду, тоже подвергся шуткам. Но мы были так заняты едой, что на реплики почти не реагировали.

Из разговоров стало ясно, что ключи не нашлись, а позвонить хозяевам дома невозможно, так как в помещении пропала мобильная связь – сразу всех возможных операторов. Рауль, услышав это, вытащил из кармана телефон, набрал какой-то номер, послушал и убрал мобильный.

– Что, не веришь? Думаешь, мы тебя разыгрываем? – проворчал Давид.

– Рауль, точно не ты вчера увез ключи? – спросила Моника. – Может, прихватил и выронил где-то?

– Моника, я их вообще не видел! И если бы ключи увез я, как

объяснить то, что дом оказался заперт? Думаешь, я вышел, закрыл вас и уехал?

– А вдруг, – усмехнулся Давид. – В качестве ответной шутки. И продолжаешь разыгрывать. Ведь обратно же вошел как-то...

– Зачем мне так шутить? – возмутился Рауль и даже опустил вилку с наколотым на нее кусочком мяса.

– Сам ведь сказал, что не успокоишься, пока не отомстишь нам за «привидения».

– Давид, меня вчера «разыграли» покруче, чем вы со своими половниками и простынями, – с усмешкой ответил Рауль, то ли намекая на лишь нам известную «шутку» от Ракели (о да, в мастерстве «разыграть» она переплюнула Давида!), то ли на все события минувшей ночи. – Ключи нужно спрашивать у того, кто дом запирает!

– В том-то и дело, что его никто не закрывал! – воскликнула Сара. – Когда Чави выходил курить, дверь еще была открыта. Спихнулись только после ужина.

– Ну, – развел руками Рауль. – Если это не ваш розыгрыш... Тогда не знаю, разве что тут призраки водятся и двери запирают, и ключи прячут. В общем, или ключи сами обнаружатся в каком-нибудь неожиданном месте, или появится связь и будет возможность позвонить хозяину, или мы сидим здесь оставшиеся дни и ждем, когда владелец дома придет за платой. Благо, еды надолго хватит. Последний вариант, конечно, уже крайний, но, думаю, до него дело не дойдет.

– Не дойдет, слишком поздно будет... – вдруг проговорила Лаура тихим, но весомым голосом, так, что ее услышали все. Она стояла у входной двери, ко всем спиной и, приподнявшись на цыпочках, потянувшись вверх, насколько позволял ее маленький рост, она попыталась достать рукой до чего-то на дверном стекле. При этом ее коротенькое платьице обнажило бедра почти до ягодиц.

– Что ты хочешь этим сказать? – недоброжелательным тоном осведомился Давид. Вид голых ног девушки, казалось, не произвел на него никакого впечатления. В отличие от Чави, который приковал к Лауре, а, вернее, ее бедрам, восхищенный взгляд и опомнился, лишь когда Сара ревниво дернула его за рукав рубашки.

– А то и хочу сказать, что если мы отсюда не выберемся в самое ближайшее время, то тут и останемся. Навечно, – обернувшись, самым что ни на есть серьезным тоном ответила Лаура.

– Зря вчера врача не вызвали. Похоже, упав, ты серьезно тюкнулась головой, – вздохнул Давид.

Я решила, что Лаура по привычке сейчас огрызнется, но она вдруг ласково улыбнулась и медовым голосом пропела:

– Давид, дорогой, да ради того, чтобы вновь оказаться в твоих объятиях, я бы еще не раз так «тюкнулась».

Реакция на подобное заявление была вполне логичной: Нурия стрельнула в Лауру настороженным и одновременно злым взглядом, Давид выронил из рук пачку сигарет, а Рауль, который в этот момент поднес стакан к губам, поперхнулся водой. Я же подумала, что Лаура начала новую войну, только теперь не против Давида, а за него. И, похоже, соглашаясь на приглашение брата, она на что-то рассчитывала: а как еще объяснить, что среди ее вещей оказалось платье – не самая подходящая одежда для полевых условий?..

* * *

Я опоздала. Зло захлопнуло мышеловку. И сколько еще удастся протянуть жертвам, зависит от того, решило ли оно сожрать их сразу или немного поиграть, как кошка с мышкой.

Я тоже оказалась в ловушке. Но мир, в котором я жила, научил меня многому. Двигаться. Сражаться. Мне предстоит биться – за свою вновь обретенную жизнь, за мою победу, за любовь мужчины.

Если успею.

Зло наступает. Разлагает все доброе, на что падает его тень. И люди в доме уже отравлены его гнилостным дыханием.

Не знаю, спасусь я или погибну вместе со всеми. Пожалуй, я бы предпочла смерть – настоящую, – чем возвращение в мой замороженный ад.

Но я еще поборюсь. И пусть сложилось не все, как хотелось, я поняла, что так даже лучше. Эта девушка мне поможет... А потом умрет. Потому что вместо нее должна возродиться я.

* * *

После ужина почти все остались в столовой, решив скоротать время за игрой в карты. Вынужденный арест и невозможность выйти на улицу сказались на общем настроении. Ужин прошел не в таком весело-шумном гуле, какой раздавался обычно за столом, а в напряженном молчании,

нарушаемом лишь просьбами подать то соль, то оливковое масло. Не удавались шутки, разговоры гасли, не успев разгореться, не раздавались похвалы нашему шеф-повару. Впрочем, и сам Давид сидел с таким задумчивым видом, будто его совершенно не касалось происходящее.

Игра меня не привлекала, и когда ко мне подошла Моника и предложила поговорить о наследстве, я с радостью согласилась, Рауль примкнул к остальной компании.

Мы с Моникой уединились на кухне, приготовили по чашке кофе и сели на придвинутые к разделочному столу высокие табуреты.

– Тебе этот дом не кажется слишком безликим? – спросила вдруг Моника, размешивая сахар в чашке.

– В каком смысле? – не поняла я.

– В нем нет и намек на личную жизнь бывших хозяев. Возможно, ты не обратила внимания, ведь этот дом – первый, где ты побывала. Но на нашем счету он уже не знаю, какой. И в каждом доме всегда было что-то живое, уютное, когда складывается впечатление, что ты живешь не в гостинице, а приехал к знакомым погостить. Здесь же, несмотря на то, что нас и вином угощают, и постарались обеспечить всеми удобствами, дом какой-то... нежилой. Казенный. Конечно, может быть, дело в том, что его лишь недавно отреставрировали, и мы – одни из первых постояльцев. Но, обустривая дом, будто забыли позаботиться о такой важной детали, как погружение в его историю. Вот ты заметила, например, что на стенах отсутствуют какие-либо картины, фотографии? За исключением того ужасного натюрморта в комнате с пианино. В домах, где мы останавливались прежде, частенько встречались фотографии бывших хозяев, какие-то их личные вещи – вышитые руками хозяйки картины, трубки хозяина, инструменты... А здесь все вещи мне кажутся собранными из разных мест. Не знаю, как объяснить тебе мои ощущения, Анна. Да, я обращаю внимание на детали, и в этом месте их явно не хватает. Это «казенный» дом, переделанный для туристов в гостиницу чужими, не хозяйскими руками. Вот такие мои ощущения.

Я призналась в своей попытке найти хоть какие-то упоминания об этом месте среди находящихся в библиотеке книг.

– Вот, ты точно заметила, что не хватает информации! – обрадовалась Моника, найдя в моем лице понимающую собеседницу. – Это огромное упущение! Ведь на сайте тоже мало рассказывается... Словно этот дом купили ради выгоды, и новые хозяева о нем ничего не знают и озабочены лишь тем, чтобы просто сдавать место под отдых, но не сохранять историю дома, «рассказывая» ее через предметы и детали. Кстати, чем-то подобным

со мной поделились и Сара с Лусией. Значит, я не одна такая.

– А ты не знаешь, что напугало Сару? – поинтересовалась я.

– Конечно, знаю! – ответила Моника с таким видом, будто возмущена моими сомнениями в ее полной осведомленности во всех сферах жизни. – Когда она брала из буфета тарелки, ей показалось, что из зеркала на нее глянуло незнакомое девичье лицо. Всего лишь мгновение, и наваждение исчезло, а бедная Сара напугалась до крика. Но, думаю, ей всего лишь это показалось.

– Лусии вообще «показалась» фигура заходящей в комнату девушки, – вспомнила я.

– Да? Точно, что-то такое она говорила.

– Может, отсутствие семейных фотографий решили компенсировать фамильным призраком? – пошутила я. Моника улыбнулась и напоямила:

– Кстати, о фамильных делах... Займемся твоим наследством!

Я рассказала ей, что нам с двоюродной сестрой, которая, как и я, проживает в Москве, досталось наследство от дедушки в испанском поселке Санрок: дом и давно не работающая полуразрушенная фабрика, главной ценностью которой являлась земля. Мэрия поселка уже давно засматривалась на этот участок, желая использовать его под новые застройки, и предлагала купить за неплохие деньги. Но со вступлением в права наследования оказалось немало сложностей. Во-первых, хоть дедушка и постарался заранее оформить на нас с Марией бумаги, не все вышло так легко, как ему бы хотелось. Во-вторых, нас волновал налог на наследство. Но самая главная сложность заключалась в том, что дедушка пропал, тело его найдено не было. И доказательством его смерти являлось лишь письмо, направленное им еще до гибели доверенному лицу о том, что он по собственному желанию принял решение уйти из жизни. И вот что нам теперь с этим всем делать?

Моника слушала меня, не перебивая. Хоть и видно было по ее лицу, что возникло у нее немало вопросов.

– У меня есть копия того письма, – сказала я. – Тут, с собой. Постоянно ношу в сумочке.

– Стоит взглянуть! – оживилась девушка.

Я поднялась на второй этаж и застала неожиданную картину. В кресле, забравшись с босыми ногами и эффектно сложив их так, словно желая выставить напоказ в самом соблазнительном виде, сидела Лаура. Коротенькое платьице задралось, обнажая бедра, но это, похоже, совсем ее не смущало. Как не смущало и оголенное плечо, выглядывающее в широкий вырез. Опершись одной рукой на локоть и притулив щеку на

ладонь, Лаура с легкой полуулыбкой наблюдала за выступающим перед ней Чави. Поза парня тоже заслуживала внимания: Чави стоял перед креслом, в котором сидела девушка, на одном колене, невольно вызывая ассоциации с готовым исполнить серенаду перед балконом средневековой красавицы кавалером. Впрочем, Чави не только собирался исполнить «серенаду», он уже играл что-то на гитаре – не столько самой Лауре, сколько ее коленкам.

В тот момент, когда я поднялась на этаж, Чави закончил игру и обратился к девушке:

– Красотка, вместе – я и ты, мы бы могли совершить великий переворот! Если бы ты согласилась играть в нашей группе, мы взорвали бы мир! Мировая слава – разве тебя это не привлекает? У тебя столько талантов...

Он красноречивым взглядом скользнул по голым ногам девушки.

– А если создать собственную группу! О, мы заткнули бы за пояс не только твоего брата с его несговорчивостью, но и рок-легенды! Ты только послушай эту тему...

И Чави вновь, тряхнув дредами, страстно забренчал на гитаре, не заметив усмешки, которой «наградила» его «сеньорита» за пламенную речь.

Это могло бы выглядеть комичным... но такие «игры» до добра не доведут. Однако, ничего не сказав, напротив, постаравшись проскользнуть мимо парочки как можно незаметней (Чави, увлеченный игрой, меня так и не увидел, а Лаура послала мне самую невинную улыбку), я скрылась в спальне.

И как вести себя в этой ситуации? Чави, похоже, совершенно наплевать на то, что рядом находится его девушка. Он в открытую завел «брачные танцы» вокруг Лауры, которая такое поведение друга брата только поощряет. Если бы Лаура сверкала коленками перед Давидом, я бы еще нашла объяснения... Но при Чави? Разве что только она надумала таким путем вызвать ревность любимого человека...

Позабыв, что внизу дожидается Моника, я прошла в ванную и отвернула кран с холодной водой. Но даже умывание не помогло остановить лихорадочное метание мыслей. Что делать? Наверное, лучше не вмешиваться. Но если Лаура раздражит Чави до того, что он совсем потеряет голову и... вломится к ней, ночующей в одиночестве, в спальню? Мне не понравился плотоядный взгляд Чави, которым он «облизывал» коленки Лауры.

Потихоньку вызвать сюда Рауля, чтобы он сам «как бы между прочим» увидел эту сцену? Но телефон по-прежнему был нем и глух.

Я спохватилась, что моя задержка может выглядеть слишком подозрительной. Вдруг Моника, не дождавшись меня внизу, поднимется сюда? С ее правдолюбием она, увидев вместе Лауру и Чави, не промолчит. И быть тогда скандалу. Я торопливо завернула кран, вышла из ванной, нашла копию письма. Но не успела убрать сумку на место, как услышала донесшийся из коридора пронзительный визг и нецензурные слова, которые выкрикивал нервный женский голос. И голос явно не Лауры.

Опоздала! Похоже, Чави с Лаурой застали-таки в компрометирующей ситуации. Моника? Сара? Новый скандал с Лаурой в центре. Накрыться простыней и отползти в овраг...

Визг и ругательства быстро привлекли внимание: много ли времени надо, чтобы бросить игру и стремительно взлететь наверх? Меньше, чем полминуты. Не успела я высунуться из комнаты, как гостиная наполнилась голосами. Мои худшие предположения подтвердились: открыв дверь, я увидела воинственно наскაკивающую на Чави Сару, которую пытался удержать Давид. Но девушка была так разгневана, что даже несмотря на тонкое сложение и, напротив, крепкое – Давида, парню удавалось с трудом удерживать ее. Чави тоже не стоял на месте и не молчал: размахивая руками, как ветряная мельница, он пытался перекричать свою разгневанную подругу. Вокруг него кругами ходили Рауль с Марком, пытаюсь утихомирить, но приблизиться к Чави у них не получалось из-за его мелькавших рук, а уговоров он не слышал. Крики Нурии и Моника тоже тонули в визгах Сары и ругани Чави. В дверях испуганно жалась друг к другу Лусия с Серхио.

И только Лаура продолжала сидеть в кресле, почти не изменив позы, и наблюдала за всем с искривившимся в полуухмылке ртом. Увидев выражение ее лица, я вздрогнула: похожее я видела минувшей ночью. И сейчас девушка будто получала удовольствие от происходящего, словно разворачивающаяся сцена ее развлекала!

В какой-то момент Марк неосмотрительно приблизился к Чави и получил такой сильный удар по лбу, что отлетел в соседнее кресло. К нему бросилась испуганная Моника. И в этот же момент Саре удалось вырваться из рук Давида. Подскочив к Чави, она с размаху залепила ему звучную пощечину.

– Вот тебе! – звонко выкрикнула Сара, вновь замахиваясь, тогда как ее бойфренд, выругавшись, поднял руку, то ли желая предупредить новый удар, то ли в горячке замахиваясь на подругу. Подскочивший вовремя Давид резким рывком оттащил Сару назад, а среагировавший одновременно с ним Рауль успел схватить Чави за локти.

– Хватит! – рявкнул Давид, удерживая брыкавшуюся девушку. – Хватит!

И в наступившей тишине слышались всхлипывания. Но не Сары, а Моники.

– Совсем с ума посходили! – прокричала она, обнимая Марка и глядя его по ушибленной голове.

– Моника, успокойся. Не заводи всех снова, – отрезал Рауль. Отпустив Чави, он наклонился над Марком. – Сильно досталось?

Парень помотал головой. Рауль, оглянувшись, нашел меня взглядом и попросил:

– Анна, принеси, пожалуйста, что-нибудь холодное. И полотенце. А также стакан воды для Моники.

Я прошла сквозь поредевшую толпу, отметив, что Сары и Чави уже нет. На кухне вытащила из морозильника какой-то пакет, схватила висевшее на крючке полотенце и набрала в стакан воды.

– Не знаешь, что там произошло? – раздался за моей спиной тихий голос. От неожиданности я чуть не выронила стакан.

– Ой, извини, я не хотела тебя напугать, – воскликнула стоявшая за мной Лусия.

– Ничего, все в порядке, – приветливо улыбнулась я ей. – А что произошло, не знаю. Вышла, как и многие, на крики.

– Похоже, Сара застала Чави откровенно флиртующим с Лаурой...

– Не знаю, Лусия, – развивать тему и строить предположения мне не хотелось. – Я пойду наверх, отнесу Монике воды.

– Да, да, конечно, – спохватилась девушка и посторонилась, пропуская меня.

Моника почти успокоилась и только тоненько всхлипывала, глядя на сидевшего в кресле с видом героя Марка. Рауль что-то говорил им обоим, но, услышав мои шаги, оглянулся, взял у меня стакан с водой и подал его подруге:

– Держи.

Я протянула Марку завернутый в полотенце холодный пакет, и он приложил его к ушибленному лбу.

– Зачем ты вообще приехала? – услышала я за своей спиной наполненный с трудом сдерживаемым гневом голос. Оглянувшись, увидела, что над Лаурой стоит Давид, сжимая в кулаки пальцы вытянутых по швам рук.

– Ты знаешь, – глядя снизу вверх ему в глаза, ответила Лаура, и чертовка легонько коснулась кончиком языка своей верхней губы.

– Бесстыжая! – выплюнула злобно Нурия – то ли в ответ на эту шалость Лауры, то ли из-за Сары и Чави.

– А я бы, моя дорогая Нурия, на твоём месте прикусила бы язычок, – отозвалась Лаура глухим голосом и растянула рот в жуткой улыбке, знакомой мне с минувшей ночи. – Иначе о твоём секрете станет известно всем, и в первую очередь Давиду!

– О чем ты? – быстро спросила Нурия.

– О том, что лежит черным пятном на твоей душе!

– Пойдем, Нурия, – взял под локоть подругу Давид. Оглянувшись на Лауру, он послал ей на прощание уничтожающий взгляд.

Следом за этой парой в свою спальню ушли и Моника с Марком. Остались мы втроем.

– Завтра, слышишь, завтра же с утра мы отсюда уедем! – нехороше-тихим голосом проговорил Рауль, обращаясь к сестре.

– Вряд ли. Даже если доживем до утра.

– Что ты такое говоришь?!

Но Лаура, не удостоив брата ответом, уже встала и направилась к своей спальне. Походка у нее была пошатывающейся, как и ночью.

– Рауль... – прошептала я, пытаясь указать на то, что с Лаурой что-то не так. Но девушка уже скрылась за дверью, а парень был так рассержен, что не обратил внимания ни на походку сестры, ни на мое восклицание.

Остаток вечера все провели по своим комнатам. Один раз, спустившись на кухню, чтобы выпить воды, я заметила, что на столе до сих пор рассыпаны карты – так, как их бросили игроки, срочно прервавшие партию из-за криков. Я невольно задержалась возле стола, рассматривая картинки и «рубашки». Что происходит в этом доме? Откуда взялось безумное напряжение, которое ощущается даже кожей? Мне показалось, что воздух будто потрескивает.

Рауль отзывался о своих друзьях с теплотой, его рассказы о выходных в старинных домах мне казались завораживающими. Именно из-за его описаний дружеско-семейной атмосферы, царящей в их компании, смешных проделок, которыми они развлекаются, я и пожелала поехать. Мне так хотелось стать частью этой семьи!

Наблюдаемое сейчас никак не соответствовало рассказам Рауля.

Я взяла первую попавшуюся карту, лежащую «рубашкой» и перевернула. Дама пик. Взяла другую – десятка пик. Еще одну – девятка, и опять же пик. Значит это что-то или просто я вытянула карты из стопки, в которую то ли случайно, то ли специально собрали одну масть? Не знаю. Я не умею читать карты, но в том, что вытянула одну за другой карты черной

масти, читалась некая символичность.

Как жаль, что до сих пор нет мобильной связи! Если бы я могла позвонить Арине, спросить совета у Савелия...

Проходя мимо буфета, я невольно содрогнулась: мне вспомнились дрожание чашек и рассказ Моники об увиденном Сарой в зеркале лице. Жуть жуткая, особенно страшно думать об этом сейчас – одной, на выстуженной и плохо освещенной кухне.

Я выпила воды и почти бегом вернулась в спальню, где меня ожидал любимый. К нему, в его объятия.

– Не понимаю, какой бес вселился в Лауру, – удрученно пробормотал Рауль, забираясь в кровать. Но не лег, а сел поверх одеяла по-турецки. – Она хоть и своенравная, но на подлости не способна. Честно говоря, я уже сильно жалею, что пригласил ее. Не думал, что она будет сеять раздор, опасался лишь их совместного с Давидом нахождения под одной крышей. Но никак не ожидал, что из-за Лауры разгорятся два скандала. Вообще не предполагал, что в нашей компании могут возникнуть такие конфликты! Мы всегда отдыхали душа в душу, без споров, разногласий, ругани. Мне очень жаль, правда, очень жаль, что ты увидела совсем другую картину, совершенно не свойственную для нас! Я чувствую себя так, словно попал в чужое общество. Не понимаю, что происходит!

Беспокойства и недоумения у нас были одними и теми же. Впрочем, как, наверное, сейчас у всей компании.

– Чави, к примеру, я знаю много лет, – продолжал Рауль, глядя не на меня, а на свои пижамные брюки. – За ним водится такой грех: любит покрасоваться перед девушками. Но я никогда не слышал и слова плохого от него о Саре. А уж чтобы он на нее замахнулся... Это просто нонсенс! Сара же – бесконфликтная девушка. Может, она и ревнует Чави, не обделенного женским вниманием, но я никогда не видел, чтобы она устраивала такие громкие сцены. А ведь кричала так, будто застала Чави в постели с Лаурой, не меньше. Что он сделал? Пофлиртовал немного с моей сестрой... Даже не столько флиртовал, сколько играл ей на гитаре. Ну да, Лаура сверкала коленками... Виновата. Но... Лаура – не кокетка. Она – «пацанка», сорванец, а вовсе не соблазнительница. Я знаю, как сестра ведет себя с парнями, откровенное заигрывание – не ее метод. Интриговать она не умеет, сталкивать лбами – духу не хватает. Все ее грехи – уколоть репликой Давида да поспорить со мной, и то несерьезно, в половине случаев все же она ко мне прислушивается. Лаура хоть и чертенок, но добрая и отзывчивая девушка! Знала бы ты, как она мне помогала, когда я уже в депрессию впадал в больнице и от однообразия, и от такого долгого

лежания! Если бы не Лаура... Она вообще такая – за все переживает, волнуется. Не может она сеять раздор и получать от этого удовольствие! Что с ней случилось?..

Я решила рассказать Раулю о минувшей ночи и странном поведении Лауры, но Рауль поспешил закрыть тему:

– Ладно, поговорю с Лаурой завтра. Давай, Анна, спать.

Я торопливо переоделась в пижаму, а когда повернулась к кровати, увидела, что Рауль, думая, что я не смотрю на него, осторожно поглаживает правую руку. Видимо, потревожил ее, когда останавливал Чави.

– Беспокоит? – встревожилась я.

– Нет, – слишком поспешно ответил он и, дождавшись, когда я лягу в кровать, погасил свет.

* * *

Я впервые за долгое время увидела сон. И это событие больше, чем способность вновь различать запахи и вкусы, ощущать кончиками пальцев шершавость каменных стен, чувствовать кожей, а не душой, холод и тепло, уверило меня в том, что я вновь обрела жизнь – жизнь в теле. Я – человек, такой же, как любой из этой компании, я могу говорить так, что меня слышат, я могу прикасаться к чужим рукам, могу улыбаться, могу, наверное, плакать... И все же увиденный сон куда красноречивей указал мне на то, что я стала живой.

Мое прошлое, которое, казалось, навсегда осталось утерянным в прозрачных коридорах, возвращалось ко мне не в виде воспоминаний, а в виде снов. На самом деле такой была моя выцветшая в памяти жизнь, или нет, но у меня не осталось других «жемчужин», и увиденный во сне день я приняла как когда-то прожитый.

Я словно наяву ощутила на языке кислоту козьего сыра, съеденного на завтрак, сладость виноградного сока, слизанного с бока раздавленной в пальцах ягоды, соль оказавшейся на моих губах капельки пота, катившегося по моему лицу от жары и усердия, горечь... Сладкую горечь моей первой любви.

Но, главное, главное, я вновь увидела мою бедную матушку и ее длинные музыкальные пальцы, проворно отодвигающие широкие листья, мешающие срезать виноградные кисти. И грубые и жесткие от работы ладони моего отца, в которых он протягивал мне на пробу наше сокровище – налитые спелым соком темные ягоды, вобравшие в себя

рассветную росу и солнечные лучи. Ягоды, которые обещали превратиться в капли сладкого и терпкого вина с изумительным букетом оттенков.

Дни во время сбора урожая начинались до рассвета. Я поднималась хмурая и бледная, сетуя, что в такую рань даже пташки еще видят свои короткие сны. На кухне хлопотала бодрая матушка, нарезаая для завтрака толстыми ломтями свежий хлеб и козий сыр, одновременно заворачивая бутерброды к обеду – то с картофельным омлетом, оставшимся от ужина, то с чоррисо, то с ветчиной. А отец уже размешивал в огромной кружке сахар. Пять кусочков – это мне вспомнилось так отчетливо, будто только этим утром я готовила кофе для моего родителя.

Я ворчала на ранний подъем: все равно сбор урожая не начинали до тех пор, пока на ягодах не высохла роса. И отец, как всегда в таких случаях, отвечал, что виноград, словно король, требует особого уважения – раннего подъема и преклонения.

И мы день за днем стояли пред нашим капризным кормильцем на коленях, словно в молитве, с утра до заката. И делали перерыв только в редкие дождливые дни: влажные ягоды легко подвержены порче, и сусло из них окажется разжиженным, что испортит вкус вина.

Эта работа – сбор винограда – никогда не казалась мне увлекательной, напротив, рутинной, тяжелой, утомительной. Обрезая кисть за кистью, укладывая каждую с особыми почестями, перетаскивая за собой тяжелеющие ящики, размазывая по коже пот пополам с земляной пылью, отчего лицо делалось смешно-полосатым, мы медленно переходили из часа в час, из ряда в ряд. А конца поля не видно, как не видно конца и тяжелому дню. И даже то, что на подмогу нашей семье приходили тетки, двоюродные сестры и братья, не развлекало меня. Чаще всего я работала в молчании, витая в мыслях далеко-далеко, мысленно сочиняя истории и «рассказывая» их вымышленным слушателям. Я путешествовала в своих мыслях по нафантазированным мною странам, в которых бесстрашные принцы спасали меня – прекрасную принцессу – от различных опасностей или я сама бросалась избавлять мир от проснувшихся Чудовищ. Но в тот день, который я увидела во сне, мое путешествие оказалось куда более дальним, захватывающим, волнующим, потому что совершала я его в глубину моего сердца, пораженного ранее неизведанной болезнью – любовью. И каким мучительным было это путешествие! И одновременно приятным. Опасным и, напротив, дарующим мне бесстрашие. Я не слышала, о чем переговаривались и шутили вокруг меня двоюродные братья и сестры. Впрочем, они, привыкшие к тому, что я почти всегда

находилась погруженной в свои мысли, не тревожили меня разговорами. А родители... Родителям в тот момент было все равно, где гуляют мои мысли, им куда более важным казалось, чтобы мои руки проворно срезали с лозы виноградные кисти и укладывали их с такой осторожностью, будто они сделаны из дорогого фарфора.

Сегодня мне работается легче. И ящик кажется почти невесомым. Ибо отец вчера сказал, что его старинный друг с семьей придут в поле. Видеть моего ангела так близко... Работать с ним бок о бок... Когда еще тяжелый труд казался желанной наградой?

Я высматриваю Анхеля – не идет ли он. И от волнения, смешанного со страхом, что планы изменились и друг отца передумал, раздавливаю, не замечая, в руках ягоды. И получаю замечание от матери. Отвлекаюсь на нее, бормоча оправдания. А когда вновь бросаю взгляд на край поля, наконец-то вижу идущую меж рядов процессию. Я сразу узнаю его – ангела. Голова Анхеля закрывает на какое-то мгновение солнечный диск за его спиной, и создается странный оптический обман, будто вокруг головы его – нимб. Я не могу отвести взгляд от высокой фигуры, белой панамы в руках Анхеля. Я так жажду увидеть его, что даже привстаю, не думая о насмешках, которыми меня могут осыпать проницательные двоюродные братья. Мне все равно. Я вижу его – моего ангела. Анхеля. И знаю, что в этот день король-виноград окажется сверженным с трона и преклонять колени я буду перед другим божеством...

Когда Анхель приближается ко мне, я вижу, что его черты не такие тонкие, какими мне представлялись, напротив, изящная переносица оказывается безобразно-широкой, а губы утратили четкость линии, кажутся бесформенными и расплывчатыми. Его лицо некрасиво, но мне видится прекрасным из-за огромных и черных, словно виноград, глаз и винного, сулящего опьяняющую терпкость цвета губ.

Я кладу в рот раздавленную ягоду и будто чувствую на своих губах сладость желанного поцелуя. Но когда собираюсь окликнуть проходящего мимо Анхеля, из моего сердца вдруг вырывается другое имя...

* * *

Прospала я мало: разбудил меня Рауль, который, видимо, не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, периодически стаскивал с меня одеяло, вздыхал, приподнимался и вновь с шумом укладывался. Не знаю, сколько терпела эти мучения, но спокойствие мое иссякло, и я сердито буркнула:

– Рауль, хватит вертеться!

– Прости. Больше не буду.

Но выдержал он лишь минуту и вновь завозился. Я села на кровати и включила свет:

– Рауль... – упрекнула его.

– Извини!

Под сбитой простыней обнажился матрас, подушка вообще оказалась на моей половине. А сам Рауль лежал на спине и держал на весу забинтованную руку.

– Болит?

– Мне просто не спится, – беззаботным тоном ответил он, поднимаясь. – Пойду посижу, чтобы не мешать тебе.

Он погасил свет, прошел к креслу и с легким шорохом опустился в него.

– Все, не буду тебя тревожить. Спи, – донеслось из темноты.

Рауль и правда больше не крутился, не ерзал, не вздыхал. Сидел так тихо, словно и вовсе его не было. И все же, несмотря на наступившую тишину, я уже не могла спать.

– Рауль? – позвала я через некоторое время.

– М-м-м?..

– Не спишь?

– Нет, – ответил он после некоторой заминки.

Что-то в его тоне мне не понравилось. Я приподнялась на локте и пошарила ладонью по стене в поисках выключателя. Когда вспыхнул свет, увидела, что Рауль забрался в кресло с ногами и сидит, сжавшись от холода. Неудивительно! На ночь отопление отключалось, а на парне были лишь тонкие пижамные брюки и футболка. Но мне показалось, что его еще и знобит.

Правую ладонь он сунул под мышку, а локоть поддерживал другой рукой. Такая напряженная поза, и хмурое, я бы даже сказала, страдальческое выражение лица встревожили меня не на шутку:

– О господи, тебе так плохо?!

– Рука ноет, – нехотя признался Рауль и поморщился – то ли от боли, то ли не желал расспросов. И увидев, что я сажусь на кровати, собираясь встать, торопливо проговорил:

– Анна, не беспокойся! Спи.

– Куда уж тут спать!

Нашла тапочки, обулась, но подошла не к Раулю, а к шкафу.

– Спасибо, – поблагодарил меня Рауль, когда я укутала его снятым с

полки одеялом. Нахохлившейся позой и взъерошенными волосами он напоминал воробышка.

– Рауль, иди в кровать.

– Я не усну. Буду только вертеться и мешать тебе. Лучше тут посижу. Мне уже легче, правда.

– Обманываешь. С чего вдруг стало легче?

– От твоей заботы.

– Давай, Рауль, не спорь. Хочешь ты спать или нет, но тебе лучше находиться в кровати. Обнимемся, и, может, так уснем оба. Я не буду больше говорить, что ты мне мешаешь.

Он выпростал из-под одеяла руку, взял мою ладонь и поцеловал ее.

– Ты – чудо!

– погоди, – воскликнула я, вспомнив, что в косметичке носила какие-то таблетки на случай головной боли. – Кажется, у меня есть обезболивающее.

Таблетки нашлись, и я обрадованно помахала перед Раулем упаковкой:

– Ты спасен!

– О, как хорошо! – оживился он и кивнул на сверток, который положил на тумбочку еще утром:

– Попросил в госпитале пару бинтов, но отказался от анальгетиков, подумал, обойдусь.

– Счастье, что я таблетки не выложила. Подожди, спушись на кухню за стаканом воды.

– Зачем спускаться? – удивился Рауль, поднимаясь из кресла. – Запью водой из крана, и все.

Взяв упаковку с лекарством, он босиком прошел в ванную. А я, поевшись от холода, вернулась в кровать. Но не легла, а села, обхватив колени руками. Сна не было ни в одном глазу.

Рауль вышел из ванной и, подойдя ко мне, набросил одеяло мне на плечи и неловко, одной рукой, укутал, как ребенка.

– Холодно. В этом доме нелады с отоплением: днем жарит, как в аду, а ночью – замерзаем. Посмотрю утром, в чем там дело.

Сев рядом со мной на кровати, он обнял меня и вдруг сказал:

– Ракель бы не стала подавать мне одеяло, искать посреди ночи таблетки и предлагать спуститься за водой.

Видимо, в моем взгляде он прочитал недоумение, потому что поторопился объяснить:

– Я не сравниваю вас. Тут и сравнивать нечего! Говорю, чтобы ты поняла, кто из вас двоих мне дорог.

– Она – красивая, – вырвалось у меня.

– Красивая, – не стал отрицать Рауль. – Ты тоже красавица. Одни твои глаза-изумруды чего стоят... Но любят не только за внешность. Что от той красоты, если души нет?

– Мужчинам, говорят, нравятся такие, как Ракель, красивые и стержовные.

– Правда? – удивился Рауль. – Не знаю, кто так сказал. Явно не тот, у кого были отношения с красивой и стержовой.

– Однако же вы пробыли вместе пять лет.

– Нас связывали не только личные отношения, но и рабочие – я тебе говорил об этом. Хотя некоторые до сих пор и не могут простить мне ухода из группы Ракель, она больше не будет играть с нами. Либо я в группе, либо она.

– Так категорично? – улыбнулась я.

– Так категорично. Единственное, что нас с Ракель связывает и будет связывать – это ее брат. Его я не брошу. И, Анна, тебе это нужно принять... Манэля, а не Ракель. Либо, если не принять, хотя бы понять.

– Я боюсь, что ты вернешься к ней, – сказала я откровенно. – Как уже возвращался раньше.

– Как можно вернуться в разрушенный до пыли дом? – усмехнулся он. – Да, это правда, что мои чувства к Ракель умирали долго и мучительно. Я их и возрождал, и убивал. И снова пытался возродить... Зачем? Не знаю. Может, вдохновение питалось болью? Мои песни, написанные не словами и нотами, а слезами и кровью, исполняемые не голосом, а сердцем, находили отклики у слушателей, завоевывали популярность. Наверное, наши отношения были нужны не столько мне, сколько группе.

– А сейчас? – тихо спросила я, слегка отодвигаясь от Рауля, чтобы заглянуть ему в глаза. – Что, если вдохновение тебя оставит? Ты уйдешь опять искать его... в боли?

– Песни могут рождаться и от счастья, – сказал Рауль серьезно. – А вдохновение нужно искать вокруг: в музыке, в книгах, в словах, в улыбке любимой, в счастливом блеске ее глаз, в солнечном свете, в шепоте дождя, в смехе ребенка... Я же всегда находил его только в своем расплосованном сердце. Но боль ушла, душа наполнилась другой музыкой. Не той, которая заставляет плакать, а той, от которой расцветают улыбки, которая не соперничает плачущим сердцам, а дарит им утешение и надежду. Вот такую музыку мне хочется и писать, и исполнять.

Рауль вскочил и взволнованно заходил по комнате. Разгорячившись, он не замечал ни холода каменных полов, ни свежего воздуха, заставляющего

меня, наоборот, плотнее кутаться в одеяло.

– Ты ревнуешь меня к прошлому, но не знаешь, каким оно было, – продолжил он, прекратив кружение по спальне так резко, как и начал. Присев передо мной на корточки, он обнял мои укутанные одеялом колени и заглянул снизу вверх мне в лицо. – Не веришь мне, думаешь, что я могу вернуться в него... Скажи, а тебе бы хотелось обжигаться об обману, разбиваться о равнодушие, тонуть в слезах, задыхаться в путах фальши, позволять разрывать свое сердце изменами и отравляться, как опиумом, ответными? Хотелось бы?.. Никакое вдохновение не стоит таких истязаний. Назовешь ли ты такие отношения настоящими? К сожалению, я долго считал это нормальным – причинять боль друг другу, не столько любить, сколько воевать. Пока наконец не понял, что дальше так не могу. Я решил поставить точку и взять паузу. Никаких новых знакомств, связей, привязанностей, только музыка...

Я невольно улыбнулась, вспомнив, что подобное желание – взять паузу – тоже испытывала незадолго до знакомства с Раулем.

– Улыбаешься... – проворчал он. – Смешно говорю? Но как еще объяснить тебе, чтобы ты поняла...

– Я не знала о твоих планах – не знакомиться ни с кем, – ответила я. – Иначе вряд ли бы подошла.

– Подошла ты ко мне не ради личного знакомства. И, кажется, раз пять за то время, пока мы говорили, напоминала, что не моя поклонница и не собираешься меня «преследовать». Или что-то в этом духе, – подколот он меня с усмешкой. – Я тоже не думал, что у нас все так выйдет. Даже когда мы уже были вместе, все еще ожидал подвоха: за лаской – оплеуху, за заботой – требование платы. Как раньше. Но узнал, что твое сердце пострадало не меньше моего. Только на моем уже были зажившие шрамы, а твое еще кровоточило свежей раной. И увидел, как у меня... получается его лечить. Я понял, что могут быть другие отношения: с заботой, с любовью в глазах, с беспокойством за любимого человека. Все совсем по-другому! Вот, например, я поранился. Ну, подумаешь, заживет... Но ты тревожишься за меня так, будто я тяжело болен, заботишься.

– Нормальная реакция, Рауль... – пожала я плечами. – Если с любимым человеком что-то не в порядке, как тут не беспокоиться?..

– Вот, – удовлетворенно кивнул он, будто и ожидал от меня подобного ответа. – Но когда я разбился на мотоцикле, довольно серьезно, Рагель навестила меня лишь однажды. Чтобы наговорить неприятных слов. Не остановило ее даже то, что лежал я после операций, мне дышать было больно, не то что говорить, а уж тем более спорить.

Он встал с корточек, но не сел рядом со мной, а так и остался стоять босым на каменном полу.

– После страшного падения начинать вновь ходить непросто, особенно если еще и нога переломана... Но надо, Анна. Через боль, через боязнь вновь упасть, с верой в свои возможности, не отказываясь от помощи. Шаг за шагом, от стенки к стенке... Пока вновь не побежишь. Можно, конечно, сдаться, уйти в свои переживания, отвергнуть подставленное плечо, отгородиться от всех. Но принесет ли это счастье? Избавит ли от боли? Я хочу помочь не тебе, а нам. Ты права, препятствий между нами много, не только наши старые раны. Разные страны, расстояния... Можем сказать, что это слишком сложно – и сдаться сейчас. А зачем продолжать, если сложно? Но можем попытаться. Только не по отдельности, а вместе. Что мне ответишь?

Ответила ему не я, а мой желудок, который на пламенную речь Рауля отозвался вдруг громким голодным урчанием.

– Вот так всегда... – выдохнул Рауль, растерянно разводя руками. – Все высшие помыслы разбиваются о низменные желания. Давид, вроде, нас отлично накормил за ужином?

– Я опять хочу есть! На голодный желудок как-то плохо думается... о расстояниях и прочем.

– Ну, пойдем, – усмехнулся Рауль. – Заодно посмотрю отопление.

На кухне оказалось холодней, чем в спальне. Я зябко поежилась, несмотря на толстый свитер, надетый поверх пижамной кофты, и с неприязнью покосилась на холодильник: казалось, если я открою его, впущу еще больше холода в помещение. Собравшись с духом, будто перед прыжком в ледяную воду, я все-таки открыла дверцу и достала из ящика нарезки ветчины и сыра. После чего заглянула в навесной шкаф в поисках хлеба.

– Все в порядке, – появился на кухне Рауль, вернувшись из хозяйственного блока. – Я отрегулировал отопление. Надо было это сделать раньше.

– Будешь бутерброд? – спросила я.

– Нет, спасибо. Я не голоден, но чего-нибудь бы выпил...

Я повернулась к нему с бутылкой, на треть наполненной красным вином – остатками после ужина.

– Вообще-то я подумал о кофе, – ответил Рауль, забирая из моих рук бутылку. – Но ты права, от кофе мы точно не уснем.

Только мы присели на высокие стулья возле разделочного стола, за нашими спинами вдруг громыхнул голос Давида:

– Тут романтический ужин на двоих или просто так попойнствовать решили?

– И то и другое, – весело отозвался Рауль, не поворачиваясь.

– А, ну не буду мешать...

Я оглянулась на Давида и не сдержала улыбки. Он стоял перед нами в велюровой пижаме дико-зеленой расцветки. Но самое забавное, что на груди и животе оказалась вставка из белого материала, и там, где у человека должно находиться сердце, красовалась ярко-красная аппликация в виде пронзенного стрелой сердечка размером с ладонь.

– Дьявол! – воскликнул Рауль, увидев друга. И разразился хохотом.

– Давид, где такую пижаму взял? – выдохнул он сквозь смех.

– У Нурии спроси, – раздраженно ответил Давид. – Ее подарок на вторую годовщину нашего знакомства. И попробуй не носить! Сразу обиды...

– Ты в ней похож на телепузика! – продолжал веселиться Рауль, кивая на сердечко. – И какую программу сегодня транслируют? Анатомическую?

– Кардиологическую, – процедил Давид. – Промолчать трудно?

– Не просто трудно, невозможно! Ты, главное, Лауре на глаза в таком виде не попадайся, а то она тебе эту пижаму вспоминать до конца жизни будет, – посоветовал, ухмыляясь, Рауль.

– Давай ее сожжем!

– Кого? Лауру?

– Пижаму! – рявкнул Давид. – Хотя по твоей сестрице-ведьме костер тоже плачет.

– Тише, Давид, а то тебя Моника услышит... – засмеялась я. – И за такие слова на костер тебя отправит.

Давид с картинным испугом оглянулся по сторонам и шумно перевел дух:

– Нет ее тут. К счастью. Налейте-ка мне тоже вина! Запить стресс после этого вечерочка.

– С радостью, дорогой Давид, – поднял бутылку Рауль, а я встала и взяла из подноса с вымытой посудой третий бокал. – Только выключи, пожалуйста, «телевизор», пока он нам остальные органы не продемонстрировал.

– Не могу! Антенну заклинило! Закрой рот, Оренсе, а не то я тебе эту пижаму передарю!

Похоже, угроза подействовала. Рауль, наливая вино другу в бокал, сочувственно произнес:

– Не спится тоже, Давид?

– Уснешь тут... И какая мошка всех перекусала?
– Тем же вопросом задаемся.
– Мне еще и Нурия перед сном устроила сцену ревности.
– И?.. – удивился Рауль, поднимая брови. – Разве был повод?
– А ревнивым теткам нужны поводы? Так просто, поскандалила со мной для профилактики. Что с девицами нашими произошло? Похоже, в воздухе витает вирус ревности, заражает, как гриппом.

И он покосился на меня с таким видом, будто это я оказалась источником заразы.

– А-а, дьявол со всем этим... – махнул рукой Давид. – Что-то мне тоже есть захотелось. После переживаний. Там случайно не осталось рыбного супа с обеда?

– Ты как Анна. Она вон тоже так переволновалась, что проголодалась.

Давид встал, заглянул в холодильник и удовлетворенно крикнул.

– Будешь суп? – обратился он ко мне, вытаскивая кастрюлю.

– Нет, Давид, спасибо. Я уже бутербродом наелась.

– Ну, как хочешь, – проворчал парень, направляясь в столовую к шкафу за тарелкой. А Рауль разлил остатки вина по бокалам.

– Ах вы гады! – закричал вдруг Давид.

– Что случилось?! – вскочили мы оба на ноги. Выбежав из кухни, увидели, как Давид с тарелкой в руках исполняет какой-то странный танец, напоминающий чечетку. Это выглядело довольно смешно, потому что обут он был еще и в плюшевые тапки со звериными мордами – тоже, видимо, подарок Нурии. И вот этими тапками-мордами, отчаянно ругаясь, Давид отбивал чечетку. Приглядевшись, я обнаружила, что пол усеян трупиками раздавленных насекомых.

– Гадость какая, – меня передернуло от отвращения, и я побежала в хозяйственный блок за веником и совком. Надо убрать все это как можно скорей!

– Представляешь, достаю тарелку, а на меня из буфета полчище этих таракашек ринулось! Бррр, – донесся до меня возмущенный голос Давида. – И куда хозяин смотрит! Развел зоопарк! И где? На кухне!

– Когда этот Анхель приедет за платой, «оштрафую» его за антисанитарию! Куда годится!

Давид возмущался, а я, преодолевая брезгливость, собирала все веником в совок. Увидев мою гримасу, веник у меня выхватил Рауль и сам быстро все убрал.

– Теперь даже не знаю, как суп есть, – пожаловался Давид. – После этих таракашек.

– В некоторых странах насекомых считают деликатесом, – усмехнулся Рауль.

– Так давай я их соберу и приготовлю тебе в соусе? В каком хочешь – в чесночном, молочном или томатном? – немедленно отозвался Давид. – Деликатес... Надо бы перебрать посуду в буфете, найти гнездо этих гадов.

– Этот шкаф уже напугал Сару, – вырвалось у меня.

– А, точно, – вспомнил Рауль. – Видимо, она тоже увидела этих ползучих тварей.

– Нет, сказала, что в зеркале ей померещилось лицо незнакомой девушки.

– Ключевое слово – померещилось, – отозвался Давид, наливая в тарелку суп.

– Вчера я увидела, как в этом шкафу дрожали чашки...

– Армия тараканов готовилась к параду, – опять съехидничал Давид. И я не сдержала улыбки.

– Давид, я понимаю, что мои слова звучат нелепо... Но здесь, в этом доме, и правда не все слава богу.

– Что могу сказать, – вздохнул Давид, ставя тарелку с супом в микроволновку. – Зато здесь подают отличное вино!

– А что ты знаешь об этом доме? Кажется, это ты его нашел?

– Да что знаю... Только то, что написано на сайте – цены! Ключи привез хозяин – Анхель. Показал, что где находится. И все.

– И все, – удрученно повторила я. – Жаль. Мне было бы интересно узнать его историю!

– Когда хозяин приедет за платой, расспроси, – пожал плечами Давид, ставя тарелку на стол и взявшись за ложку. – Эх, хороший супчик я приготовил! Зря вы отказались. Рауль, о чем призадумался?

Рауль повертел в руках бокал, озабоченно нахмурил брови.

– Пытаюсь осмыслить происходящее. Может, конечно, просто совпадения. Лаура с тобой, например, никогда не ладила, и не удивительно, что разразился скандал. Но потом – Чави с Сарой...

– А что мы знаем об их отношениях сейчас? – резонно заметил Давид. – Может, у них кризис, и для скандала им много не надо.

– Хорошее вино в этом доме подают, ты прав, – усмехнулся Рауль, поднося бокал к губам.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился Давид.

– Так, ничего, безумное предположение. Подумал, вдруг в вино добавлено какое-нибудь вещество, вызывающее агрессию?

– Книжки с фантастическими сюжетами писать не пробовал?

– Дай развить тему, Давид! Смотри, вино нам как бы навязывают – кто откажется от такого угощения? Затем происходит ненормальное – все начинают раздражаться, ругаться, вести себя странно. Та обстановка, какая царила за столом во время ужина, совершенно не характерна для нас. Ощущение общей подавленности, скуки... Даже ты молчал! Лаура вообще в обморок упала – с чего? Дым ей какой-то померещился. Померещился! Саре померещилось лицо в зеркале. Анне – что чашки в шкафу дрожат.

– Не понимаю, зачем хозяевам подмешивать какую-то отраву... – растерянно пробормотал Давид.

– Ради рекламы! – воскликнула я. – Рауль рассказывал, что на сайте в информации о доме намекали на некую тайну и обещали «приключения» отдыхающим. Я не читала, вам лучше знать. Помнишь, Давид, ты еще в первое утро жаловался, что ни одно из обещанных привидений за ночь так и не показалось?

– Ну, одно мне показалось. В день приезда увидел какую-то постороннюю рожу в зеркале. Не помню, это было до того, как я выпил вина или уже после. Хотите сказать, что хозяева дома подмешали что-то в вино, чтобы у гостей слегка сносило крышу? И таким образом создают «странности»?

– Я не утверждаю, это просто мое предположение, – засмеялся Рауль. – Абсолютно несерьезное. Вряд ли хозяева стали бы добавлять что-то в вино. Это же риск – а вдруг кто-то серьезно отравится?

– Принесу-ка еще бутылочку, – сказал Давид, поднимаясь. – Надо эксперимент провести, раз не можем сделать анализ.

Уже находясь в дверях, он оглянулся:

– Слушайте, вот мы сейчас выпили вина, значит, по твоей версии, Рауль, мы либо должны уже грызть друг другу глотки, либо отмахиваться от глюков. Вам ничего не мерещится?

– Как это не мерещится, Давид! – воскликнул Рауль с недоброй усмешкой. – Вон передо мной зеленый «телепузик» стоит... Большой такой! И, о ужас! Он еще и разговаривает!!!

Давид недобро зыркнул на друга, но промолчал.

– Рауль, помнишь, в день приезда, когда мы разбирали сумки, тебя что-то удивило? – спросила я, когда за Давидом закрылась дверь.

– А... Я уже и забыл. Да, за твоим отражением в зеркале мелькнул какой-то силуэт.

– И вино мы тогда еще не пробовали...

– Анна, мое предположение – шутка. Это несерьезно! Не думаю, что вино здесь отравлено.

– Ладно, – вздохнула я. – Но ты тоже увидел в зеркале «постороннее». Как и Сара, как и Давид, как и я.

– Ты? – удивился парень.

– В ту ночь, когда ты уехал, много чего непонятного и неприятного произошло...

Но рассказать Раулю ничего не успела – вернулся Давид.

– Продолжаем эксперимент! – весело объявил он, обтирая пыльную бутылку влажной тряпкой.

– Уверен?

– Уверен, уверен! Бокальчики не сполоснешь – для чистоты эксперимента? – попросил Давид, прилаживая штопор. – Или пусть лучше Анна, ты же у нас временно «однорукий». Устроил тебе Манэль праздники, ничего не скажешь...

– Надеюсь, что этот эпизод выпал из его памяти, – вздохнул Рауль. – Такие воспоминания Манэлю на пользу не пойдут.

– Вряд ли он вообще осознал что-либо, – сказал Давид, пытаюсь вытащить пробку из горлышка бутылки. – Если что и помнит, так то, как впечатал в сервант «вражеского агента», а не друга.

– Надеюсь, что и Ракель не проговорится. С нее станется... Надо позвонить ей, предупредить.

Я метнула на Рауля тревожный взгляд, который, к счастью, остался незамеченным. Умом понимала, что в звонке Ракель нет ничего такого, но сердцу, как говорится, не прикажешь. Не доверяла я этой кошке, ох как не доверяла. Не Раулю, а ей.

– Предупреди, иначе она опять натворит дел, – согласился Давид. И чертыхнулся, потому что пробка никак не поддавалась, хоть тащил он ее уже с силой.

– Заодно спрошу, как Манэль. Вернемся домой, съезжу в госпиталь навестить его.

– Блестящая идея! Если ты к нему такой забинтованный явишься, он все вспомнит. И так уже, наверное, понял, что в больницу насильно его уложили не просто так. Давай, Оренсе, вперед!

– Я беспокоюсь о нем. Если не приеду, то Манэль тоже заподозрит неладное. А насчет этого, – Рауль кивнул на повязку, – не так уж сложно соврать. Манэль знает, что рука у меня еще не так давно была сломана. Мало ли что опять?

– Ну как хочешь, – сдался Давид. Отставив бутылку с вытащенной наполовину пробкой, он пристально посмотрел другу в глаза, и, наморщив лоб, удрученно проговорил:

– Только провалишь дело, говорю. Как провалил и это задание.
– Какое задание? – не понял Рауль.
– Это. То самое, – поиграл бровями Давид, при этом на его лице не показалось ни тени улыбки. – Я все знаю, Оренсе. Бесполезно скрывать.
– Что... знаешь? – выдохнул, как мне показалось, испуганно Рауль.
– То и знаю, – пожал плечами Давид. При этом его лицо оставалось спокойным, как море в штиль. – То, что ты провалил дело, друг.
– Откуда тебе известно?.. – выдавил после паузы Рауль. Глаза его, и без того большие, от изумления стали огромными. – Ты что... тоже?

Я, совершенно ничего не понимая, переводила взгляд с одного на другого. О чем это они? А молодые люди, забыв обо мне, будто я не сидела с ними рядом, в упор смотрели друг на друга. При этом в их взглядах читалось столько сожаления и сочувствия, словно этот разговор был мучителен для обоих.

Вместо ответа Давид отвел глаза.

– Карамба! – воскликнул пораженный Рауль. – И когда же тебя... завербовали?

– Да намного раньше, чем тебя, амиго, – невесело усмехнулся Давид. – Это ты у нас – новичок. А я уже...

Он обреченно махнул рукой.

– Дьявол и святые!

– Как же ты, амиго, так нелепо открылся? – упрекнул Давид. И Рауль понуро опустил взгляд. – Манэлю и четверти часа не понадобилось для того, чтобы вычислить в тебе спецагента! И задание-то у тебя было простое – сопроводить попавшего под вражеское влияние Манэля в госпиталь, где бы его избавили от чипа, внедренного крысами-американцами! Проще некуда!

– Что теперь со мной будет? – прошептал, поднимая на друга глаза, Рауль. Давид, прежде чем ответить, вздохнул так глубоко, будто на его плечи упала вся земная тяжесть.

– Амиго... – его голос даже натурально дрогнул. – Оренсе... Я тебя с детства знаю. Но сам понимаешь, в нашем деле осечки быть не может! Дружба дружбой...

– С девушкой попрощаться успею? – надтреснувшим голосом спросил Рауль. Давид, бросив прищуренный взгляд на настенные часы, кивнул:

– И даже песню спеть! Но советую начать с главного – с прощания. Мало ли... У тебя есть час. Ровно в два пятнадцать ампула, которую тебе вшили в руку, растворится. Не бойся, смерть наступит мгновенно и безболезненно. Это единственное, что я смог для тебя сделать – выбрать

быстродействующий яд.

– Спасибо, друг, – с чувством поблагодарил Рауль.

– Не стоит, – глухим голосом, не глядя ему в глаза, ответил Давид.

– Когда успели-то?

– Когда тебя штопали. В госпитале тоже наши люди.

– Гонсалес? – удивленно воскликнул Рауль. – Никогда бы не подумал...

– Гонсалес на нас не первый год работает. Вот у кого тебе нужно было уроки по части конспирации брать!

– Дьявол... Значит, Гонсалес? – прищурился Рауль.

– Гонсалес, Гонсалес.

– Вот ты и попался, амиго! – с торжествующей улыбкой воскликнул Рауль, тогда как Давид недоуменно заморгал. – Руку мне зашивал Фернандес! Мы американским шпионам специально слили ложную информацию насчет Гонсалеса! Моим заданием, дорогой друг Давид, было не транспортировать несчастного Манэля в госпиталь, а выявить предателя в организации! Того, кто уже давно работает на американцев!

– Ка-рам-ба!

– Но ты еще раньше выдал себя, упомянув чип! Никто из наших не знал, что американцы использовали бедного Манэля для своих целей! О чипе было известно лишь им и... тому, кто его установил. Как же ты так, амиго? Зачем?

– Деньги были нужны на лечение бабушки от плоскостопия, отягченного косолапием, – вполне натурально всхлипнул Давид. – Что ж теперь с бедной старушкой станет?..

– Мне очень жаль, друг... Хотя идея замаскировать чип под прыщ – гениальна! Но ты сам знаешь – в организации предателей не прощают, – вздохнул Рауль. – Вино в твоём бокале отравлено. У тебя осталось пятнадцать минут.

– Козлы! Хоть бы полчаса дали! Я же с Нурией не успею попрощаться! Не говоря уж о том, чтобы попросить у твоей сестрицы прощения за то, что всем рассказал о ее розовых трусах!

– А не нужно было вставлять бедному Манэлю в прыщ чип! – заорал вдруг Рауль так, что Давид отпрянул и заморгал уже от натурального испуга.

И друзья, переглянувшись, одновременно разразились таким громким хохотом, что я подскочила на месте и чуть не выронила из рук бокал. Они смеялись так заразительно, что сопротивляться смеху оказалось невозможно. Мы хохотали, не в силах остановиться, до слез, до стонов. И

когда, казалось, начинали успокаиваться, кто-нибудь из нас с трудом произносил «чип», «спецагент» или «прыщ», и все опять покатывались со смеху – совсем не волнуясь, что можем разбудить других обитателей дома. Со смехом и слезами, им вызванными, постепенно отступило все пережитое прошлой ночью – все плохое.

Давид первым прекратил смеяться и, смахнув быстрым движением с глаз слезы, будто сменил одну маску на другую, совершенно серьезным тоном спросил, обращаясь к Раулю:

– Как ты думаешь, твоя сестрица и правда запала на Чави?

И этот вопрос послужил той стеной, о которую мы разбились. И вновь вернулись в реальный мир, где случаются проблемы и непредвиденные обстоятельства.

– Не знаю, Давид, – после некоторой заминки ответил Рауль. Придвинув к себе отставленную бутылку с торчавшим из нее штопором, попросил меня придержать ее. И после некоторых усилий вытащил пробку.

– Смотри, Давид, одной левой... – пошутил он, глядя на друга с улыбкой.

– Во-первых, не одной левой, тебе помогала Анна. А во-вторых, пробку уже и я почти вытащил, – не сдался тот. – Но вообще, зараза, крепко сидела. Винцо – фабричное, и пробочка плотненько была пригнана. Не тревожили ее. Не знаю, каково вино на вкус, но вряд ли в него что-то добавили, сомневаюсь. Плесни-ка мне на пробу.

Рауль аккуратно налил в бокал немного вина и протянул Давиду.

– Знаешь, я разговаривал сегодня с Лаурой... О той ночи, когда я отсутствовал.

– И? – спросил Давид.

– Она сказала, что вы нашли ее с Анной на...

– Дьявол! – громко выругался, перебив его, Давид и отшвырнул бокал, из которого успел сделать глоток. Бокал, упав на каменный пол, разлетелся брызгами. Мы растерянно замолчали, а Давид, бросившись к раковине, торопливо открыл кран и прополоскал рот.

– Ты чего мне налил?!

– То, что было в бутылке... А что, вино такое плохое? – обеспокоился Рауль и, взяв бутылку, понюхал горлышко.

– Это не вино было!

– А что же?

– Кровь! Ты меня напоил кровью!

Всего мгновение Рауль оторопело глядел на друга, а потом «с пониманием» улыбнулся и весело сказал:

– Не бойся, Давид, вампиром с одного глотка не станешь!

– Я не шучу! Сам попробуй, убедись, что я вас не разыгрываю!

– Как в запечатанной бутылке может оказаться кровь, Давид? – скептически хмыкнул Рауль, но все же плеснул немного жидкости сначала в один чистый бокал, потом, по моей просьбе, во второй.

– Это вино, Давид, – сказала я, раньше Рауля сделав глоток. – Самое настоящее вино.

– У меня тоже вино, – поставил перед другом свой бокал Рауль. – Вполне неплохое. Попробуй!

Давид недоверчиво понюхал оба бокала, затем сделал по маленькому глоточку из каждого.

– Ничего не понимаю... У меня галлюцинации? Оренсе, ты у нас медик, скажи, что со мной? – вроде бы и шутливым тоном спросил Давид, однако в его глазах была тревога. – Я и правда глотнул чьей-то крови! А если не крови, то чего-то очень на нее похожего... Соленого. Может, ты оказался прав насчет вина?

– Жаль, твой бокал разбит вдребезги, – словно не слыша его, пробормотал Рауль, разглядывая осколки. – Если бы хоть капелька осталась!

– Все же я не понимаю, как вино в моем бокале превратилось в кровь!

– Таинство причастия, – ляпнула я. – Вино претворяется в кровь...

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился парень.

– Это первая аналогия, пришедшая мне на ум, Давид. Вино в физическом смысле остается вином, но «превращается» в кровь верой.

– То есть считаешь, что я был так уверен в том, что вино тут «порченное», что оно мне и показалось странным на вкус?

– У меня нет других объяснений, Давид.

– Брызги на полу высохли быстро, в осколках ничего не осталось, понять, что ты выпил, теперь невозможно, – сказал, поднимаясь с корточек, Рауль. – Но не думаю, что это была кровь.

– Никто мне не верит, – с досадой махнул рукой парень. – Ладно, я сумасшедший, и что?

– Давид, никто не говорит, что ты сумасшедший. Дом и правда не так прост, как кажется, – сказала я. – Я верю тебе.

– Еще бы ты мне верила, – прошептал Рауль.

– Приберу тут, пока никто не обрезался. Хватит нам и одного раненого, – сказала я, поднимаясь с места, чтобы опять принести совок и веник. Глянув на Рауля, я увидела на его футболке в области груди темное пятнышко.

– Рауль, кажется, ты испачкался вином...

– Где? – спросил он и оттянул футболку, чтобы лучше разглядеть. – Не страшно, потом отстираю.

Он отпустил ткань, и я увидела, что на ней стало больше пятен.

– Погоди-ка... – нахмурившись, я взяла его руку и повернула ладонью вверх. – У тебя на пальцах кровь. Порезался?..

– Вряд ли, я не трогал осколки.

– Может, открылась рана? – обеспокоилась я.

– Вот! – обрадовался Давид, найдя логичное, по его мнению, объяснение произошедшему. – Так ты мне крови в бокал и накапал! А мы тут голову ломаем...

– Бинт сухой, – возразил Рауль, ощупав повязку. – Давид, не чуди. У тебя либо подсознательно отпечаталось, что вино порченное, как предположила Анна, либо у тебя во рту какая-нибудь ранка. Может, десна кровоточит, вот и примешалась кровь к вину. А может, ты что-то такое съел, что изменило твой вкус?

– «Что-то такое съел», – обиженно проворчал Давид. – Я суп съел, который сам же и приготовил!

– По-моему, нам пора спать, – вздохнула я. – Это самый разумный выход.

– Ты права, женщина! – указал на меня пальцем Давид.

Мы вместе прибрали на кухне, поднялись на второй этаж. Но разойтись по спальням так и не смогли, потому что увидели сидевшую в кресле Лусию. Она плакала.

Я окликнула девушку по имени. Услышав мой голос, Лусия поспешно вытерла глаза. Рауль с Давидом растерянно переглянулись.

– Что случилось?

Лусия помотала головой, будто не желая рассказывать. Но вдруг, закрыв лицо руками, громко зарыдала. Слезы хлынули так бурно, что текли из-под ее ладоней, просачиваясь сквозь пальцы.

– О господи, – вздохнул Рауль. – Лусия?.. Ты поссорилась с Серхио?

Об этом подумала и я. Похоже, нас и правда поразили вирус конфликтов.

– Ребенок заболел, – выдавила сквозь рыдания Лусия. – Мама сообщила...

– Что с ним? – встревожился Рауль. – Если нужна помощь...

– Я хочу выйти отсюда! – прошептала Лусия, отнимая ладони от заплаканного лица.

– Выйдем, обязательно! Утром найдем ключи.

– А если не найдем, то высадим решетки, – поддержал Рауля Давид. Но Лусия будто и не услышала их. Всхлипнув, она зарыдала еще громче. Я же, глядя ее по растрепанным волосам, не могла отделаться от ощущения, что что-то в этом коротком разговоре мне показалось странным. Кричащим, будто белая нитка на темной ткани. Но я никак не могла уловить эту «неправильность».

– Что случилось? – слышался за нашими спинами еще один голос. Пришла Моника.

Так как Лусия рыдала, за нее ответил Рауль.

– И где Серхио? – нахмурилась Моника, присаживаясь перед Лусией. – Почему его жена тут плачет, переживает из-за ребенка, а он находится не с ней?

– Дорогая, ну может, он сейчас ищет выход из дома, – слышался еще один голос, мягкий, – Марка.

– Он спит! – выкрикнула Лусия. – Сказал, что до утра мы все равно ничего не сможем сделать, и... уснул!

– Безобразие!!! – возмутилась Моника, резко вставая на ноги. – С твоего разрешения, Лусия, я сейчас пойду и разбужу его! Как он может спать, когда его жена страдает? Это не по-мужски! Это вообще...

– Дорогая, успокойся, – вежливо, но уже с некоторым нажимом попросил Марк.

– Успокоиться?! – неожиданно взвилась Моника. – Но как можно спокойно спать, если твой ребенок болен, жена с ума сходит от переживаний, а...

– Дорогая, не вмешивайся, это дело Лусии и Серхио, – с уже явным раздражением произнес Марк. Такой тон был столь не характерен для Марка, что и Рауль, и Давид, да и сама Лусия, мгновенно переставшая плакать, оглянулись на парня.

– Я не могу не вмешаться, если вижу плачущую по вине мужчины женщину!

– Эй, тебе сказали не вмешиваться, – довольно резко бросил Монике Давид. Ссора вспыхнула мгновенно, ее огонь охватил не только Давида и Моника, но и Марка, выступившего, к удивлению, не на стороне любимой. Полетели слова-гранаты, взрывая остатки выдержки и разнося на куски разумные доводы, засвистели упреки-пули, расстреливая дружескую привязанность и теплоту, загрохотали снаряды взаимных оскорблений, беспощадно уничтожая все доброе, что было между этими людьми. И случилось это так неожиданно, так бурно, что мы – я, Лусия и Рауль – растерялись, не зная, как поступить. Сейчас вмешаться в ссору

равносильно появлению на поле боя безоружного. Самоубийство. Попытаться остановить ее – все равно что броситься телом на прущий танк в желании притормозить его. Безумие. Перекричать – сродни потугам шепотом заглушить грохот канонады.

И все же Рауль, опомнившись, вмешался:

– С ума сошли! Прекратите!

Поле боя, танк, канонада... Его голос утонул в очереди упреков, которую неожиданно разрядил в Монику Марк, обвиняя ее и в желании вмешиваться во все, и в стремлении доминировать, и в излишнем раздувании любой ситуации.

– Перестаньте! – завизжала Лусия, закрывая уши руками и опять зарыдала теперь уже не из-за своих проблем, а из чувства вины. Разбуженный криками, из спальни вышел наконец косвенный виновник конфликта – Серхио. Но лучше бы он не появлялся. Разгневанная Моника накинулась и на него. Плачущая Лусия тут же бросилась на защиту сонно хлопающего глазами мужа. Рауль уже кричал Давиду, призывая его замолчать... Тот размахивал руками, указывая то на Монику, то на Лусию.

Театр абсурда, гротескных эмоций, искаженной реальности. Вряд ли кто уже помнил, из-за чего вспыхнула ссора. И, подумав о ее начале, я поняла, что меня насторожило в разговоре Лусии и Рауля.

– Сообщение... – пробормотала я. – В доме же нет связи. Эй, вы слышите меня?! Лусия! Лу-си-я!

С трудом, но мне удалось привлечь внимание девушки.

– Лусия, как тебе мама сообщила о болезни сына?!

К сожалению, приходилось кричать, чтобы меня услышали.

– По телефону, – растерянно ответила девушка. – Прислала смс.

– Но ведь в доме нет связи! Или она уже появилась?!

Последнюю фразу я по инерции прокричала, но прозвучала она уже в наступившей мгновением раньше тишине. Ссора погасла так же быстро, как и вспыхнула, и мне опять подумалось, что была она... ненатуральной. Будто мы играли в плохом спектакле, подчиняясь прихоти сумасшедшего кукловода, заставляющего марионеток истерично дергать конечностями, так, как ему хотелось и когда хотелось.

– Эрик заболел?! – удивленно спросил Серхио. Лусия от возмущения аж задохнулась. Но, быстро справившись с изумлением, дрожащим от негодования голосом проговорила:

– И ты еще спрашиваешь?! Я же тебе сказала, что мама прислала сообщение! Ты ответил, что ничего страшного, можем подождать до утра... и уснул!

– Такое было? – нахмурился Серхио.

– Было, было! Как же нужно крепко спать, чтобы напрочь забыть про все! Сейчас я принесу телефон, и ты сам убедишься!

– Пожалуйста, Лусия, – попросил Рауль. – Принеси. Я тоже схожу за своим мобильным. Если появилась связь, мы сможем позвонить владельцу дома. Или отправить сообщение, что мы потеряли ключи. На всякий случай, вдруг к утру связь опять исчезнет? У кого есть телефон хозяина?

– У меня, – ответил Давид так спокойно, будто и не он всего минуту назад кричал то на Рауля, то на Монику.

Точно театр абсурда...

– Так что все же произошло? – спросил растерянно Серхио, когда Рауль, Давид и Лусия разошлись по спальням.

– Мы застали Лусию плачущей. На вопрос, что случилось, она рассказала про заболевшего малыша и пожаловалась на твою черствость! – ответила Моника сердито.

– Дорогая, – упрекнул ее Марк, опять робко, словно и не было между ними оскорблений и обвинений. Будто и не он еще пару минут назад полыхал не свойственным ему гневом. Моника глянула на него все еще с обидой, но, увидев виноватую мягкую улыбку, растаяла:

– Прости, небо, не знаю, что на меня нашло...

– Но Лусия точно не говорила мне, что сын заболел, – обратился, растерянно разводя руками, Серхио – ко мне, потому что для Моника и Марка мы уже не существовали. Как еще пару минут назад они забрасывали друг друга упреками, так сейчас торопливо, перебивая друг друга, сыпали взаимными извинениями.

Поистине что-то тут происходит неладное...

– Давай подождем Лусию, – попросила я Серхио.

– Понимаешь, мы с Лусией никогда не ссоримся. Все вопросы предпочитаем решать миром. Поэтому, выйдя из спальни, еще толком не проснувшись, опешил, когда на меня налетели со всех сторон. Даже подумал, не убил ли я кого ненароком, так все на меня набросились. Разве я мог уснуть, зная, что наш Эрик заболел!

Ответить я не успела. Вернулся Рауль с мобильным в руке.

– Нет связи, – сообщил он. – Я даже попробовал позвонить по разным номерам. Серхио, не мог бы ты проверить свой телефон в вашей спальне? Вдруг связь есть только у вас?

Серхио, коротко кивнув, скрылся в своей комнате.

– Эй, телефон Анхеля я нашел, только не думаю, что он нам сейчас чем-то поможет, – прокричал от дверей Давид. – Связи как не было, так и

нет!

За Давидом шествовала сонная Нурия, бледностью и длинной белой ночнушкой напоминая призрака. Я мысленно порадовалась тому, что эту картину не видит Лаура, иначе бы порции насмешек, а затем и новой ссоры, не избежать. Кстати, где она? Неужели спит? Так крепко, что не услышала криков, раздававшихся прямо под ее дверью? А вдруг Лауре опять стало плохо? Я оглянулась на Рауля, чтобы попросить его заглянуть в комнату сестры, но в этот момент в гостиной появилась в сопровождении мужа Лусия. И по растерянному выражению, написанному на ее лице, сразу стало ясно – снова что-то произошло...

– Нет сообщения, – пробормотала девушка с виноватыми нотками в голосе. – Но оно было! И я его не удаляла.

– Лусия, – мягко сказал Рауль. – В доме по-прежнему нет связи. Если только в вашей комнате...

Но Серхио коротким движением головы опроверг предположение.

– Серхио убежден, что я ему ничего не говорила о болезни сына, – удрученно призналась Лусия. – Будем считать, что я уснула в кресле, и это мне приснилось... Я очень сожалею о том, что здесь произошло. Правда...

– Лусия, все уже прошло. И то, что сообщение в реальности тебе никто не присылал, означает, что ваш сын здоров, – ответил ободряющим тоном Рауль.

– Мне бы все же хотелось поговорить с мамой.

– Поговоришь, – обнял ее за плечи, мягко направляя в сторону спальни, Серхио. – Только уже не сейчас. Завтра мы либо отыщем ключи, либо найдем другой способ выйти из дома. Не волнуйся, навсегда мы тут не останемся.

Они ушли, а за ними следом и Марк с Моникой. И тут из своей комнаты появилась Лаура.

– А что у вас тут за пижамная вечеринка? – недоуменно обвела она нас сонным взглядом.

– А тебе какое дело! – неожиданно грубо ответила Нурия. Лаура, не ожидая такой реакции, испуганно заморгала.

– Нурия, – упрекнул подругу Давид. – Спокойно. Хватит бурных ссор. Пойдем спать.

– Ссор? – встревожилась Лаура, сбрасывая сонное оцепенение.

– Да, дорогая, ссор! – язвительно заявила Нурия, хоть Давид и тащил ее за локоть, пытаясь увести. – Ты сеешь раздор между нами!

– Я?.. Но... за вчерашнее я уже извинилась. Мне правда очень жаль, Нурия, – Лаура умоляюще сложила ладони перед грудью. И в искренности

ее сожаления усомниться было нельзя. Однако же Нурия все равно разошлась:

– Жаль? Не думаю! Сегодня ты натворила куда больше дел!

Ее бледное лицо покрылось красными пятнами нервного румянца, глаза расширились, а рот изогнулся в некрасивой ухмылке. Лаура, с мягкими локонами рассыпавшихся по плечам волос, следом от подушки на одной щеке, и в этой детской пижаме «Хэлло, Китти», казалась беззащитной и трогательной. Ничего общего с той, другой Лаурой, сидевшей вечером в кресле, с усмешкой наблюдая за некрасивой сценой...

– Сегодня? – растерялась она. – Я... не знаю... Я... натворила?..

– Хороша-а-а, – протянула Нурия. – А кто перед Чави голыми коленками сверкал, плечи оголял и всячески его провоцировал?! И теперь невинную овечку строишь? Овца ты, а не овечка!

– Да что с тобой?! – взревел Давид, довольно сильно дернув подругу за локоть. – Пойдем! Идем, говорю!

– Спокойной ночи, Нурия! – приторно-вежливым голосом попрощался Рауль. – Встретимся за завтраком!

– Бесстыжая, говоришь?! – вдруг выкрикнула с нехорошей улыбкой Лаура вслед Давиду и Нурии. – Хорошо, пусть бесстыжая, но я не лью лживые слезы сожаления, как ты! Ты скорбишь лишь на публику, но в душе совершенно не печалишься! Потому что *это* сделала ты! Ты!

– Что ты такое говоришь? – развернулась к Лауре Нурия. И ее бледное лицо с неровными пятнами румянца вдруг исказил страх.

– Нурия, пойдем! – потащил ее за руку Давид, намеренно не глядя на сестру Рауля. Но когда они вновь развернулись, чтобы уйти, Лаура бросила им в спины последний камень:

– Убийца!

* * *

Мое прошлое, мое забытое прошлое возвращается ко мне, и как волнительно вновь вспоминать утраченную жизнь. Я склеиваю ее из отдельных эпизодов – как порезанную на кадры пленку, надеюсь когда-нибудь «увидеть» целиком.

...Я вновь встречаюсь во снах с моей бедной матерью...

Ее смоляные волосы скрыты под белой косынкой, подол цветастого платья подоткнут. Сверкая голыми икрами, шлепая резиновыми тапками, обутыми на босые ноги, она руками моет каменную лестницу. «Мария!» –

кричит мама, оглядываясь на меня, убирающую в шкаф посуду. И волна радости затапливает мою душу: я вспоминаю свое имя. Мария...

...Я медленно бреду за отцом по узкой улочке-желобу меж каменных домов, построенных впритык друг к другу. Яркое солнце слепит так, что я иду, почти не разбирая дороги. Только вижу, как ветер надувает рубашку моего отца, заправленную в летние брюки. И я следую за этим «парусом». А ветер вдруг срывает с меня белую панаму, и я с визгом бросаюсь догонять ее. «Держи», – протягивает мне кто-то панаму. Я поднимаю глаза и вижу его. Анхеля.

...Отец открывает передо мной дверь. Тихонько звякает колокольчик, извещая о нашем приходе. Переступив порог, мы спускаемся на три ступени и оказываемся в полутемном помещении, плотно заставленном любопытными вещицами. Старой мебелью, патефонами, чьи раструбы, похожие на цветки вьюнка, повернуты к окну, будто в поисках солнечного света, потрепанными чемоданами, музыкальными инструментами, статуэтками... Эта лавка друга отца, торговца антиквариатом, похожа на сундук с сокровищами. Они, мой отец и сеньор Альваро (о, я даже вспоминаю его имя!), и сдружились когда-то давно, еще в молодости, из-за любви к старым вещам. Сеньор Альваро занимается их поиском и продажей. Моему же отцу нравится обставлять подобными вещами свой дом. Кресла, буфет, пианино – все было приобретено здесь. На этот раз мы пришли за зеркалом, взамен того, что я случайно разбила в ванной. Отец считает, что все в нашем доме должно дышать стариной. Мой сумасшедший отец... Я с любовью и нежностью смотрю на его затылок с поредевшими волосами. Зная, что разговор двух друзей затянется надолго, оставляю их и рассматриваю предметы, переходя от одного к другому, пока не оказываюсь в дальнем углу лавки. «Привет!» – слышу я вдруг. Обернувшись, вижу Анхеля, протирающего раму выставленного на продажу зеркала. «С наступающим Рождеством!» – приветствует он меня. А я от волнения не могу произнести ни слова...

Наверное, мои воспоминания смешиваются с воспоминаниями девушки, чье тело я заняла, потому что следующий эпизод никак не может принадлежать моему прошлому. Я вижу события как бы со стороны. Смеющаяся компания позирует на фоне широкой улицы с плотным потоком машин. Мне знакома и девушка – та, чьим телом я завладела, и молодой человек – ее брат. Другую же красавицу, высокую, с надменным взглядом королевы, я не видела среди гостей дома. Обнявшись, брат с сестрой хохочут, так как молодой человек с фотоаппаратом в руках не столько пытается сделать кадр, сколько паясничает – корчит

рожжи, смешно двигает надетым ради забавы клоунским носом-шариком. Брат с сестрой хохочут до тех пор, пока «королева» с надменным взглядом, не выдержав, не выходит из кадра. Выхватив из рук парня с клоунским носом фотоаппарат, она заставляет его занять ее место. Теперь смеются они втроем – два парня и зажатая между ними хрупкая девушка. Другая, с фотоаппаратом, что-то говорит и указывает рукой на показавшийся на дороге красный двухэтажный автобус. Компания выстраивается в ожидании желаемого кадра, но едва автобус появляется за их спинами, а «королева» наводит объектив, как два молодых человека и девушка, обнимающая их обоих, сгибаются пополам от нового приступа хохота. Я вижу, как красавица с досадой опускает фотоаппарат, провожая взглядом уехавший автобус. Высокий молодой человек подхватывает ее на руки и кружит прямо посреди людского потока. Его сестра, улыбаясь, смотрит на них. Но я замечаю взгляд, каким ласкает ее профиль молодой человек с клоунским носом. Взгляд, полный сожаления, нежности, грусти и восхищения... Мне хочется задержаться в этом счастливом чужом сне, но меня будят чьи-то крики. Опять ссора? Неудивительно. Проснувшееся зло сталкивает людей, провоцирует конфликты, чтобы питаться слезами и обидами. Питаться, множиться, набираться сил.

Я торопливо выхожу в коридор и застаю уже расходящиеся пары. Но в воздухе уже витает зло, а холод только подтверждает его присутствие. Я так увлеклась воспоминаниями о старой жизни, что почти перестала думать о взволновавшем меня «цветке», о нависшей над нами беде.

«Овца ты, а не овечка!» – слышу я, и это оскорбление не то чтобы задевает меня, но мгновенно пробуждает все плохое, чем заразило меня зло.

«Убийца!» – кричу я. И мне доставляет радость видеть страх, искаженный и без того некрасивое лицо преступницы.

Но радость моя тает, когда я перевожу взгляд на «брата». И ужас наполняет меня. Как я могла забыть!

Ему нельзя находиться здесь, соседствовать со злом, дразнить его запахом свежей крови...

Поздно.

* * *

– Рауль, и что ты думаешь обо всем этом? – спросила я, нервно

расхаживая по комнате. То ли от возбуждения, то ли от того, что отопление заработало в полную силу, я чувствовала жар, хоть и была одета лишь в тонкую пижаму.

– Думаю, срочно нужно искать ключи и выбираться отсюда. А если они не найдутся, придумать другой способ выйти. Развинтить замок в двери, выломать решетку на окне. И как можно скорей.

В отличие от меня, нервно мельтешившей, Рауль казался спокойным. Я остановилась напротив него и спросила:

– Ты тоже считаешь, что с домом не все в порядке?

– С нами что-то не в порядке. Но не знаю, в чем кроется причина – в подмешанном в питье или еду каком-то веществе, в особом воздухе, в том, что мы оказались запертыми и это всех угнетает, или в накопившихся в парах конфликтах... Не знаю, Анна, но то, что происходит, ненормально.

– Помимо ссор есть и другие вещи, – сказала я, усаживаясь в кресло напротив Рауля. Он, вдруг поевшись, привстал, стащил с кровати одеяло и накинул его себе на плечи.

– Тебе холодно? – удивилась я.

– Немного.

– Но в комнате такая жарница, что впору открывать окно! – воскликнула я. – Ты не заболел?

– Нет, – отмахнулся Рауль. – Что ты имела в виду? Я понял, что в ту ночь, когда отсутствовал, произошло что-то еще, кроме обморока Лауры. Но ты не успела мне рассказать.

– Не знаю, поверишь ли ты...

– Анна, – перебил он меня. – Мы с тобой только и делаем, что играем в «веришь – не веришь». Смелей!

Когда я рассказывала обо всем Раулю, не могла не вспомнить о дне нашего знакомства. Тогда я тоже высыпала незнакомому человеку, все не складывающиеся в полную картину пазлы, надеясь получить недостающие. Боялась, помнится, что Рауль не отнесется к моему рассказу всерьез. Но он и тогда, и сейчас слушал меня внимательно, не перебивая.

– Бусины. А нити не хватает, – сказал он мне после того, как я закончила. Повторил почти ту же фразу, что и тогда летом.

– Мне не доводилось раньше сталкиваться с чем-то таким... необъяснимым, – продолжил он. – Ни с призраками, ни с полтергейстами, ни с НЛО и прочими аномальными явлениями... Мне проще объяснить рассказанное тобой какими-то «спецэффектами», которые устроили хозяева, чтобы подогреть интерес к дому.

– Рауль...

– Подожди, Анна. Я одно хочу сказать: то, что я не встречался с подобными вещами, не означает, что они не существуют.

– Я раньше тоже ни во что такое не верила, – вздохнула я. – До происшествия на фабрике.

– Что у вас там с Ракель тогда произошло?

– Это уже прошлая история... И звучит еще более нереально, чем то, что я тебе сейчас рассказала, – неуверенно произнесла я. Рауль почувствовал мои колебания:

– Анна, любой твой рассказ о самых невероятных вещах прозвучит куда правдивей, чем версии Ракель, надумай я расспросить ее о событиях на фабрике.

– Ну, раз хочешь...

И я рассказала ему о том, что случилось в тот августовский вечер. Опять Рауль выслушал меня молча, лишь иногда хмурился. А когда я закончила, просто сказал:

– Иди сюда.

Я присела рядом с ним на кровать. Удивительно, но, несмотря на то что в комнате было натоплено, я почувствовала, что парня будто окружает кокон холода. Неудивительно, что он ежится и кутается в одеяло. Странно то, что именно вокруг него собрался этот холод. Впрочем, не так уж странно, если учесть, что тут много чего происходит непонятного. Неудивительно, но тревожно.

Рауль приподнял край одеяла, я с готовностью юркнула к нему, прижалась к его телу, отметив, что оно – горячее как печка. Похоже, Рауль температурит. Надо и правда выбираться из этого дома как можно скорей! Хоть сейчас...

– Утром, обещаю, утром мы что-нибудь обязательно придумаем и уедем отсюда, – прочитал он мои мысли и крепко обнял меня. От тепла и его ласковых прикосновений я постепенно успокаивалась и убаюкалась. И уже никуда не хотелось бежать, напротив, хотелось остаться, сидеть, прижимаясь к его горячему боку, долго-долго.

– Если сейчас будем ломать замки, выставлять решетки, перебудим весь дом, а люди уставшие – после этих ссор. Уснули, и слава богу. Оставим все на утро. Хорошо?

– Ты мне не веришь? – спросила я, заглядывая снизу вверх ему в лицо. И подумала, что точно так же он спрашивал и меня – не единожды. Оказавшись на его месте, я осознала, как это важно – чтобы тебе поверили, и как сложно доказать, что кажущийся неправдоподобным рассказ – не выдумка, не оправдание.

– Верю ли я? – засмеялся он, будто угадал мои мысли, и теперь желал подразнить меня. – Верю... Не верю... Какая разница!

Я мстительно ущипнула его за бок. От неожиданности Рауль дернулся, и когда я засмеялась, резко опрокинул меня на кровать. Проворно перекатившись на живот и приподнявшись на локтях, он навис надо мной. Я попыталась выбраться, но Рауль крепко обхватил мои ноги своими, почти лишив меня возможности двигаться.

– Не сбежишь, – шепнул он мне на ухо, легонько касаясь губами мочки. И вновь отстранился, разглядывая мое лицо.

Зеленые смеющиеся глаза так близко, что я вижу в них свое отражение. В глазах любящего мужчины желанная им женщина даже самой неидеальной внешности видит себя красавицей. Такой, какой видит ее он. Может быть, тогда эти «зеркала» – самые честные в мире? И зачем нужны другие – холодные, бездушные, искусственные, которые безжалостно демонстрируют, что нос у тебя – неидеальный, ноги – короткие или кривые, талия – не осиная, тогда как в глазах любящего тебя мужчины отражается богиня?

– Diosa^[5]... – прошептал Рауль.

Я выпростала одну руку из-под покрывала и обвела пальцем контур его приоткрытых в полуулыбке губ. Не отводя взгляда, Рауль медленно опустил лицо, чтобы поцеловать меня...

И в это время раздался стук в дверь – настойчивый и требовательный. Мы оба вздрогнули от неожиданности и поспешно вскочили, будто нас застали не в нашей спальне, а в общественном месте.

– Кого принесло? – проворчал Рауль, отбрасывая одеяло и направляясь к двери. – Четвертый час утра.

На пороге стояла Нурия – все в той же ночнушке. Растрепанная, злая, заплаканная.

– Мне с тобой поговорить нужно! – громко и отрывисто заявила она, без приглашения врываясь в нашу спальню.

– Нурия! – возмутился Рауль. – Ты видела, который час?

– В этом доме сейчас вряд ли кто-то спит, – бесцеремонно заявила девушка. – И я не собираюсь ждать до утра, если по твоей вине рушится моя жизнь!

– Что ты такое говоришь!

– Анна, оставь нас одних! – бросила она, даже не взглянув в мою сторону. Словно отдавала приказание королева.

– Нурия, вообще-то ты меня выгоняешь из моей спальни, – веско заявила я, вложив в тон все свое недовольство. – Мы спать собирались.

Она медленно обернулась в мою сторону, окинула взглядом разобранную постель. И по усмешке, тронувшей ее бескровные губы, я поняла, что Нурия уверена в том, что спать мы не собирались. В ее глазах мелькнуло злорадство, и она с видимым удовольствием повторила:

– Анна, оставь нас одних!

– Если будешь так орать, мне нет никакой необходимости уходить. Тебя и так весь дом слышит, – съехидничала я, но, однако, поднялась, не желая участвовать в еще одном скандале. Впрочем, у двери я остановилась и оглянулась на Рауля: мне подумалось, что я сбегая, оставляя его одного на «поле боя». Пожалуй, не буду никуда уходить, пусть эта фурия в ночнушке при мне ругается. Но Рауль, правильно истолковав мой взгляд, жестом показал, что все в порядке, и взглядом попросил оставить его с Нурией.

Едва я успела закрыть дверь, как раздался гневный крик:

– Это ты ей рассказал?!

Я была права в том, что вопящая Нурия опять перебудит весь дом. Если, конечно, хоть кто-то успел уснуть.

Ну и дела. Друзья будто превратились во врагов – стычки в парах, стычки между парами, один на один, с привлечением «массовки». Не пройдет и пяти минут, как кто-нибудь, привлеченный криками, опять прибежит... И все начнется заново. Остается надеяться, что все уже настолько устали от конфликтов, что, даже услышав свист пушечных ядер, благоразумно предпочтут не высовываться.

Я немного побродила по гостиной и опять вернулась к двери нашей комнаты. Нурия уже не кричала, но ее возбужденный нервный голос все равно было слышно. Я отошла от двери и забралась с ногами в одно из кресел.

– С ума сошла?! – донеслось вдруг до моего слуха возмущенное восклицание Рауля. Я невольно вытянула шею, в тревоге прислушиваясь. Но из комнаты опять послышалось неразборчивое бормотание, чье – Нурии или Рауля – не понятно.

Ситуация... Надеюсь, в будущем, вспомнив об этом «отдыхе», мы посмеемся. А может, просто предпочтем все забыть. Я очень надеялась, что когда мы уедем отсюда, отношения в парах и между друзьями вновь станут прежними. Мне и правда очень хотелось спихнуть всю вину за конфликты на дом. Мне понравились друзья Рауля, даже Нурия. И если мне, знавшей всех так мало, горько наблюдать разворачивающиеся «битвы», то каково остальным участвовать в них... Битвы, где не может быть победителей... Петушины бои. Кто-то делает ставки? Кто поставил на нас?..

Я вновь поднялась и принялась кружить по гостиной. Что случилось, что разрушило теплую, уютную атмосферу, царившую изначально? Вспомнился вечер, когда мы сидели тут все вместе, слушая гитарные переборы, болтая о своем девичьем, бросая полные любви и нежности взгляды на парней, в сторонке ведущих мужские разговоры. Как это было давно! Прав был Савелий, настаивая на необходимости покинуть дом как можно скорей! Почему я не приняла его слова во внимание? Просто не успела. В то первое, солнечное и радостное утро, сложно было представить, что уже через несколько часов будет всю бушевать гроза. А позже меня целиком поглотили личные страдания, и я совсем забыла о предостережениях приятеля.

Савелий говорил что-то про обугленную комнату. Я мысленно вернулась в ночь, когда с Лаурой случилось что-то непонятное: упала в обморок, в комнате ее пахло гарью.... Надо завтра же поговорить с Лаурой о том вечере.

Обугленная комната... Я вспомнила, как Савелий сказал, что корень зла нужно искать в погребе. Там, куда привел меня во сне Булка. Там, где Лаура сказала мне, что атмосфера ей кажется магнетической. Там, откуда Лаура и вернулась... необъяснимо странной.

Надо бы завтра осмотреть подвал, попытаться понять, что же там такое... магнетическое.

А может, уже утром мы выйдем отсюда, и не придется спускаться в подвал. Выйдем из дома, и прекратятся все странности – и с нами, и с Лаурой. Хотелось бы на это надеяться!

Я подошла к окну и внимательно осмотрела его. Узкое, как бойница, закрытое ставнями. В такое и самая худенькая из нашей компании не пролезет! Насколько я поняла, такие «бойницы» во всех комнатах. А если где окно и было широким, то непременно зарешечено. Тюрьма. Другой ассоциации не возникает.

– Где Нурия?! – прогрохотал вдруг за моей спиной голос Давида. Я испуганно подскочила на месте, и, оглянувшись, увидела, что он уже не в своей смешной пижаме, а переоделся в джинсы и трикотажную футболку с длинным рукавом.

– У нас.

Давид, не сказав больше ни слова, направился к нашей спальне. Открыв без стука дверь, он еще с порога гневно выкрикнул:

– Нурия!

В ответ раздался плач, перемежаемый неразборчивыми выкриками. Давид вошел и тут же вынырнул из комнаты, таща за руку упирающуюся и

рыдающую девушку.

– Тебе это не сойдет с рук! – выкрикнула Нурия, оглянувшись. – Ни тебе, ни твоей проклятой сестре!

– Успокойся, дур-ра! – рявкнул Давид, уволасывая ее за собой. – Нечего на Рауля сваливать вину за то, что сама натворила!

Я юркнула в комнату и, торопливо прикрыв дверь, прислонилась к ней спиной.

– Что случилось? – почему-то шепотом спросила я. Рауль нервно расхаживал по комнате.

– Это какой-то абсурд! Мне кажется, что я сплю, и мне снится кошмар. У тебя нет такого ощущения? – оглянулся он на меня, наконец-то остановившись.

– У меня ощущение, будто мы попали в какое-то отвратительное шоу, под прицел скрытых камер. И ситуации эти провоцируются специально – настолько они форсированы, раздуты, наиграны.

– Шоу, шоу... Хорошенькое шоу!

– Зачем Нурия приходила?

– Если бы я знал! Вообще не понял, в чем она меня обвиняла.

Рауль длинно выдохнул, подошел ко мне и крепко обнял.

– Главное, нам больше не ссориться. Наоборот, нужно держаться друг за друга. Чувствую, что это и есть наша защита. Стоит только образоваться маленькой трещинке, как «микробы» раздора тут же проникнут в нее. Разъедят до пропасти. Не знаю, как разрешат ситуацию Нурия и Давид. Надеюсь, что Давид остынет и... попытается простить Нурию, впрочем, навряд ли...

– Что она сделала? – спросила я, уже догадываясь.

– Аборт. Обманула Давида, сказала, что произошел выкидыш, и так преподнесла ситуацию, что Давид еще чувствовал себя виноватым в случившемся. Не знаю подробностей, Давид меня в них не посвящал. Когда все случилось, я находился у тебя в Москве.

– Но почему она сделала аборт?! – удивилась я. Никак не укладывалось в голове, что Нурия сама так поступила, ведь она вполне искренне сокрушалась по поводу сорвавшейся беременности. Говорила, что мечтает о малыше.

– Знать бы, что у нее в голове, – раздраженно отозвался Рауль. – Похоже, на самом деле не хотела иметь детей. Сейчас она приходила обвинять меня в том, что я рассказал об аборте Лауре. И теперь моя сестра якобы рушит ее личную жизнь. Ну не глупость, а?

– А ты знал об аборте?

– Откуда? Я Нурию к врачу не сопровождал. Не знаю, на основании чего она сделала такие выводы. То ли потому, что моей сестре как-то стало известно об этом, а общих знакомых у Нурии и Лауры – только Давид и я.

– Может, она решила, что тебе проговорился кто-то из твоих коллег? А ты – Лауре.

– Еще абсурдней, – скривился Рауль. – Я работаю в одном месте, Нурия наблюдается в другом. Да и зачем мне обсуждать с кем-то из коллег гинекологические «дела» Нурии?! А потом делиться «подробностями» со своей сестрой. Это же смешно! Но тем не менее Нурия вполне серьезно обвиняла и меня, и Лауру в своих неприятностях. Надеюсь, она не подерется завтра с моей сестрой. Только этого не хватало.

– А я надеюсь, что больше никто не ворвется к нам. Ночь выдалась слишком длинной и насыщенной, увы, неприятными событиями. Да и прошлая вышла ничуть не лучше.

– Да, ты права, – согласился Рауль, выпуская меня из объятий и приподнимая одеяло. – До утра осталось всего ничего, но нужно хоть немного поспать.

Мы уже погасили свет, обнялись, и вдруг Рауль тихо засмеялся.

– Ты чего? – удивилась я.

– Да так, вспомнил... Не все в этой ночи было плохо. Кое-что вполне компенсирует весь негатив.

– И?

– Пижама Давида! – уже громко засмеялся Рауль. – Господи, как вспомню...

– Какой ты добрый! – съязвила я, но однако тоже улыбнулась в темноту. – Странно, что Лаура не отпустила комментарий. Или такая сонная была, что не разглядела?

– Это же какой сонной надо быть, чтобы не разглядеть огромного телепузика! Не-ет, Давид «попался»: если не Лаура будет припоминать ему этот наряд, то я уж точно.

– Оставь его. Мне жаль Давида. И не из-за пижамы.

– Мне тоже, – уже серьезным тоном ответил Рауль. И после паузы, приподнявшись на локте, заговорщицким тоном зашептал:

– Знаешь, я тебе скажу... Только Лауре не проговорись, ладно? А то, если она узнает, Давида совсем со света сживет насмешками.

– О-ой, может, тогда не стоит мне говорить? Не потому, что я проболтаюсь Лауре, а потому, что не хочу слышать о Давиде ничего неприятного. Пожалуйста, не компрометируй дядюшку Давида! Он хороший!

– Нет, нет, – сказал Рауль, и я почувствовала, что он улыбается в темноте. – Ничего плохого я про него не скажу. Только мне кажется, будто Давид был влюблен в мою сестру. Он никогда не выдавал своего интереса, напротив, всячески изводил Лауру насмешками и колкостями. Но, думаю, он к ней неравнодушен еще с детства.

– Почему ты так считаешь? Со стороны кажется, что Давид ее ненавидит.

– Вот именно, Анна, «кажется». Он старается изо всех сил показать, как ему Лаура неприятна. Постоянно об этом напоминает – ей, мне, окружающим. Но... ты не заметила, что он перегибает палку? Если он так уж терпеть не может Лауру, то для этого должна быть куда более веская причина, чем воспоминания о детских обидах и вражде. «Взрослая» причина.

– Если ему нравилась твоя сестра, почему он не открыл ей свои чувства?

– Лаура – красивая девушка, вокруг нее всегда вились симпатичные парни. А Давид, мало того, что с детства испытывает комплекс из-за своей внешности, так еще и Лаура на протяжении многих лет дразнит его «страшилищем». Ну и как тут открыть истинные чувства? Грубость Давида – это панцирь. Успехом у женщин он не пользовался. Конечно, случались у него какие-то короткие романы. Но отношения с Нурией – первые серьезные. И самые долгие.

– Как ты думаешь, его чувства к Лауре уже прошли?

– М-м-м... – замялся Рауль. – Даже не знаю... Давид действительно собирался создать с Нурией семью. И я с уверенностью могу сказать, что чувства к этой девушке он испытывает. Видя пару на протяжении двух лет, наблюдая за их отношениями, я бы решил, что Давид перестал думать о моей сестре, если бы не...

– Если бы не что? – нетерпеливо поторопила я Рауля, потому что он замолчал. То ли специально, чтобы подразнить меня, то ли уже сомневаясь, стоит ли и дальше вскрывать замки на чужой тайне.

– Недавно я узнал, что Давид носит с собой одну фотографию... Получилось случайно. Мы вместе обедали в ресторане. И когда Давид расплачивался, из бумажника выпал снимок, сделанный несколько лет назад в Лондоне. Лаура год жила в Англии, и я приезжал к ней. Один, или с Ракель, а однажды – и с Ракель, и с Давидом. Помню, он напросился в поездку с нами в самый последний момент. Сказал, что хотелось бы посмотреть Лондон, попробовать местную кухню. Я опасался, что сестра отнесется к приезду «врага», мягко говоря, без энтузиазма, но мы провели в

Лондоне два отличных дня. Давид, Лаура и я. Втроем. Потому что Ракель ходила с недовольным видом, все ей не нравилось, но это не испортило остальных настроение. Так вот, возвращаясь к фотографии... На ней мы сняты втроем – Давид, Лаура и я. Нам было очень весело, мы не прекращали смеяться. Помню, пытались сфотографироваться на фоне проезжающего двухэтажного автобуса, но каждый раз нам что-то мешало. Все же Ракель в последний момент удалось сделать снимок, правда, автобус уже почти «выехал» из кадра. Давид носит этот снимок в бумажнике до сих пор. Зачем? Любуется на себя? Так дорог ему я? Возможно, но не настолько, чтобы носить «у сердца» мою фотографию. А Лаура, кстати говоря, на том снимке вышла очень хорошенькой. И естественной. Обнимает Давида. Полное впечатление, что нет между ними никакой вражды и никогда не было.

– А как отреагировал Давид, заметив, что ты раскрыл его секрет?

– Как-как, – засмеялся Рауль. – Выхватил снимок и буркнул, что всегда мечтал стать водителем автобуса. Вот такого двухэтажного. Понимаешь? Водитель автобуса! Конечно... Впрочем, я оставил тот случай без комментариев.

– И правильно сделал. А как бы ты отнесся к тому, если бы Лаура стала встречаться с Давидом?

– Да как... Порадовался бы за них! И перестал бы переживать за сестру. С Давидом она была бы в надежных руках. Ну ладно, Анна, хватит, – остановился Рауль, вновь укладываясь на бок и обнимая меня. – Давай спать. Чувствую, завтра нас ждет непростой день.

...Доспать оставшееся до утра время не удалось. Не судьба. Только я задремала, как меня разбудил Рауль тем, что резко сдернул с меня одеяло. Приехали! Хоть в комнате и потеплело, но спать без одеяла все равно было неуютно. Стараясь не разбудить Рауля, я тихонько потянула одеяло на себя, желая «отвоевать» хотя бы краешек, но парень, пробормотав что-то во сне, завернулся в него, как в кокон. Но не угомонился, а вздрогнул вдруг всем телом и тихо простонал. Что ж такое ему снится? Кошмары?

– Рауль? – тихонько позвала я, трогая его за плечо. Он не проснулся, лишь рывком повернулся на другой бок, так, что пружинный матрас задрожал под нами. Как тут заснуть?

И все же усталость, бессонная ночь, переживания брали свое, и я вновь стала погружаться в сон. Но Рауль опять застонал, на этот раз уже громче и протяжней. Я придвинулась к нему, прижалась всем телом и почувствовала, как он мелко дрожит, будто от озноба.

Господи... Встревожившись, я села на кровати и зажгла светильник. Тусклый свет не разбудил Рауля, но я увидела, что его лоб в испарине. Да что ж с ним такое? Его явно лихорадило.

– Рауль, – снова позвала я. Он не проснулся. Лишь повернулся резко на спину и сбросил одеяло. Я укрыла Рауля и, коснувшись ладонью его лба, почувствовала, какой он горячий.

Только этого нам не хватало – чтобы он заболел. Простыл, когда расхаживал босым по ледяному полу? Или его лихорадит из-за порезов?

Давно я не чувствовала себя такой растерянной, бессильной.

Время до рассвета так и прошло: Рауль метался в кровати, то сбрасывал одеяло, то опять кутался в него с головой, иногда стонал, но на мои попытки разбудить его никак не реагировал. Я решила позвать кого-нибудь из друзей, чтобы попросить о помощи, когда Рауль повернулся на бок, выдохнул так, словно наконец-то нашел удобную позу, и, выпростав из-под одеяла одну руку, поискал во сне меня. Я легла рядом, обняла его, опять прижимаясь всем телом. И в этот раз он наконец-то успокоился.

* * *

О Печальной Сеньорите рассказала Исабель. Саму историю она не слышала, но это и не важно. Главное, Исабель знала, как вызвать Сеньориту и попросить о желании.

Я хотела только одного – любви моего ангела. Анхеля. И я решилась.

Я так боялась упустить что-то в ритуале, какую-нибудь деталь, из-за которой такое важное дело могло не получиться, что попросила Исабель повторить историю и записала слово в слово все, что следует сделать.

Свечи приобрела в лавке, принадлежавшей тетке Исабель (когда я отдавала за свечи свои сбережения, подумала, не обманула ли меня хитрая Исабель ради того, чтобы получить от тетки процент от продажи?). Сеньора, считая, что я покупаю свечи для рождественского праздника, советовала купить цветные. Но меня интересовали только черные.

А дальше... Сложно оказалось уговорить Ванессу помочь мне. Эта девица тряслась от страха, как старая Бегония, соседская старуха, от заболевания нервов. Но в конце концов согласилась мне помочь.

Вглядываясь в коридор из зажженных свечей, я думала о том, как это символично – просить прийти Сеньориту перед зеркалом, купленным в лавке отца Анхеля, перед тем самым, которого касалась рука моего ангела.

Я всматривалась в зеркало минута за минутой, с каждой секундой наполняясь волнением. Нужно было отсчитывать мысленно время и не сбиваться, одновременно вызывая Печальную Сеньориту. Как сложно! Не потому сложно, что невозможно считать и одновременно повторять призывы, а потому, что мой мозг затуманивали желанные образы нашего с Анхелем будущего. Вот мы идем рука в руке по полю моего отца, смеемся, вспоминая тот трудный, но счастливый день, когда Анхель со своей семьей помогал нам собирать виноград. И как я тогда от волнения превратилась в дубовую бочку...

Я спохватилась и испуганно одернула себя: как бы не сбиться со счета! И как же хочется хоть одним глазком глянуть туда – в зазеркалье, в тот коридор, выстроенный отражающимися в зеркале зажженными свечами! Но нельзя. Глаза можно открыть лишь в определенный момент. Я звала Сеньориту, считала и думала об Анхеле. Мне казалось, что если я буду представлять его образ, моя спасительница поймет, как я нуждаюсь в ее помощи, и обязательно покажется. Я слышала какой-то шум за дверью и недовольно морщилась. Эта трусиха Ванесса топталась там, вздыхала, охала, что-то бормотала... Как же она мне мешала! Почему я не сделала все сама? В другой вечер, не в тот, рождественский, когда наш дом был полон гостей?

Потому что боялась. Одна бы я не отважилась, хоть Исабель и уверяла, что ничего страшного в ритуале нет. А то, что Сеньорита может утащить тебя в свой мир, так это, призналась Исабель, она выдумала, чтобы приукрасить историю. Нагнать страху.

Последние секунды. Обратный отсчет... На нужной секунде я резко открыла глаза и поначалу не увидела в зеркале ничего, кроме расплывчатого отражения. От неожиданности и испуга я тихонько вскрикнула, но поняв, что это я сама, не сдержала улыбки.

Какая же я трусиха!

Я ждала, но ничего не происходило. Ни-че-го. И я мысленно ругалась на Исабель, представляя, как она смеялась про себя надо мной, когда я под ее диктовку записывала «рецепт». Теперь я догадывалась, что она все выдумала... Чтобы привлечь к себе внимание. Не простила, что в тот вечер на дне рождения Ванессы «королевой праздника» стала я.

А когда уже я собиралась погасить свечи, вдруг увидела коридор – прозрачный, светлый, сужающийся вдали до точки. И белую фигуру в нем. Мое сердце замерло – от радости и одновременно страха. Но я смело протянула ладонь навстречу Сеньорите. И, удивительно, мои пальцы не ощутили прохладной преграды зеркала. Напротив, рука прошла сквозь

стекло так легко, будто было оно воздухом. Тогда я протянула другую руку... И не успела опомниться, как уже шла по прозрачному, очень холодному коридору навстречу приближающейся мне фигуре. Я не слышала стука своего сердца, и моя грудь не поднималась от дыхания, но однако же я шла легко и свободно, как если бы по коридору моего дома. «Сеньорита...» – прошептала я, складывая руки на груди, будто в молитве, и страстно шепча про себя свое желание. Анхель, мой ангел... Как я желаю, чтобы он провел жизнь с мыслями обо мне! Чтобы звучание моего имени – Мария – стало для него самой сладкой музыкой. Чтобы я всегда оставалась для него молодой и красивой... Большее пожелать я не успела, потому что в это время Сеньорита приблизилась ко мне вплотную. И только сейчас я поняла, что это была не она, а... я сама. В новом белом платье, сшитом мне матерью у портнихи. С распущенными локонами, подвитыми в честь прихода гостей. Я сама. Я.

Напуганная, я бросилась назад и бежала по этому бесконечному коридору до тех пор, пока не налетела на стеклянную преграду. О ужас! Я увидела по ту сторону стекла не мою комнату, а чужую – маленькую, темную и узкую, продолговатой формой и обитыми деревом стенами напоминающую гроб. В том «гробу» стояла металлическая кровать, на которой металась в лихорадке юная девушка. Я не слышала ее стонов, только видела, как шевелятся губы, как рот открывается в крике. Не в силах отвести взгляда от страшного зрелища, смотрела, как приподнимается, выгибаясь дугой, ее тело, словно от нестерпимой боли. Как судорожно комкают пальцы смятую простынь. Как поднимаются и падают плечами тонкие руки. Умирая от ужаса, я стояла и впитывала чужие муки, принимая страдания. Я чувствовала, как волны горя, отчаяния, боли врываются, пробивая стекло, в коридор и разносятся стихией дальше. А я все стояла и стояла, трогая ладонями ледяное стекло. До тех пор, пока к ним по ту сторону зеркала не прикоснулись узкие, прозрачно-белые ладони той девушки. Я увидела ее лицо так близко, как если бы мы соприкоснулись лбами. Мы глядели друг другу в глаза, я – в ее, полные черной боли и решимости, и она – в свои же, отражающиеся в зеркале. Ее губы шевелились, но не в молитве, а беззвучно посылая проклятия – на тех, кто видел ее мучения, но не смог ей помочь. На жизнь, за то, что стала адом. На святых, за то, что оказались глухими к ее мольбам. На смерть, которая не торопилась избавить от мучений. А потом... на стекло брызнули красные капли. Девушка протянула трясущуюся руку с бегущим по запястью ручейком, и начертала кровью на стекле проклятие.

И сильная волна холода сбила меня с ног и понесла, как щепку, по коридорам. Меня бросало из одного в другой, тащило по прозрачному полу, сбивало с ног. А когда все стихло, я поняла, что заблудилась...

Я ходила по бесконечным коридорам, умирая от холода, бесконечно долго. И уже совсем отчаявшись, наконец, увидела ее – мою комнату. Страшную, обугленную, сожженную... Но это не самое ужасное... У меня больше не было тела! Его изуродовал огонь, а останки предали земле... Моим новым телом стал ледяной панцирь зазеркалья. Моим домом – прозрачные коридоры. Моим развлечением – подглядывание за чужими жизнями в окна зеркал. День за днем, год за годом я бродила по коридорам, теряя краски, забывая имена, замерзая, согреваясь лишь остатками воспоминаний. Пока в один из дней не поняла, что история о Печальной Сеньорите была лишь выдумкой Исабель... превратившейся для меня в реальность. Я – та самая Печальная Сеньорита, заблудившаяся в коридорах зазеркалья в поисках любви. И моя история – та самая «забытая» легенда.

Вечность мне бродить тут, прячась от зла, волнами врывающегося сюда сквозь «окна». Ссоры, конфликты, слезы, недовольства, дурное настроение, отчаяние, муки – все это видят зеркала и впитывают эту отвратительную «массу», заполняя ею коридоры. Зла тут накопилось так много, что в один день стеклянные стены не выдержат его натиска и взорвутся. И тогда зло сметающим потоком, как нечистоты из прорвавшейся канализации, хлынет в мир звуков и красок.

Я, боясь уйти далеко от дома, хожу лишь по знакомым мне коридорам, отходящим от развешенных по комнатам зеркал. Мой маленький мир, в котором главенствует зло, рожденное написанным кровью проклятием с того злосчастного зеркала. Увы, это я принесла его и, как заразу, распространила по остальным коридорам, заразив и сам дом. Зло разрастается плесенью на влажных стенах, вгрызается в балки древоточцами, раскидывает сети-паутины.

И, может быть, я могла бы что-то сделать для спасения моего дома: уедут гости, прекратятся их ссоры, зло лишится пищи... Если бы капли свежей крови не попали в зазеркальный мир. Старое проклятие, подпитанное ею, набрало такую силу, что стены коридоров пошли трещинами...

Я не услышала, как встал Рауль, но проснулась, почувствовав его отсутствие.

– Рауль? – позвала я, открывая глаза. И осеклась, увидев, что простыня на его половине – во влажных кровавых пятнах.

– Господи! – испуганно воскликнула я, мгновенно вскакивая на ноги. – Рауль, ты где?!

Дверь в ванную была приоткрыта, но из-за нее не доносилось шума пущенной воды. Совершенно не беспокоясь о том, что могу войти в неподходящий момент, подталкиваемая тревогой, я вошла внутрь.

Рауль сидел на краю ванны и перебинтовывал себе руку.

– Привет! – поздоровался он, как ни в чем не бывало. – Я тебя разбудил?

Я покачала головой. Заметила в раковине футболку в темных пятнах и выброшенный в мусорное ведро окровавленный бинт. Присев рядом с Раулем, я легонько коснулась ладонью его голой спины.

– Что с тобой?

– Ничего, – пожал плечами он и улыбнулся безмятежной улыбкой ребенка. Но никакой улыбкой и беззаботным тоном не замаскировать следы плохой ночи – темные круги, потухший взгляд покрасневших глаз. Из-за щетины и нездоровой бледности лицо Рауля казалось осунувшимся.

– Давай помогу, – предложила я, увидев, что бинт выскользнул из его пальцев и, разматываясь, полетел вниз. Рауль подхватил его почти у самого пола и с готовностью протянул мне.

– Ты неважно выглядишь, – честно сказала я, заканчивая перевязку.

– А кто будет хорошо выглядеть после такой ночи?

– Ты спал очень беспокойно. Я даже хотела позвать кого-нибудь на помощь.

– Зачем? – удивился Рауль.

– Потому что тебе было плохо. Ты метался, стонал, тебя лихорадило – то бросало в жар, то знобило.

– Ничего не помню, – покачал он головой. – Только то, что мне снился какой-то нехороший сон, который забылся сразу после пробуждения.

– А с рукой что?

– На первый взгляд все в порядке, – ответил Рауль, но как-то неуверенно. – Швы не разошлись. Раны не воспалились. И не кровоточат.

– Не кровоточат, говоришь? Однако же ты как-то уделал кровью и одежду, и постель. Не говоря уж о промокших насквозь бинтах. Тебе надо к врачу, Рауль. Я не знала, что с тобой делать ночью... Будила – ты не просыпался. Обнимала – ты меня отталкивал. Укутывала – скидывал

одеяло и тут же вновь его искал. Лоб твой пылал как при высокой температуре.

– Но сейчас я в порядке.

– Ой ли?..

– Ладно, Анна. Вернемся домой, и я съезжу к себе в госпиталь, – нехотя сдался Рауль. – А пока займемся насущными делами. Если ты не собираешься возвращаться в постель, то давай приведем себя в порядок и спустимся. Думаю, после этой ночи вряд ли кто-то встанет рано, значит, завтрак задержится. Не станем всех ждать, выпьем кофе. А потом я посмотрю, можно ли вывернуть замок. В подвале поищу инструменты: я видел, что там брошены всякие вещи. Вдруг повезет?

Собрались мы быстро. Когда я торопливо причесывалась у зеркала, увидела, как по стеклу пробежала жирная мохнатая гадина с раздвоенным хвостом. Омерзительная до отвращения. Но я уже ничему в этом доме не удивлялась. Появление этой твари непонятно откуда было самым нестранным событием. Хоть и создавалось впечатление, будто она выползла из середины зеркала: на стекле появилась вначале ее передняя часть с тонкими ножками, затем – хвост с «рогаткой» на конце. Я, не проследив, куда скрылось насекомое, поспешила покинуть ванную.

Рауль ошибся, предположив, что мы проснулись первыми. В столовой уже был Давид, который возился с замком входной двери.

– Приветствую! – буркнул он, мельком оглядываясь и вновь возвращаясь к своему занятию – попытке ножом выковырять какую-то деталь.

– Как успехи? – поинтересовался Рауль, кивая на дверь.

– Да как... Дрянь дело! Пока ничего у меня не выходит.

– Инструменты не искал?

– А как же! У меня было много свободного времени для того, чтобы обследовать этот проклятый дом! – с сарказмом выдал Давид. Похоже, после ссоры с Нурией он «ночевал» в столовой.

– Мы тут как в мышеловке! И какой идиот сделал такие узкие окна, а на широкие поставил решетки? Я уже проверил все, что можно. Пробовал и прутья раздвинуть, и вытащить их из гнезд. Бесплезно! Особенно когда никаких инструментов нет.

– В подвале смотрел?

– И там тоже... Дьявол! Замок еще мудреный: ни одного шурупа с этой стороны... Не вывернешь! И дверь с петель не ссадишь. Все сделано как в тюрьме.

– Дай-ка я посмотрю, – предложил Рауль. Давид подвинулся, уступая

ему место, и мимоходом заметил:

– Отвратительно выглядишь, приятель.

– А как еще выглядеть после отвратительной ночи? – парировал Рауль, внимательно оглядывая замок.

– Пойду, приготовлю кофе, – сказала я.

– Будь добра, – с благодарностью выдохнул Давид.

Поставив на поднос чашки с растворимым кофе и тарелку с печеньем, я вернулась в столовую и застала друзей уже не осматривающими замок, а разглядывающими что-то над дверью.

– Вчера ее не было, – сказал Давид, щурясь. – Точно говорю!

Я подняла глаза и увидела трещину в каменной кладке сбоку от двери в два пальца толщиной и длиной примерно в полметра.

– У твоей сестрицы в комнате тоже одна появилась.

– Давид, давай выпьем кофе, потом подумаем, что делать, – ответил Рауль, но и по его тону, и по встревоженно нахмуренным бровям стало ясно, что трещины его беспокоили.

– Может, проще подождать, когда дверь сама выпадет? – неловко пошутил Давид, беря с подноса чашку. – И тогда мы выйдем.

– Не выйдем, – вдруг раздался еще один голос Лауры. Увлеченные рассматриванием стены, мы не заметили, как девушка спустилась в столовую. Одета в джинсы и длинный свитер, с заколотыми наверх волосами, умытая, немного бледная, она казалась пятнадцатилетней. Ничего общего с той странной Лаурой, которая пугала чужой улыбкой, рядилась в короткое платье, развратно выставляя на обозрение бедра, и усмехалась, наблюдая ссоры. Сейчас она была той Лаурой, которую мы все знали. Но наваждение развеялось, стоило ей произнести следующую фразу:

– Эта тварь нас не выпустит.

– Какая тварь? – развернулся к сестре Рауль.

– Та, которая сталкивает нас лбами, чтобы нажраться дурной энергии, та, которая разъедает дом, – кивнула она на трещину. – Та, которая присосалась к тебе и пирует твоей кровью. Плохо! Теперь дом нас не выпустит. Нет выхода, понимаете? Мы обречены, и в первую очередь – ты.

– Нет, – честно ответил Рауль. – Не понимаю.

А Давид, сверкнув глазами на девушку, ожидаемо вспылал:

– Лаура Оренсе Морено! Замолчи, иначе я за себя не отвечаю! От тебя тут одни неприятности! Если под тварью ты имела себя...

– Давид! – резко оборвал его Рауль. – Оскорблениями ты ничего не добьешься.

– Оставь его, – махнула рукой, отворачиваясь, Лаура. И мне

показалось, что в ее глазах блеснули слезы. – Пойду выпью кофе.

– Иди, и не маячь тут! И так тошно, – пробормотал себе под нос Давид. Не знаю, услышала его Лаура или нет, – в этот момент она уже скрылась на кухне. Я взяла свою чашку и отправилась следом за девушкой.

Она стояла возле стола, повернувшись к двери спиной и опираясь ладонями о столешницу.

– Сделать тебе кофе? – заботливо предложила я. Девушка неопределенно покачала головой – то ли «нет», то ли «да». Затем решительно вытерла ладонью глаза и повернулась ко мне.

– Лаура, у него ночь вышла сложной, – попробовала я и утешить ее, и оправдать грубость Давида.

– Оставь, Анна, – поморщилась она. – Давид такой, какой есть. Меня не выносит с детства, что я могу сделать? Также ненавидеть его, как и он меня. Все.

– Что ты сказала по поводу твари? – сменила я тему. – Расскажи, что тебе известно. И откуда. Обещаю, что поверю тебе.

Лаура вздохнула, глядя в сторону, а потом, подняв на меня глаза, начала:

– Я...

Но договорить ей не дал поток ругательств, которыми разразился Давид.

– Что случилось? – вылетели мы с кухни.

Давид стоял на коленях перед входной дверью, в одной руке он держал нож с отломанным кончиком, а кулаком другой бил по замку.

– Зараза! Сломался!

– Я же сказала, что зло нас не выпустит, – прошептала тихо Лаура, но вслух съехидничала: – Что еще можно ожидать от страшилища, который только и может, что жалить языком. Носит дурацкие пижамы, делающие похожим его на перекормленного пингвина, и живет с уб...

– Замолчи! – отшвыривая нож, вскочил на ноги Давид. Не успели мы с Раулем и глазом моргнуть, как он поднял ручищу – то ли собираясь ударить Лауру, то ли закрыть ей ладонью рот. Я испуганно вскрикнула, Рауль метнулся к Давиду, стремясь перехватить его руку. Но Давид вдруг опустил ладонь с растопыренными пальцами на затылок девушки и, рывком притянув ее к себе, впился ртом в ее губы.

Мы так и замерли на полпути и, растерявшись, не сразу сообразили, что лучше тихо уйти и оставить «разбираться» Лауру и Давида наедине.

Нетерпеливо, так, будто в несколько мгновений пытаюсь втиснуть желания всей жизни, совершенно не обращая внимания на нас, с

алчностью похитителя сокровищ, Давид хватал, тискал, сгребал, гладил затылок Лауры, ее волосы, лицо, тело. Терзал, как умирающее от голода животное – жертву. Сжимал в объятиях с такой силой, что чудом не ломал ей кости. Целовал с жадной перешедшего пустыню путника. Цеплялся за нее, как потерпевший кораблекрушение – за обломок доски.

Рауль тихонько присвистнул и выразительно посмотрел на меня: «Ну, что я говорил?..» А затем, увидев, что Лаура высвободила руки, чтобы обнять Давида, дернул меня за рукав и кивнул головой в сторону лестницы. «Пойдем», – без слов произнес он. «Да, ты прав», – ответила я ему взглядом.

– Лаура... – донесся до нас еле различимый шепот Давида.

И тишину вдруг взорвала звонкая пощечина. Перекошенное незнакомое лицо, сжатые в кулак пальцы поднятой руки и ненависть, полыхающая в глазах – такой мы увидели, испуганно оглянувшись, Лауру.

– Не вышло хэппи-энда... – с горечью выдохнул Рауль, в бессилии разводя руками.

* * *

В моем первом поцелуе нет нежности молочного суфле и девственной неумелости. В нем нет сладости грез, робкой пылкости, легкости едва уловимых прикосновений, как от падающих на губы лепестков. Он совсем не похож на первый поцелуй из моих фантазий.

В нем – соль непролитых слез. И горечь невысказанных слов. В нем – прямота первобытных инстинктов. И боль истерзанного сердца. В нем – жар лесных пожаров. И пепел сожженных надежд. В нем – вспышки коротких радостей. И темнота одиноких ночей. Огонь страсти и лед чужого безразличия. Безумие, ослепление, отчаяние, решимость, страх и ликование. Поцелуй не ангела, а дьявола.

И нет перелива колокольчиков, в ушах – рев стихии. Нет учащенного стука сердца, – оно взорвалось от эмоций. Нет стыда невинной девы, а есть порочность падшей женщины. Все мое существо превратилось в одно желание – идти за ним, лететь за ним, бежать за ним. Хоть в воду, хоть в огонь, хоть в небо, хоть в могилу.

С ним все мои молитвы упростились до одной: храни его, боже... Рай там, где есть он, все остальное – ад.

Но только я собралась в ладонях протянуть ему расцветший в моей душе цветок, как с его губ сорвалось чужое имя.

Не Мария...

И я вложила в удар всю силу моего горя.

* * *

Впервые мы завтракали не вместе, за общим столом, а по отдельности – по мере того, как кто-то просыпался и спускался на кухню. Даже стол не стали накрывать. Может быть, потому, что наш шеф-повар Давид, спалив до угольного цвета пару тостов, обреченно махнул рукой и ушел, а может, потому что напряжение, возникшее в нашей компании, за ночь не развеялось, а, наоборот, зависло над нами плотным куполом. Ни у кого не было аппетита, в основном обходились растворимым кофе, выпивая его на ходу, прямо на кухне. Единственной парой в отличном настроении были Чави с Сарой. Как будто ничего не произошло! Похоже, после темпераментной ссоры последовало не менее горячее примирение. Скорее всего так и было, судя по блестящим глазам Сары и геройскому виду, с каким расхаживал, потряхивая дредами, Чави.

– Не дом, а зоопарк какой-то, – проворчал он, принимая из рук Сары чашку с какао. – Проснулись с пауками в постели, можете представить?

Но его реплика осталась без внимания. Только заглянувшая в этот момент на кухню Моника воскликнула:

– Ой, а у нас все зеркало трещинами пошло...

Но и на эту новость никто не обратил внимания. Всеми будто овладела великая апатия. Даже о том, что нужно уезжать из дома, не заговаривали.

В столовую спустилась Нурия. Поздоровавшись сухо со всеми, она приготовила две чашки ромашкового чая и ушла в спальню. Глаза ее были сухими, но покрасневшими и опухшими. Наверное, остаток ночи она провела в слезах.

Рауль с Серхио изучали окно в комнате с пианино – оно им показалось самым широким в доме. И теперь пробовали выломать решетку. Я же, не зная, чем себя занять, просмотрела все рекламные буклеты (но среди них так и не оказалось ни одного, дающего хоть какую-то информацию о доме) и решила спуститься в подвал.

Савелий говорил, что корень зла – здесь. Я догадывалась, что нужно искать, но хотела проверить свое предположение.

Пройдя стеллажи с бутылками и винные бочки, я толкнула дверь из металлических прутьев. Тяжело, со скрипом, но она поддавалась. Переступив через валявшуюся на проходе кочергу, не удивилась ее наличию, напротив,

обрадовалась тому, что нахожусь на верном пути. Отметила взглядом разбитый фонарь. И наконец обнаружила то, что искала.

– Я увидела, что ты отправилась сюда одна и решила пойти за тобой, – услышала я вдруг за своей спиной и от испуга вскрикнула.

– Ой, прости, – потупилась Лаура. – Надо было как-то показать свое присутствие сразу, как только я спустилась сюда... Ты что-то тут ищешь?

– Уже нашла, – сказала я, кивая на пыльное зеркало, прислоненное к каменной стене. – Оно у тебя никаких воспоминаний не вызывает?

– Зеркало? – наморщила лоб Лаура. – Не знаю... У меня... провалы в памяти. Собственно желая поговорить с тобой об этом, я и спустилась. Ты обещала мне... поверить.

Я нашла взглядом перевернутое ведро, села на него и пригласила Лауру присесть на деревянный ящик.

– Мне здесь... страшно.

– А совсем недавно ты признавалась, что тебе отсюда не хочется уходить, – напомнила я.

– Это было еще до... До того, как я начала чувствовать себя непонятно. Будто я – это не я. Что-то ускользает из моей памяти, мне рассказывают об этих эпизодах посторонние, например Нурия, а я ничего не помню. Но взамен я получаю воспоминания о другом прошлом.

– То есть?..

Лаура вздохнула, опустила взгляд на зажатые между колен, обтянутыми узкими джинсами, руки, и призналась:

– Я «помню» эпизоды из жизни, но чужой. «Вспоминаю», как с семьей – не моей – собирала виноград. Страдаю по какому-то Анхелю. У меня в жизни не было знакомых с таким именем!

– Кажется, так зовут хозяина этого дома.

– О господи... Страдать по старику! – грустно усмехнулась Лаура. – Еще я знаю о каждом в нашей компании некоторые секреты. Например, как-то мне стало ясно, что Нурия сделала аборт. Что ты ревнуешь Рауля к его прошлым отношениям и боишься, что он вернется к Ракель. Что Чави и Сара... Да, в общем, и так понятно!

Она заметно смутилась, поняв, что чуть не выдала чужие тайны.

– Еще я знаю, какая опасность нам всем угрожает. Дом нас не выпустит! Дверь не откроется, решетки не выломаются. Может быть, он рухнет, потому что по стенам пошли трещины, и мы останемся под его обломками. Хозяин если и придет за нами, то уже тогда, когда нас не станет.

– Что ты такое говоришь, Лаура! – воскликнула я.

– То, что откуда-то узнала... Странные вещи говорю, да? Боюсь, ты подумаешь, будто я больна, как друг Рауля. Знаешь, я бы согласилась на то, чтобы мои слова были бредом сумасшедшего, лишь бы они не оказались правдой! У нас еще был шанс выйти отсюда, но Рауль...

– Рауль? А он тут при чем?

– Он... Как бы тебе объяснить. Что-то случилось в прошлом... Трагедия. Пролилась кровь. И это породило зло, умножило его, напитало силой. Оно дремало, после того, как в прошлом уже хорошо побушевало. Но, попробовав крови, проснулось. Более сильным, жадным, непобедимым.

– Хочешь сказать, что в этом вина Рауля?

– Не прямая, конечно. Но, вернувшись раненым в этот дом, он подписал смертный приговор не только себе, но и нам всем. Тварь от него не отстанет... Будет сосать из него кровь и дальше. И чем больше «она» его питывается, тем сильнее становится. Это как дразнить запахом крови акулу, понимаешь?

– Рауль сегодня проснулся в крови. И спал очень плохо... – пробормотала я, вспоминая и лихорадку Рауля, и кокон холода, который его окутывал.

Лаура вместо ответа развела руками, словно говоря: «Вот видишь!»

– Зло копится в зазеркалье, – продолжила она. – И просачивается через зеркала и через все, что может отражать. Может быть, Рауль неосторожно коснулся порезанной рукой зеркала и оставил на нем пятна крови?..

– Говоришь, все, что отражает, тоже в своем роде «двери»? – спросила я, припоминая ночь на кухне. – Не знаю, коснулся ли Рауль зеркала, но он разливал вино из бутылки, вертел в руках бокал. Хорошо, с этим более-менее ясно. Но что произошло в ту ночь, когда ты очнулась на ступенях лестницы, ведущей из этого подвала?

– Не помню, – покачала головой Лаура. – Мне только... снилось или виделось, что я бегу по прозрачному коридору. И вдруг, будто что-то вспомнив, развернулась и побежала назад. Прыгнула... И словно прошла через какое-то препятствие. Очнулась уже на ступенях лестницы. Все.

– Значит, говоришь, выхода нет? – раздался за нашими спинами голос, заставивший нас резко обернуться. Возле двери, опираясь одной рукой о стену, стоял Рауль.

– Ты все слышал? – с испугом спросила Лаура.

Вместо ответа Рауль подошел к нам, присел перед зеркалом и внимательно осматривал его.

– А на вид – обычное!

Он поднял какой-то бумажный листочек, валяющийся неподалеку от

зеркала, развернул его, прочитал написанное и хмыкнул.

– Ой! – воскликнула Лаура, выхватив у него из рук бумажку. – Я это уже видела... В одной из книг, которую взяла почитать в библиотеке, между страниц был заложен этот листок. Я использовала его в качестве закладки.

– Только ли как закладку? – нахмурилась я, читая. – Это похоже на записанный кем-то один из детских ритуалов, которыми развлекаются девочки. Мы в детстве тоже, помнится, с подругами пытались вызвать то Золушку, то Карамельную Королеву, то гномиков... Может ты прочитала то, что тут написано и спустилась в подвал к этому зеркалу? Подумала, что это твой последний шанс на исполнение заветного желания?

Домыслы, мои домыслы... Но могла ли она и правда попробовать таким образом «получить» Давида?

– Вспомни, Лаура, у тебя в руке оказался огарок свечи... – продолжала я.

– Анна, я ничего не помню, кроме того, что рассказала тебе! – воскликнула со слезами в голосе Лаура.

– Тише, тише, успокойся, – обняла я ее.

– Мне кажется, будто кто-то живет во мне!

– Спокойно, спокойно, – попросил ее доброжелательным тоном Рауль, поднимаясь с корточек. – Мы что-нибудь придумаем. Не может такого быть, чтобы не нашлось выхода. И из дома, и... вообще.

– Все из-за этого зеркала, – буркнула Лаура, с неприязнью глядя на пыльное стекло.

– Рама, кстати, у него не такая уж старая. Я бы сказал, почти новая.

– Ее поменяли. После пожара, – мрачно обронила Лаура.

Мы с Раулем переглянулись.

– Какого пожара? – встревожилась я, припоминая слова Савелия.

– В доме был пожар. В комнате, в которой я остановилась. И все из-за этого проклятого зеркала! – вдруг закричала она. И не успели мы опомниться, как Лаура с силой опрокинула зеркало на пол. Раздался громкий звон, и следом – хохот девушки.

– Бесполезно, бесполезно, – выкрикнула она сквозь жуткий смех, и страшная гримаса опять исказила ее лицо.

– Лаура? – шагнул к ней Рауль, протягивая руки, чтобы обнять.

– Бесполезно! – отскочила она. – Хоть все зеркала перебей, это не выход! Каждый осколочек будет по-прежнему выпускать зло из зазеркалья! Каждый осколочек, каждый бокал, каждая рюмка – все, что может отражать, подобно зеркалам! Мы тут останемся! Мы обречены!

– Да тише ты. Тише!

Рауль пытался обнять сестру, но она, как проворный зверек, отскакивала каждый раз, когда он почти хватал ее. И продолжала хохотать – не своим смехом. У меня мурашки пошли по коже, когда я вновь увидела эту жуткую ухмылку-оскал на ее красивом личике. Наконец, Раулю удалось схватить сестру. Он коротко кивнул мне, прося следовать за ним, и торопливо понес извивающуюся в попытках высвободиться сестру к выходу. Я поспешила за ними.

– Дьявольское место, – услышала я, как Рауль тихо пробормотал себе под нос. Перескакивая через ступеньки, с уже притихшей Лаурой, перекинутой через плечо, он бегом поднялся по лестнице. Но когда распахнул дверь, нас оглушили вопли, напоминающие крики потревоженных чаек, и сильно пахло гарью.

– Пожар!

Кто прокричал это слово, мгновенно приводящее в движение даже мертвые камни, я так и не разобрала. Крики, визг, суета, метания, паника. Ад.

– Не поднимайтесь туда! – закричал Чави, проносясь мимо нас со скрученной жгутом рубашкой, с которой капала вода.

– Что случилось?! – выкрикнула я ему в голую спину, тогда как Рауль торопливо поставил Лауру на пол и, проигнорировав предупреждение друга, ринулся за ним.

– Горит комната Лауры. Возможно, уже и часть гостиной.

– А зачем он рубашку снял и намочил? – невпопад спросила Лаура уже своим нормальным голосом. Видимо, от шока пришла в себя. Я ей не ответила и помчалась следом за Раулем. А за мной – и его сестра. Нормальные люди бегут от огня, а мы – наоборот. Помешательство...

– Куда?! – рявкнул встретившийся нам на лестнице Давид. – Быстро вниз!

– Давид, давай всех девчонок в подвал! – крикнул сверху Рауль и закашлялся. – Туда хоть дым не скоро проникнет.

– Быстро, быстро, быстро, – поторопил нас Давид, расставив в стороны, насколько позволяла узкая лестница, ручищи, чтобы не пропустить нас наверх.

– Рауль? – только и смогла вымолвить я.

– Сейчас мы все к вам спустимся! Законопатим щели, чтобы дым не так быстро просочился вниз.

Мы спустились на этаж. Давид, выцепив взглядом мчавшихся из кухни с наполненными водой кастрюлями Марка и Серхио, отобрал емкость у Марка и скомандовал:

– Марк, строй девушек и спускай всех в подвал! И сам сиди и сторожи их. А то, не дай бог, полезут сеньориты наверх – нам «помогать».

Марк коротко кивнул, принимая задание и, вытянувшись во весь свой небольшой рост, расправил гордо плечи и, разве что не выгнув грудь колесом, гаркнул:

– Девушки, все – в погреб!

– Давид! – окликнула повернувшегося к лестнице парня Моника.

– Дорогая моя, не время для споров, – оглянулся Давид, уже ставя ногу на ступень. – Если ты опять заведешь песню о том, что это «попахивает мачизмом» – отправлять женщин в погреб, тогда как я должен был предложить вам поучаствовать в тушении пожара, то мы тут все если не сгорим заживо, то задохнемся. Не тот момент, дорогая моя, не тот.

– Давид, я не это хотела сказать... – сделала к нему шаг Моника. – Будьте осторожны!

Он замешкался с ответом, глядя сверху вниз на девушку, прижимающую руки к груди словно в мольбе. И затем после паузы запоздало выдавил:

– Хорошо.

И торопливо побежал наверх.

– Моника, в подвал! – гаркнул Марк. И, обращаясь к остальным девушкам, бодро прокричал, стараясь заглушить встревоженный гул:

– Не волнуйтесь, все будет хорошо!

– Как же, будет хорошо, – пробормотала стоявшая рядом со мной Лаура. И вдруг, развернувшись, направилась к лестнице, но не к той, по которой спускались в подвал, а к ведущей наверх.

– Лаура, куда ты?! – побежала я за ней.

Но она неслась по лестнице с решимостью идущего первым спринтера. Чуть не сбила с ног спускавшегося навстречу Серхио. От неожиданности тот посторонился, пропуская девушку. Лаура скользнула мимо замершего на площадке с кастрюлей в руках Чави, оттолкнула Давида с Раулем, которые мокрыми футболками обкладывали порог, пытаясь задержать дым, просачивающийся сквозь щель. Распахнула, несмотря на возмущенные вопли и ругательства парней, дверь и ринулась в гостиную.

– Куда это она?! – воскликнули мы вместе с Раулем.

Я мельком увидела, что Лаура пересекла задымленную гостиную и, кашляя, влетела в охваченную огнем спальню.

– Идиотка! – взревел Давид. И, на ходу натягивая мокрую футболку, ринулся за девушкой.

– Чави! – крикнул Рауль, сгребая меня, в шоке замершую на пороге, в

охапку. – Отнеси ее в подвал и не выпускай!

Он сунул меня в руки Чави, и тот, не церемонясь, перекинул меня через плечо и побежал по лестнице вниз. Рауль торопливо натянул на себя мокрую футболку и бросился в гостиную.

По дороге в подвал я выслушала от Чави целый поток ругательств – и в адрес дома, и хозяина, который устроил нам западню из-за установленных на окнах решеток, и в адрес гнилой проводки. Не обошел он и слушниц – меня и Лауру.

Он сгрузил меня в подвале прямо на каменный пол. И сжал в объятиях бросившуюся ему на шею Сару.

– А Давид где? – встревожилась Нурия.

– Там... Спустится сейчас, – ответил ей Чави. – Я наверх! Марк, Серхио, следите за красотками, чтобы они опять, как тараканы, не расползлись по горящему дому!

С этими словами он сердито посмотрел на меня. Но выйти не успел, потому что на лестнице послышались голоса, и в подвал вошли Рауль с Давидом.

Оба опять были с голыми торсами, видимо, оставили футболки, как и собирались, под дверью. Давид нес на руках Лауру, Рауль шел следом за ними. Лица обоих были перепачканы, волосы опалены.

– Что с ней? – кинулись к Давиду с Лаурой на руках сразу Моника, Сара и Лусия.

– Ничего страшного. Немного наглоталась дыму.

– Она обожглась? – тревожно спросила я.

– Не успела, – ответил мне Рауль, почесывая выпачканный сажей нос. – Давид остановил ее. Сумасшедшая!

– Она без сознания?

– Была в сознании. А потом... выключилась, но дышит так ровно, словно сладко спит.

Давид тем временем оглянулся в поисках места, куда можно положить Лауру. Так и не найдя, на его вкус, ничего подходящего, присел с девушкой на руках на корточки и, бережно удерживая драгоценную ношу, аккуратно опустил на пол. Взгляд, которым его испепелила Нурия, мог бы разжечь другой пожар. Не она ли подожгла взглядом проводку в комнате соперницы? Но Давид даже не глянул в ее сторону.

– Похоже, и вправду уснула... – пробормотал Рауль после беглого осмотра сестры. – Странно. Но так даже лучше. Давид, присмотришь за ней?

Вместо слов парень крепче прижал к себе Лауру и, чтобы ей было

удобно, подсунул ей под голову свою широченную ладонь. Девушка пошевелилась, что-то пробормотала и прижалась щекой к голой груди Давида.

– Рауль, куда ты? – встревожилась я, увидев, что он направился в глубь подвала. – погоди, я с тобой!

Он подождал меня, и мы прошли через дверь на другую половину. Я решила, что Рауль остановится перед опрокинутым зеркалом, но он отправился дальше. Мы дошли до каменной стены, откуда противоположный конец подвала уже почти не был виден.

Прищурившись, Рауль внимательно осмотрел стену, кое-где потрогав камни, оглядел потолок и пол. Затем развернулся ко мне:

– Решил проверить, нет ли тут двери, ведущей наружу. Должен быть выход, что бы там ни говорила Лаура.

– Ты ей поверил?

– А ты? – вопросом на вопрос ответил он. Я промолчала, не зная, что сказать. Поверить Лауре означало принять то, что мы действительно оказались в смертельной ловушке. Я неопределенно мотнула головой, не выражая ни «да», ни «нет».

– Зачем она ринулась в огонь? – недоуменно спросила я, все еще не в силах избавиться от стоявшей перед глазами картины с бегущей в горящую комнату девушкой.

– Не знаю. Надеюсь, когда проснется, расскажет, что за сумасбродство пришло ей в голову, – раздраженно ответил Рауль. – Сказала лишь, что огонь для нее – единственный выход. Вот как хочешь, так и понимай!

– Если Лаура нашла выход для себя, значит, он должен быть и для остальных! Я поверила твоей сестре, – с вызовом заявила я. – Но отказываюсь верить в то, что мы не отыщем решения!

– Я тоже, Анна, – спокойным тоном ответил Рауль, беря меня за руку.

– Сколько у нас времени? Проникнет ли дым сюда раньше, чем кто-то увидит горящий дом и вызовет пожарных? И видно ли его из поселка?

– Тише, Анна, не паникуй.

– Сложно, Рауль, оставаться спокойной! Мы пробовали открыть дверь, пробовали разобрать замок, пытались выломать решетки... И все оказалось бесполезным!

– Ты же сама сказала, что отказываешься верить в то, что мы не найдем решения, – напомнил Рауль, останавливаясь и беря меня за плечи.

– Мне кажется, что мы его ищем не там... И не так. Сейчас уже не важно, Рауль, возник ли пожар из-за проводки или это происки «темных сил», образовались ли трещины потому, что подземные воды подмыли

фундамент или это опять же «вина» чего-то злого, поселившегося здесь. Нам нужно искать выход – всеми способами!

– Что ты хочешь сказать этим?

– Что выход и правда нужно искать в этом подвале, но не дверь в буквальном смысле слова. Если бы ты вспомнил все то, что я тебе рассказывала... Если бы поверил мне! – в отчаянии прокричала я. Показалось мне или нет, но в воздухе почудился запах гари. Дым уже проникает сюда?

– Если бы ты поверила... мне, – серьезно ответил Рауль, поглаживая меня по щеке тыльной стороной ладони. – В то, что все будет хорошо – и сегодня, и... потом, с нами.

Я не успела что-либо ответить, как он уже отпустил мои плечи и, пройдя немного вперед, присел над опрокинутым зеркалом. Я опустилась рядом.

Рауль молча, без объяснений, осторожно приподнял раму. На полу не оказалось ни осколочка. Он перевернул зеркало «лицом», и мы увидели, что стекло хоть и разбито, но все его части остались на своих местах. Видимо, оно было наклеено на заднюю стенку из фанеры, а не просто вставлено в раму.

– Вы с Лаурой считаете, что все зло исходит от этой невинной с виду вещицы? – спросил, поднимая на меня глаза, Рауль. Звучал его голос серьезно, без иронии.

Я молча кивнула.

– Ну что ж... Попробую... представить, что это и есть наша «дверь» отсюда. Уйдем из дома зеркальными коридорами, – улыбнулся он.

– Шутишь? – насторожилась я, все еще не понимая, поверил ли он мне или просто старается успокоить меня, создавая видимость... действий.

– Шучу, конечно! – преувеличенно весело отозвался Рауль, трогая обеими ладонями разбитую поверхность. – Но не шучу в том, что мы отсюда выйдем.

Я не ответила, приковав взгляд к его перебинтованной руке, а вернее, к темному пятну, проступившему на повязке.

– Рауль, у тебя, похоже, опять кровоточит рана.

– Ерунда, – с излишней беззаботностью, показавшейся мне наигранной, отмахнулся он. – Сказал ведь, как выйдем из дома, съезжу к врачу. Для твоего успокоения.

– Я не об этом... А о том, что рассказала Лаура.

– Я понял, Анна, – произнес Рауль другим тоном – опять серьезным.

Он поежился. В подвале было прохладно – даже для меня, одетой в

свитер и джинсы. Неудивительно, что Рауль, обнаженный до пояса, замерз. Но в дополнение к этой прохладе из зеркала будто потянуло холодом.

Рауль убрал руки с зеркала, и я заметила, что на стекле осталось маленькое кровавое пятнышко. И в этот момент металлическая дверь, отделяющая нас от той части подвала, в которой находились друзья, с силой захлопнулась. Мы вздрогнули и испуганно повернули головы в ту сторону.

– Эй... – подскочил к двери встревоженный Чави. Подергал ее туда-сюда.

– Оренсе, как бы тебе сказать... Но вы, похоже, там оказались заперты. Не знаю, как эта железка захлопнулась, ее никто не трогал, но ваш выход отсюда усложняется еще и этим приключением.

– Форт Боярд какой-то, – прошептала я. Сколько еще понадобится времени, чтобы огонь проник на первый этаж? И можно ли надеяться, что дым не просочится сюда? Я невольно принялась, боясь опять ощутить в воздухе запах гари.

– Вот видишь?! – кивнула я на закрытую дверь. – Как Лаура и ска...

– Тише, тише, – тронул меня за плечо Рауль. Затем поднялся на ноги, огляделся, поднял разбитый фонарь и внимательно его изучил. Потрогал пальцем край стекла, но, будто не удовлетворившись увиденным, покачал головой и поставил фонарь на пол.

– Чави! Дай мне сюда бутылку с вином! – крикнул Рауль, подходя к двери.

– Приятель, не время для праздника, – встревоженно пробормотал Чави. – Или ты настолько уверен в том, что мы не выберемся, что решил принять безболезненную пьяную смерть?

– Приятель, не время для разговоров, – парировал Рауль, требовательно протягивая сквозь прутья решетки руку.

– Держи! – сказал Чави, вкладывая ему в ладонь пыльную бутылку. – Может, нам тут тоже пару бутылочек откупорить?..

Рауль не ответил, вернулся ко мне, обхватил бутылку в середине и аккуратно стукнул ее горлышком о каменную стену.

– Ты собираешься пить вино? Напоить им меня?

– Нет, – спокойно ответил он.

И острием отбитого бутылочного горлышка поддел бинт на руке, будто собираясь его перерезать.

– Что ты задумал? – обеспокоилась я.

– Лучше ты, – протянул он мне осколок. Мой вопрос проигнорировал, похоже, специально. – Сними повязку. Быстро. Только не порежься! Это

очень важно, чтобы ты не поранилась...

Я разрезала узел и принялась аккуратно разбинтовывать Раулю руку.

– Анна, небо, нет времени на это, – нетерпеливо перебил он меня. – Режь бинт вдоль.

– Что ты собираешься делать? – вновь тихо спросила я, наполняясь тревогой. Но, однако, повинаясь его просьбе-приказу, попробовала разрезать стеклом бинт. Попытка не увенчалась успехом: повязка была слишком плотной, не столько рвалась, сколько растрепывалась. К тому же я жутко нервничала.

– Давай я, – сказал Рауль. Отобрав у меня осколок, он кое-как распорол бинт. И то ли швы на его ранах действительно разошлись, то ли Рауль, грубо избавляясь от повязки, еще больше поранился, но вся рука у него в крови.

Я вдруг ощутила, как вокруг нас колыхнулся воздух, будто кто-то невидимый обмахнулся огромным веером. Почувствовала, как мое плечо задело что-то холодное. Увидела, как передернуло Рауля, словно и его коснулось что-то неприятное. Он поморщился, но не от боли, а от отвращения.

– Отвернись! – скомандовал он мне.

– Я не собираюсь ничего больше делать, пока ты не объяснишь, что задумал!

– Анна, мне некогда комментировать каждый свой шаг. Уже не время для разговоров!

С этими словами Рауль отвернулся, но я заметила, что он занес над рукой осколок. То ли сделал новый надрез, то ли распорол швы. Я дернулась, как от боли, так, будто кто-то полоснул острым по моей плоти.

– Рауль, зачем ты... – закричала я, но мой крик утонул в страшном грохоте и испуганном женском визге: один из стеллажей с винными бутылками вдруг рухнул на пол.

–..! – выругался кто-то на той половине. – Все живы?!

Судя по откликам, все были живы. Но кто-то из девушек – я не разобрала кто – не выдержав напряжения, зарыдал в голос. Кто-то метнулся к лестнице. Кто-то прокричал о том, что скоро дым наполнит и это помещение. Паника, нарастающая паника!

– Дьявол... – выругался Рауль, в беспокойстве оглядываясь на другую половину подвала. Я же, парализованная нехорошими предчувствиями, приковала взгляд к его руке, по которой змеились кровавые струйки, собираясь в маленькую лужицу в ладони. В памяти возник недавний сон, в котором я бежала в рассыпающемся пеплом платье по прозрачному

коридору к выходу. Вот он и сбывается. Сбывается! Показалось мне или нет, но кровь, вместо того, чтобы сворачиваться, полилась сильнее.

– Э-эй! – заорал, подбегая к решетке, Чави, от которого не скрылось то, что сделал Рауль. – Оренсе, с ума сошел?! Рано для суицида, мы еще надеемся отсюда выйти!

– Вот ради того, чтобы вы вышли... – пробормотал Рауль так тихо, что друг его не услышал. А я же, опомнившись, ринулась к оставленным на полу обрывкам бинтов. Дурак, дурак! Что же ты натворил!

– Анна! – закричал Рауль мне вслед. Я лишь отмахнулась. Но, подняв один из бинтов, застонала от отчаяния: такими короткими обрывками перетянуть руку невозможно. Теперь мне стало понятно, зачем Рауль потребовал разрезать бинт. Чтобы я не смогла помешать ему!

– Шнурки! – закричала я друзьям, подбегая к двери. – Дайте шнурки!

Стоявший у двери Чави торопливо развязал кожаный шнурок на дредах, и протянул его мне.

– Анна, что происходит? – обеспокоилась перепуганная Моника. Ее лицо показалось мне призрачно-белым.

– Анна! Иди сюда! – крикнул вновь Рауль.

– Что за шаманские ритуалы вы там устроили?! – заорал Чави, и к нему подбежали другие члены компании. – Анна, что он придумал? Если он тут ноги протянет... Эй, Оренсе! Ты же ведь не всерьез, правда? Кто у нас в группе петь будет? Без тебя нам никак нельзя! У нас – записанный диск, который должен взорвать мир. И контракт! Контракт, Оренсе, о котором ты так мечтал! Рауль, идиот, козел... Не вздумай, а?

– Лаура меня заменит, – усмехнулся он. – Как она?

– Спит, – послышался рев Давида. – Что вы там задумали?!

– Анна, мне нужна твоя помощь!

Я ринулась к Раулю. Что-то кричали за моей спиной друзья, но Рауль то ли не слышал их, то ли специально игнорировал. Я же не могла разобрать слов, потому что в мыслях набатом звучало: конец-конец-конец. Мой сон – я знаю, как он закончился. К сожалению, слова Лауры не оказались бредом. Рауль знает, как остановить кровотечение, но в этом случае его знания не помогут... Не помогут!

Что он придумал?!

Рауль сидел, привалившись спиной к стене, между его согнутых в коленях ног лежало на полу зеркало, и парень, казалось, гипнотизировал его взглядом.

Когда я присела рядом с ним, он поднял на меня глаза.

– Послушай, Анна. Если ты мне не поможешь, все окажется

напрасным, – тихо, так, чтобы услышала его лишь я, сказал он. И, изловчившись, выдернул у меня из кулака шнурок.

– Дай сюда!!!

Но Рауль сел на шнурок так, чтобы я не смогла его достать.

– погоди, послушай... Своим рассказом о том, что случилось на фабрике, ты подсказала решение.

– Ты мне поверил?

– А как я могу не верить тебе? – он сделал акцент на последнем слове, глядя мне в глаза. – Я верю, что любовь спасла тебя и не сомневаюсь в том, что она спасет и нас.

– Не представляю, как она может спасти нас в этот раз, если Лаура сказала, что с каждой «проглоченной» каплей крови зло становится только сильнее!

Рауль тихо засмеялся:

– Анна, боюсь, что вы с Лаурой ошибаетесь, представляя то, что поселилось в доме в виде монстра, который обедает и ужинает кровью. Зло питается страхом и болью, страданиями. Негативными чувствами и эмоциями. Оно от меня не отстанет, так и будет «тянуть» кровь, но питаться не ею, а моей болью, твоими страхами.

– Ты уверен?

– Если тебе нужны доказательства...

И прежде чем я успела что-либо ответить, он чиркнул себя по руке поднятым осколком. Я испуганно охнула. А на другой половине подвала вдруг взорвалась лампочка, и это происшествие посеяло новую панику среди девушек. До нас донеслись испуганные крики – женские, и мужские голоса, что-то говорящие с успокаивающими интонациями.

– С ума сошел?! – с трудом пришла я в себя от двойного испуга.

– Нет. Ради того, чтобы ты увидела... Лаура сказала, что «тварь» не отстала бы от меня, так и тянула бы из меня кровь, убивая медленно, заставляя испытывать боль, а тебя – страх. Так и так, у меня нет выхода. Но это две большие разницы – отдавать свою кровь поневоле или добровольно. Понимаешь? Я буду счастлив сделать это ради тебя. Ради всех... нас. Понимаешь, счастлив.

С этими словами он перевернул ладонь над зеркалом. Кровь полилась на стекло и вдруг с тихим шипением, будто попала она на раскаленную поверхность, исчезла в трещинах между осколками.

Я зажмурилась от внезапно возникшего головокружения, будто это я теряла кровь, а не он. Все происходящее казалось кошмарным сном, в котором я опять оказалась в реальности. Доколе? Что за проклятие –

узнавать заранее то, о чем мне бы не хотелось знать? Я видела, чем все закончилось во сне. Я знала, что спасусь, но Рауль останется здесь, выменивая у «твари» наши жизни в обмен на свою. Но как мне жить дальше – без него? Ведь для меня существует лишь тот мир, в котором есть Рауль. И если он так решил, то и я тоже...

Я резко открыла глаза и, оглянувшись, схватила валяющееся неподалеку от меня бутылочное горлышко.

– Ты не сделаешь этого! – реакция Рауля оказалась куда быстрее моей. Его пальцы стальным браслетом сомкнулись на моем запястье и сдавили его так больно, что я, тихонько вскрикнув, выпустила осколок.

– Ты. Этого. Не. Сделаешь, – повторил Рауль, глядя мне в лицо. В полумраке его зеленые глаза казались черными. А может быть, такими они стали от боли? Что я могу знать о том, что он сейчас чувствует?

– Если ты поранишься, я не смогу остановить кровотечение. Потому что тот, кто обитает в этом доме, мне не даст это сделать – несмотря на все мои попытки. Высосет кровь и из меня, и из тебя. И только станет сильнее. А я на тебя рассчитываю.

– Я хочу уйти с тобой, – прошептала я.

– Так и сделаем. Уйдем вместе – из этого дома, – бодро, слишком бодро, сказал Рауль. И эта нарочитая беззаботность в его голосе, напротив, напитала меня страхами. – Давай, Анна, мне нужна твоя помощь, а не эмоции. Без тебя ничего не выйдет. Пожалуйста, поверь мне так же, как я тебе.

– Что я должна делать?

– Вот и умница, – улыбка вновь тронула его выцветающие губы. – Для начала – успокоиться и поверить мне. А потом – постараться помочь, если я уже сам не смогу...

Я не понимала, сколько прошло времени. Вечность? И сколько еще у нас осталось? Мгновения? И как долго продержится Рауль? Кровь из его порезов хлынула уж совсем пугающим потоком. Я встревоженно перевела взгляд на лицо Рауля, но он взглядом показал мне, что все в порядке.

Как невыносимо сложно было оставаться спокойной, сдерживать за зубами отчаянные крики, ничего не предпринимать, зная, что выменивает он надежду для нас на свою жизнь. Не ведая, чем обернется наша «затея».

Мне хотелось получить хоть какое-то подтверждение тому, что мы на правильном пути. Но ничего не происходило. Ровным счетом ничего, если не считать того, что друзья Рауля пытались высадить дверь, отделяющую нас от них. И кричали – может, выкрикивали проклятия в мой адрес за то, что я позволила Раулю совершить этот поступок, не имеющий для них

объяснения? Может, они считали, что мы оба свихнулись. Парочка сумасшедших. Манэль с его спецагентами и подслушивающими устройствами в каждом прыще нервно курит в сторонке и ведет переговоры с зелеными человечками...

– Счастье... – вдруг улыбнулся Рауль, прикрывая глаза. – Эти дни, с тобой, были самыми счастливыми в моей жизни...

– Эй! – встревожилась я. – Не вздумай... Не говори так, ты меня пугаешь!

– Но это правда, – сказал он, открывая глаза.

– Ничего не происходит, Рауль! – воскликнула я, оглядываясь на другую половину подвала. Наши друзья, отбежав от решетки, собрались у двери, ведущей на лестницу. Что они задумали?.. До меня вдруг донесся чей-то крик: «Дым!» И я увидела, как лицо Рауля тронула тень сожаления. Ошибся?..

– Рауль, делай что-нибудь, останови кровь! Так нельзя! Нельзя! Это не тот выход! Мы ошиблись! Дай шнурок! – выдержка отказала мне, и я вновь поддалась отчаянию и панике. Схватив Рауля за руку, я с силой сжала ее выше ран, заставив парня поморщиться от боли.

– Черт тебя побери! – выругалась я по-русски после того, как он настойчиво высвободил руку и поднял ее. А кровь продолжала стекать, заливая пол, заливая его джинсы и мою одежду, заливая, заливая...

– Что мне делать?!

– Успокойся, – невозмутимо ответил он.

Это какой-то театр абсурда – то, что происходит. Я схватила зеркало и перевернула его, чтобы убедиться, что мы не сошли с ума.

С него не пролилось ни капли. Будто Рауль и не сцезивал на него свою кровь. Куда все подевалось? Впиталось в трещины между осколками? Но фанера задней стенки – сухая.

Рауль, увидев, как я растерянно осматриваю зеркало, засмеялся – тихо, но радостно, как ребенок.

– Получилось... – прошептал он. Но, в противовес его словам, уже на нашей половине подвала взорвалась лампочка. Осталась только одна – та, которая висела прямо над нами.

– Оренсе? – донесся от двери испуганный голос Чави. – Вы там живы?

– Куда мы денемся, – пробормотал Рауль. – Что там... с пожаром?

– Дымом уже здесь воняет, – ответил Чави. – Не чувствуете?

Я положила зеркало. Напрасно... Помощь не успеет. Показалось ли мне или нет, но какая-то тень мелькнула в осколках. Из самого большого протянулась ко мне чья-то кисть с растопыренными пальцами – тонкая,

белая, девичья. В другом я увидела искаженное мукой лицо. Заметив, что из-под бедра Рауля выглядывает шнурок, выдернула его. Рауль не противился. Так крепко, как могла, перетянула ему руку, не представляя, правильно ли делаю это. Мне никогда не доводилось оказывать кому-либо медицинскую помощь, и все знания, полученные в далекие школьные годы на уроках безопасности жизни, давно выпали из памяти.

Наверное, я что-то сделала не так, потому что кровь как шла, так и продолжала идти. Я для надежности крепко схватила Рауля за руку повыше ран.

– Скажи, что мне сделать? Как остановить?.. – прошептала я, обнимая любимого.

– Поцеловать меня, – ответил он – совсем не то, что я ожидала. – И поверить. Просто поверить... В мою любовь.

*Vivo loco por que comprendas,
Por encontrar un modo de que entiendas que...
Yo daria mi sangre por ti...*

*Я живу, сходя с ума от желания
Найти способ дать тебе понять,
Что за тебя я отдал бы мою кровь...*

Отстранившись от Рауля, я обнаружила, что с его руки больше не стекают капли, а зеркало теперь – молочно-белое, будто затуманено изнутри густым дымом.

– Рауль? – позвала я. Но он промолчал. И ресницы прикрытых глаз не дрогнули. И когда я вновь поцеловала его еще теплые губы, он уже не ответил на мой поцелуй.

... Я не понимала, что происходит вокруг. Не понимала, почему нас пытаются разлучить – меня и Рауля, ведь мы с ним срослись сердцами в одно – как сиамские близнецы. Если не бьется его, то мое будет биться за двоих. Я ругалась с этими незнакомыми людьми, которые пытались разнять мои руки, стискивающие в судорожном объятии его тело. Кто эти люди, какое они имеют право разъединять нас? Я кричала и плакала – без слез, потому что выплакала их еще во время короткого, длинной в наше быстротечное счастье, поцелуя. Я никак не могла понять, как он мог так поступить со мной – бросить именно тогда, когда я ему поверила. Он

столько раз просил меня верить ему, пытался завоевать мое доверие – разбился не на дороге, а о мое неверие, упустил, но не утратил надежду разыскать, зная лишь мое имя. Шаг за шагом он лечил мои раны поцелуями, взглядами, прикосновениями. Растапливал недоверие заботой, встревоженными вопросами, ежедневными звонками, долгими разговорами, объятиями... Но когда я ему поверила, обманул самым жестоким образом.

Я отказывалась вставать на ноги, потому что под ними уже больше не было почвы. И неба, в котором я парила, теперь тоже не было. Я оказалась зажата между двумя каменными плитами. Могильными? Может быть.

И все же меня оторвали от него. Кто-то сильными руками подхватил меня, легко, словно пушинку, перекинул через плечо и понес. Давид. Предатель Давид. Не друг, а предатель. Разве бы друг оторвал меня от самого дорогого, что у меня было?

А что было дальше, я не помню.

Ничего.

Потому что для меня все закончилось.

* * *

Сеньор Анхель переступил порог дома, прошел через длинную столовую, глядя отполированные временем и ладонями спинки стульев. Эти стулья были приобретены в лавке его отца, которую продолжал содержать по сей день Анхель. Люди уходят, а у предметов жизнь куда более долгая. Они пережили не только несколько поколений владельцев, но и уцелели при двух пожарах. Как вот этот буфет и стол.

Анхель открыл дверь, ведущую на лестницу, но в последний момент передумал подниматься: что ему делать сейчас там, среди рабочих, восстанавливающих второй этаж после пожара? Там такие специалисты, что он, знающий толк лишь в старинных вещах, но ничего не понимающий в ремонтных работах, будет лишь мешать. Да и выгоревшая комната – та самая – невольно напоминает о другом пожаре, в котором погибла Мария.

Анхель прошел через хозяйственный блок и вышел на другую лестницу. Даже здесь еще чувствовался запах горелого пластика и «химии», которой тушили огонь.

Проклятый дом, обреченный на пожары... «Мышеловка», как выкрикнул ему, хозяину дома, в лицо один из гостей. Того парня можно понять. Это страшное упущение Анхеля – позволить дому остаться

ловушкой. Даже после того, первого пожара... Но ему так хотелось по возможности сохранить все, что не тронул огонь, в том виде, в каком помнила Мария. Ту же старую дверь, окна... Всего лишь потому, что так было при жизни девушки.

Анхель спустился в подвал, прошел дальше, за решетчатую дверь. Здесь все и случилось... Вначале он увидел впитавшиеся в каменный пол темные пятна. Затем ему на глаза попало и само зеркало. Пожилой мужчина присел над ним, боязливо тронул пальцем молочно-белое, будто умершее, стекло, с неприязнью покосился на паутину трещин. Проклятое...

...Отец рассказал ему, что зеркало принесла в лавку одна пожилая сеньора, которая распродала все из своего выставленного на продажу дома. Она много чего предлагала, но это старинное зеркало оказалось самым ценным. У той сеньоры долго, в муках, от неизлечимой болезни умирала молодая дочь. И зеркало, круглосуточный свидетель ее страданий, впитывало в себя крики, стоны, проклятия больной. До тех пор, пока бедная девочка, не выдержав мук, не вскрыла себе вены. Ох, если бы Анхель знал об этой истории раньше... Не прошло и недели после покупки зеркала отцом Марии, как в их доме случилась трагедия.

Никто, конечно, не связывал тот пожар с проклятием зеркала. Только Анхель, но держал это в секрете. А кто бы ему поверил, расскажи он о своих предположениях? Сгорела дотла комната Марии, огонь уничтожил ее тело. А проклятое стекло, пережив пожар, впитало в себя новые несчастья.

Мария... Его первая любовь. Юная, красивая, смущенно краснеющая каждый раз, когда видела его. Готовил Анхель ей подарок – маленькую фигурку ангела, которая бы оберегала ее от всех несчастий. Да не успел.

Родители Марии недолго задержались в доме, где погибла их дочь. Уехали, оставив дом как есть – с выгоревшим частично вторым этажом, брошенным, одиноким. Так старик и провел в запустении три десятка лет. Пока повзрослевший Анхель не разыскал владельца и не купил у него этот дом. Молодой человек был уверен, что Мария будет благодарна ему за то, что он не дал старому зданию умереть.

Много лет прошло с той трагедии. Анхель женился, вырастил трех дочерей. А сердце все равно хранило образ той, первой любви... Будто зачатое помнить Марию вечно.

Однажды, в день, когда Анхель принимал у строителей отделку дома, ему померещился в полумраке одной из спален полупрозрачный силуэт в развевающемся от ходьбы длинном платье. Мария?... Мгновение, и фигура пропала в зеркале ванной. Конечно, было это не чем иным, как игрой воображения, ведь Анхель не раз попробовал представить Марию тут

хозяйкой. Мираж миражом... Но Анхель на всякий случай попросил рабочих вделать все зеркала в доме в стены – так, чтобы нельзя было снять. И тогда призрак Марии мог свободно перемещаться из одного в другое и выходить наружу, когда вздумается.

Только одно зеркало он снял и убрал в подвал. То самое, проклятое. Выжившее в первом пожаре. Почему он не выбросил его сразу? Почему, будто повинувшись чей-то странной воле, отнес его в подвал? Почему?

Кряхтя, Анхель поднял зеркало с тем, чтобы отнести его на свалку. Собственно, за этим он и спустился. Пожилой мужчина направился к лестнице и вдруг увидел возле стеллажей тоненькую фигурку в белом платье. «Мария?» – подумал он, решив, что в подвал спустилась его младшая дочь.

– Мария... – прошептал он, приглядевшись и узнав ее – другую Марию.

* * *

Я ушла. Я вышла из нее, восхищенная ее смелостью, стремлением не сдаваться, ее находчивостью и рискованностью. Броситься в огонь, зная, что шансы спастись ничтожно малы, но лишь бы выгнать меня из тела. Выбрать смерть, но не прожить чужую.

Я ушла. Не потому, что страх огня выгнал меня из ее брошенного на погибель тела. Я ушла, осознав, что, живя в нем, я бы не получила заветного цветка: губы желанного мужчины никогда бы не прошептали мое имя. На них вытатуировано другое – той девушки.

Я ушла и потому, что поняла, что дом без меня погибнет. Я – его душа, его сердце, его хранительница, его настоящая хозяйка. Этот дом – мой настоящий цветок, который подарил мне мой ангел. Мой Анхель. Буду жива я, будет жив дом, будет расти цветок.

Ушла, зная, что лишь я могу оберегать дом от зла: открывать и закрывать коридоры, наблюдать, предупреждать... Вот настоящее предназначение Печальной Сеньориты!

Я вернулась в свои коридоры, которые уже не казались такими холодными, как раньше. И мой мир стал больше похож на пробуждающийся от зимы: тает лед, появляются краски, воздух наполняется запахами, теплеет ветер. Зло попало в ловушку. Тот парень вливал не кровь, не жизнь, а нечто более опасное для зла – свою любовь. И раненное его любовью, ошпаренное горячими чувствами, отравленное

принесенной в жертву кровью, зло ушло из этих коридоров.

А я, Печальная Сеньорита, останусь тут – хранить мой дом...

Я, его хозяйка, вышла из коридоров и прошла, стараясь оставаться незамеченной для рабочих, по своим владениям. И когда спустилась в подвал, увидела его. Моего ангела. Анхеля.

* * *

Это был печальный обед. Плакала душа, плакали мои сухие глаза, плакали мои тронутые улыбкой губы. Я слушала Давида, но думала лишь о том, что завтра – все... Зимние объятия моей страны, компания одиночества, воспоминания – то ли мой яд, то ли лекарство.

Там, в Москве, осталась Дуся, она тоскует по мне. Я и так задержалась дольше, чем предполагала. Там, в моей семье, готовятся к празднованию маминого юбилея, и я просто не могу на нем не присутствовать, а так задержалась бы в Санроке еще ненадолго... В Москве вроде как моя жизнь, но похожа она на выстуженные зеркальные коридоры. Теперь моя настоящая жизнь только там, где Рауль.

– Эй, принцесса... – услышала я его шепот, и теплое дыхание тронуло мочку уха. – Ты чего загрустила?..

– ...А она вцепилась в тебя, как кошка! – продолжал Давид, размахивая руками. – Я ее отдираю, ору ей, чтобы выпустила. А она держится, и все тут! Ну все, думаю, будет нам не один «труп», а два.

Рауль засмеялся, я же толкнула его в бок и покраснела. То, о чем мне бы хотелось забыть, Давид, напротив, вспоминал чуть ли не с удовольствием. Извращенец! Получил свою порцию адреналина! Напомнить, что ли, ему про пижаму? Подговорить Лауру из мести подарить ему похожую? Впрочем, клетчатая кепка, которую Давид надел сегодня для «стиля», составила ночной одежде достойную конкуренцию.

– Мы орали, орали, но вы нас и не слышали. В том дурацком доме даже противопожарной сигнализации установлено не было! Я потом хозяину все высказал! Счастье, что уже тогда, когда дым пополз в подвал, появилась связь, и мы вызвали пожарных. А то не знаю, чем бы наши приключения закончились...

– Лаура задерживается, – проговорила я, дабы прекратить этот неприятный разговор. И так грустно, не хочется вспоминать плохое.

– Я сейчас ей позвоню, – с готовностью выхватил телефон Давид. – Куда это годится... Сказали же, что в два – обед, значит, в два.

Он пригласил нас на прощальный, перед моим отлетом, обед в ресторан своего дяди, пообещав угостить какими-то особыми блюдами.

– Привет! – показала улыбающаяся Лаура за спиной Давида в тот момент, когда он сосредоточенно слушал длинные гудки в своем телефоне.

– Ау, дядюшка Давид! Я ту-ут, – пропела девушка. И, сменив тон, скривилась: – Боже, Давид, где ты взял эту кепку? Ты в ней похож на пеликана!

– Почему... на пеликана? – в первый момент растерялся парень. Но тут же пришел в себя и гаркнул почти на весь ресторан:

– Лаура, не заставляй меня вспоминать прилюдно опять твои розовые трусы, сверкавшие из ветвей деревьев! Или, постой-ка, в другой день были уже малиновые? Точно! Малиновые!

– Козел, – буркнула Лаура, сердито плюхаясь на стул рядом с Давидом.

– Ну-ну, – добродушно рассмеялся парень. – Шучу, шучу! У тебя сроду не было малиновых трусов. Разве что... фиолетовые. Нет? А какие? Зеленые?..

Лаура в сердцах швырнула в Давида салфетку. Но он захохотал и сгрел хрупкую девушку в свои медвежьи объятия.

– Я знаю, что мы им подарим на свадьбу, если они когда-нибудь поженятся, – шепнула я Раулю. – Побольше тарелок. С таким темпераментом в их доме посуда быстро закончится.

– И никаких ножей и вилок! – поддержал меня Рауль. – Правда, боюсь, Давид впадет в депрессию от перспективы есть чудесное нежное рыбное филе суповой ложкой.

– Держи, авантюрист, – вдруг протянула Лаура через стол Раулю какой-то конверт. – Все на высшем уровне, как ты и просил.

– Что это? – любопытно спросила я.

– Лекарство от твоей грусти. И сомнений, – усмехнулся Рауль, открывая конверт и вытаскивая из него заграничный паспорт. Пролистав его страницы, он вдруг продемонстрировал мне... российскую визу. – А вот и билет. Надеюсь, Лаура из вредности не купила мне его на другой, чем у Анны, самолет?

– Обижаешь, – буркнула девушка. – Сказала же, все сделано в лучшем виде! Даже рекламный буклетик – подарок от агентства, тебе вложила. Как дорогому клиенту. Ох, и действительно дорогому!

– Ой... – только и сказала я, с недоверием переводя взгляд с паспорта на смеющееся лицо Рауля и обратно – на билет в его руках.

– Надо же твоей маме сделать подарок на юбилей! Правда, боюсь, будет он не очень приятный, ведь я собираюсь увезти ее единственную

дочь. Как она, справится с таким известием? У будущей тещи крепкие нервы?

– Будущей... тещи?

– А что ты думаешь, я по Красной площади еду гулять? – засмеялся Рауль, обнимая меня обеими руками. – Я ее уже видел! Считаю, что отправляюсь в деловую поездку – вести переговоры с твоими родителями. Заключать сделку: они мне – это сокровище, а я им – обещание хранить его и любить.

---

notes

Примечания

1

Начало истории читайте в романе Н. Калининой «Распахни врата полуночи».

2

Guapísima – красивейшая (*исп.*).

3

Preciosa – прекрасная (*исп.*).

4

Сардана – каталонский танец.

Diosa – богиня (*исп.*).